

Виталий ЕРЕМИН

ОТЧАЯННАЯ ПЕДАГОГИКА

Москва

2008

УДК _____
ББК _____
Е _____

Еремин В.А.

Е _____ Отчаянная педагогика / В.А. Еремин. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. — 176 с.

ISBN 978-5-691-_____ - ____.

Агентство СІР РГБ.

УДК _____
ББК _____

- © Еремин В.А., 2008
- © ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2008
- © Оформление. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2008

ISBN 978-5-691-_____ - ____

Учебное издание

Еремин Виталий А.

ОТЧАЯННАЯ ПЕДАГОГИКА

Зав. редакцией

Редактор

Зав. художественной редакцией *И.А. Пшеничников*

Художник обложки

Верстка *С.В. Иванцов*

Корректор

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.60.953.Д.009001.08.08 от 21.08.2008.

Сдано в набор __. __.08. Подписано в печать __. __.08. Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 11,0. Тираж __ 000 экз. Заказ №

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.

119571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет.

Тел. 430-04-92, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.

E-mail: vlados@dol.ru <http://www.vlados.ru>

Содержание

<i>Предисловие</i>	4
Беседа первая. «ЧЕРНАЯ ДЫРА»	7
Беседа вторая. АТАМАНЩИНА	17
Беседа третья. БУНТ	30
Беседа четвертая. ОПЕРАЦИЯ «ИНКОГНИТО»	39
Беседа пятая. КОМСОМОЛЬСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ	49
Беседа шестая. НОЕВ КОВЧЕГ	55
Беседа седьмая. СУХОЙ ЗАКОН	64
Беседа восьмая. МИФ О ЛЮБВИ	73
Беседа девятая. НА ГРАНИ ФОЛА	81
Беседа десятая. ВОЕНКА	90
Беседа одиннадцатая. ПРОЩАЙ, «ГРИНАБЕЛЬ»	97
Беседа двенадцатая. ТУПИК РАСКРЕПОЩЕНИЯ	102
Беседа тринадцатая. СВЕЖИЙ ВЕТЕР	128
<i>Приложение</i>	160

Предисловие

Содержание этой книги соответствует ее названию. Отчаянные ребята, отчаянные методы воспитания, отчаянная борьба за свое детище — подростковую организацию, созданную из уличной группировки.

Но это было во времена СССР, когда педагогическое творчество душила идеология. Зачем нам эти воспоминания? Затем, что разительных перемен, к сожалению, нет. В стране сменился строй, а что представляет собой работа с детьми? То же, что и 15–30–50 лет назад. Едва ли не больший формализм чиновников от педагогики. Финансирование по остаточному принципу. Есть регионы, где на детей и молодежь тратят всего 0,5–1 процент от бюджета.

А ведь сегодня куда острее, чем раньше, стоит вопрос сохранения страны. Требуется особое воспитание детей и подростков, концентрация усилий всех уровней власти: местной, региональной, федеральной. А что видим на деле?

Темпы роста преступности несовершеннолетних в два раза выше общемировых. Реальное число совершенных подростками правонарушений в 8–10 раз превышает число зарегистрированных. Вошло в моду и стало даже престижным употребление наркотиков, оборот которых в России достигает 6 миллиардов долларов. Некоторые города захлестывает уличная преступность, количество подростковых шак и банд измеряется десятками.

Но не все так безнадежно, считает автор. Нужно только иначе взглянуть на возможности подростков: они могут гораздо больше, чем мы себе представляем. Нужно иначе посмотреть на их общую жизненную позицию: на самом деле, подростки хотят быть не только свободными, но и полезными. И с учетом этих особенностей объединять их в организации и ставить перед ними задачу служения обществу.

Автор не просто делится своими педагогическими находками. Он подробно объясняет, как их применить сегодня, в условиях другого строя. Самые интересные его мысли изложены в главе «Свежий ветер» и связаны с зарождением гражданского общества в малых городах, где живет больше трети населения страны. Если в гражданское общество не могут объединиться взрослые, то давайте сделаем ставку на детей, предлагает Виталий Еремин, попробуем воспитать настоящих граждан из них.

Он показывает, как это можно сделать. Предлагает опробованную им воспитательную систему, названную им уличной педагогией. Обычно подростки объединяются в группы с особой психологией, силовым, агрессивным самоутверждением, тягой к контролю над своей территорией и конфликтам. Это, оказывается, те минусы, которые можно обратить в плюсы, использовать в педагогических целях. Созданная из уличных групп подростковая организация следит за поведением отдельных подростков-правонарушителей и вбирает их в себя, предотвращая возникновение предкриминальных групп. То есть выполняет те профилактические функции, которые оказываются непосильными милиции.

Который уже год армия не справляется с дедовщиной. Но, может быть, и здесь что-то у нас устроено совсем не так, как надо? В каждом городе, считает автор, подростки допризывного возраста должны состоять в организации, пройти не только начальную военную подготовку, но и школу настоящего товарищества, исключающего притеснения и тем более насилия.

Книга представляет интерес не только для тех, кто непосредственно занимается подростками и молодежью, но и для глав местных самоуправлений. Автор убедительно доказывает, что ставка на подростков, объединенных в организацию, поможет решить массу постоянно не решаемых проблем, связанных с санитарным состоянием и благоустройством населенных пунктов и экологией. Это книга — не только о работе с подростками, но и о воспитании патриота своей малой родины..

Опробованная автором в течение восьми лет система дала убедительный результат. В течение этого срока в одном из районов 400-тысячного города не возникло ни одного стихийного уличного сообщества.

Причем, организация почти ничего не стоила городскому бюджету, ибо практически существовала на деньги, которые ребята зарабатывали собственным трудом. Заслуги этой организации отмечали высокие военачальники, а имущество и снаряжение ей выделялось по личному распоряжению министра обороны.

«Отчаянная педагогика» представляет собой живой рассказ об уникальном эксперименте. И одновременно является практическим руководством, как создавать подобные организации и как использовать энергию подростков, что называется, в мирных целях.

Подростковый возраст — самый трудный и разрушительный, может быть самым позитивным и созидательным. Нужно только захотеть это понять. А, поняв, дать этому возрасту большое дело, поставить перед ним большие задачи, оказать ему большое доверие. И тогда он, этот возраст, свернет горы.

Автор в это верит. Осталось поверить тебе, читатель.

Беседа первая

«ЧЕРНАЯ ДЫРА»

В обыденном представлении улица — это плохая компания, сквернословие, курение, выпивки, доступные девочки, драки, приводы в милицию и т.п. А с точки зрения уличной педагогики?

Дома и в школе подросток находится в подчиненном состоянии, а улица — это сфера свободного общения, практика самостоятельного поведения, накопление уверенности в себе. Даже конфликты между группировками — тоже форма общения.

Раньше говорили, что во всем виновата скука. Скучно дома, скучно в школе, с ребятами веселей. Объяснение правильное, но неполное. Дом и школа — неволя и несправедливость, а на улице — свобода! Можно курить, отпускать крепкие словечки, сыпать жаргоном, кривляться, дико хохотать, пить спиртное, употреблять наркотики — никто ничего не скажет, никто не запретит. Странная она, эта уличная свобода, есть в ней что-то дикарское. Но, вероятно, в этом возрасте потребность в ней физиологическая, организм требует.

Улица — это стихийный коллектив. Маленький или большой, безобидный или с отклонениями от нормы, или, наконец, криминальный. Но ни с одним из этих коллективов мы не работаем: не принято. В советское время было удобнее воспитывать детей и молодежь в школе. Сначала это удавалось, потом воспитание стало скучным и формальным. Строптивые подростки заявили молчаливый протест. Есть статистика: уже в 1968 году 16 миллионов (надо ли говорить, что цифра эта была наверняка занижена?) 12–16-летних подростков (больше половины) никак не участвовали в общественной жизни страны.

Но сейчас другая цифра. В общественных организациях состоят меньше 3 процентов подростков и молодых людей.

Что на это сказать? Тем более надо думать, как с этим положением справиться.

Но я продолжу. Раньше преступные университеты несовершеннолетних правонарушитель проходил в колонии. Сегодня уголовному жаргону и преступному поведению уже учатся под окнами своего дома.

Вне улицы подростки совершают 20 процентов правонарушений. На улице — 80 процентов.

Чувство ответственности за совершаемые групповые правонарушения делится между всеми членами группы, тем самым уменьшается ответственность каждого. Действует известный принцип: если все виноваты, никто не виноват.

Структурно уличный коллектив — это срез общества в миниатюре: предводители и приближенные, оппозиция лидерам, «молчаливое большинство». Своя «культура», свой язык и даже своя «экономика». Улица не создает собственных форм жизнедеятельности, а только перенимает их у взрослых и осуществляет в соответствии с главными особенностями подросткового возраста — максимализмом и агрессивностью.

Раньше улица собирала изгоев — обиженных родителями и учителями и давала возможность самоутвердиться в справедливой конкуренции мальчишеских сил. Старшие и сильные не могли унижать младших и слабых, это подрывало сплоченность стихийного коллектива. Норма, выгодная одной только уличной верхушке, прижиться не могла. Как всякая другая саморегулируемая система, улица отторгала все, что могло ее ослабить. Сегодня чаще обижают свои, чем чужие.

Мы называем свою жизнь жестокой и несправедливой. Если бы мы знали в деталях, что переживают дети на улице, нам было бы стыдно за эти слова.

На улице есть свои изгои, вынужденные терпеть издевательства, побои и даже сексуальное насилие. Можно сбежать из дома, но порвать с улицей почти невозможно, она затягивает и держит, как космическая «черная дыра».

Каких подростков ты бы причислил сегодня к категории «уличных»?

Это в основном те, для кого улица ближе родителей. Несколько лет назад в прессе промелькнул любопытный факт: девочка-подросток предъявила отцу-милиционеру ультиматум: или ты уйдешь из милиции, или я уйду из дома. Девочка жила представлениями уличной среды, что быть ментом — стыдно, а быть дочерью мента — позорно.

Если подросток не соответствует каким-то требованиям личной компании, он может много чего натворить, только бы доказать, что он в доску свой. А если не удастся доказать, может даже свести счеты с жизнью. Компания для него — все равно, что воздух. А к родителям отношение больше потребительское — накормили, одели-обули, даже спасибо не скажет.

Может быть, не стоит преувеличивать дурного влияния улицы? Простой пример. В одном дворе живут десятка два сверстников. 18 из них вырастают вполне нормальными людьми, а двое (иногда больше, иногда больше) уходят в криминал. Почему?

Тех двоих могут увести в криминал не только плохие ребята. Они могут уйти сами. Достаточно под влиянием каких-то фильмов или книг подхватить «инфекцию мозга» — сотворить себе кумира в образе лихого налетчика, крутого братка или «крестного отца». Этого достаточно, чтобы подросток покатился сам. Улица в этом случае — место объединения с себе подобными, обсуждения криминальных затей и их почти немедленное осуществление.

О чем ты думаешь, глядя на уличных ребят?

Сегодня одни родители борются за кусок хлеба, другие — за то, чтобы удержаться на более или менее приличном уровне жизни. Едва справляется с этой «гонкой по вертикали» и часть среднего класса.

Почти все уличные подростки вроде бы семейные, и в то же время безнадзорные. Это явление времени названо сегодня «социальным сиротством».

Постоянный стресс, в котором пребывают родители, передается детям и делает обстановку в семье невыносимой. Отчасти отсюда усилившаяся тяга подростков к спиртному, наркотикам, склонность к суициду. Число детей, изымаемых из неблагополучных семей, растет ежегодно на 3 тысячи.

Одна из причин неуправляемости современных подростки — ранняя половая жизнь. В больших городах уже не так постыден гомосексуализм, а употребление наркотиков сегодня модно и престижно, даже в малых городах. Местная власть как бы не хочет замечать это явление, но оно обнаруживается очень просто. Достаточно провести анонимный опрос подростков. До 80 процентов из них точно знают, где можно купить наркотик и по какой цене.

Сегодня подростки начинают совершать преступления намного раньше, чем 15 лет назад, в возрасте 7–9 лет. Число убийств, совершенных несовершеннолетними, только за последние три года увеличилось на 18,5 процентов. Нанесение тяжких телесных повреждений — на 27 процентов. На 18 процентов выросло количество девочек-преступниц. Ежегодно несовершеннолетними или при их участии совершается 300 тысяч преступлений и 700 тысяч административных правонарушений. По оценкам специалистов, подростки составляют сегодня самую криминальную часть общества.

Нельзя сказать, что раньше по месту жительства детьми вообще не занимались. Были дворовые клубы, педагоги организаторы. Какую нишу должна была занять твоя организация?

В дворовых клубах занимались только дети младшего школьного возраста. Педагоги-организаторы боялись уличных ребят, даже на порог не пускали. Внесут в клуб свои уличные порядки, потом хлопот не оберешься. Надо признать, обоснованно боялись. Иными словами, дворовая педагогика существовала в своей скорлупе.

Мне это никак не подходило. Если мне поручили оздоровить всю уличную среду микрорайона, значит, обязан заниматься как раз теми ребятами, которые обходили клубы стороной. А это должна быть совсем другая педагогика. По совокупности приемов я назвал ее уличной педагогикой. Потому, что наша организация никогда не жила своей изолированной внутренней жизнью. Напротив, вся ее деятельность была направлена вовне. Созданная из отдельных уличных групп, она и впоследствии пополнялась в основном за счет подростков, склонных к уличной жизни. Подростки, занятые искусством, спортом и т.д. к нам, как правило, не шли, хотя были и такие. Но мы сейчас говорим плохих, а не хороших ребятах.

Что ты подразумеваешь под деятельностью, направленной вовне?

Подробно об этом будет сказано ниже. А если коротко, это деятельность, направленная на то, чтобы в зоне влияния организации не создавалось никаких сколько-нибудь устойчивых уличных групп, тем более предкриминальной или криминальной направленности.

Макаренко утверждал, что о ценности метода нужно судить по результатам работы. У тебя были какие-то свои критерии оценки результатов?

По приблизительным подсчетам, за 8 лет через организацию прошло около двух тысяч подростков. В опасном состоянии личности (на грани судимости) находились не меньше 200, то есть каждый десятый. По критериям тех, кто проверял мою работу, этого было мало. Наверное, если не учитывать тех, кто находился под влиянием этих 200, а их было примерно 600, то есть каждый третий. Но за восемь лет ни один не попал на скамью подсудимых!

Не мешало бы учесть и другие результаты. «Те, у кого не было настоящего детства, страдают от этого всю жизнь», — писал польский педагог Я.Корчак. А что такое отсутствие настоящего детства? Не только бедность, скверные родители, сиротство и т.п. Это еще, когда нечего вспомнить. Вот уж чего не скажешь о наших ребятах. Имея уже внуков, они до сих пор собираются ежегодно, дружат семьями: им есть что вспомнить.

Как ты занялся этой работой?

Мне было уже 25 лет, но я никак не мог найти себя, перебирал профессии. Написал повесть, как теперь понимаю, очень слабую. Но членам местного литобъединения она почему-то понравилась. Ее прочел первый секретарь Павлодарского обкома комсомола Сергей Литвиненко, вызвал к себе, начал выяснять, чему дышу. Я был, мягко говоря, невысокого мнения о комсомоле. И в прошлом далеко не пай-мальчик. Как ни странно это ему понравилось. Как потом выяснилось, он сам был не в восторге от комсомола, в котором занимал не последнее место. В юности даже водился со шпаной. В общем, мы нашли общий язык, и Сергей предложил мне заняться подростками, которых в те годы называли «трудными».

Такого рода работа (шел 1966 год) только входила в моду. Павлодарцы решили не отставать. Комсомольцы-энтузиасты собрали в военно-спортивном лагере 70 «трудных» подростков, пытались наставить их на путь истинный. 24 дня спали по 4 часа в сутки. Но одно ЧП за другим: драки, кражи, побеги. Только последняя неделя прошла спокойно. Вернулись энтузиасты в город и поняли, что все насмарку: фамилии «трудных» снова замелькали в сводках происшествий. Вот Литвиненко и решил, что заниматься «трудными» надо не 24 дня, а круглый год.

По образованию он был физик-ядерщик, а по призванию — организатор, вожак. Стал командиром первого в истории нашей страны студенческого строительного отряда. Потом — первым секретарем Павлодарского обкома комсомола. На этой должности можно было проявлять инициативу. Он и меня настраивал: старайся работать нестандартно, не бойся забегать вперед комсомола, даже если ошибешься, я тебя прикрою.

Тех, кто занимался в 60–70-е годы прошлого века подростками, называли ребячьими комиссарами. Есть ли такого типа люди сейчас? Ты был одним из них. Можешь и о себе сказать, как о постороннем человеке.

Те, кто думает, что раньше таких людей было много, идеализируют прошлое. На весь Советский Союз ребячьи комиссары (не будем закавычивать и этот термин) были наперечет. Мне иногда говорят, что сейчас таких людей вообще нет. Не уверен: эта особая порода людей была, есть и будет.

Уверен также, что хотя бы одного такого человека при желании можно найти в любом большом или малом городе. Местная власть должна находить таких людей, если хочет спасти подростков от наркомании и преступной жизни. Ребячий комиссар нужен местной власти именно в этом качестве — как спасатель.

Если по улицам города не проходит колонна подростков с рюкзаками или в парадной форме, если вы не видите подростков, которые метут улицы, красят заборы, озеленяют скверы, следят за порядком в местах отдыха, в этом городе нет воспитания.

Теперь конкретно о качествах ребячьего комиссара. Он должен быть энтузиастом-бессребреником, фанатиком своего дела и хорошим «доставалой». Раньше что-то просили у шефов, сегодня придется идти на поклон к предпринимателям.

Это должен быть парень, лет 23-25, холостой, не обязательно с педагогическим образованием, но с характером лидера, способный стать для подростков «отцом-командиром» и проработать без выходных, праздничных дней и отпусков лет шесть-восемь. Это предел, потому что работа требует очень большого напряжения сил. Восьми лет вполне достаточно еще и потому, что дальше человек начинает чувствовать свой возраст, дистанция между ним и ребятами увеличивается, возникают отношения «воспитатель — воспитанники». А это нежелательно. Воспитание в уличной педагогике должно быть, образно говоря, без цвета и запаха.

Дальше мы будем говорить о методах твоей работы. У многих наверняка возникнет сомнение: насколько применимы они сегодня. Подросток стал другим.

Как раньше, так и сегодня существует несколько типов подростков. Ребята, которые живут в мегаполисе, региональном центре и малом городе значительно отличаются друг от друга. Подростки, живущие, например, в поволжских городах, совсем не те, что их сверстники других областях России. Даже в малых

городах живут разные ребята, а значит, и методы их воспитания должны различаться.

Помнится, когда мне посоветовали почитать А.С.Макаренко, я подумал: а зачем? Прошло 30 лет, Антон Семенович имел дело с беспризорниками и работал с ними в колонии, и они были в его руках 24 часа в сутки.

А главное — ребята были совсем другие. «Они меньше всего думали о будущих заработках, о материальных стимулах. Они жадными глазами следили за великим подъемом нашей жизни», — писал Макаренко. В 1966 году, когда я начал эту работу, идеалы становились, если можно так выразиться, все более материальными (нарастал вещизм), характеры — все более дряблыми. Практицизма, скепсиса, цинизма становилось все больше.

Но, несмотря на сомнения, я все же начал читать классика, и уже не мог оторваться, как от хорошего детектива. Читал, как хорошую инструкцию.

Есть универсальные черты характера, свойственные подростку всех времен. И есть универсальные методы воспитания, которые предложил Макаренко.

И через тысячу лет подростка будет одолевать жажда самоутверждения, уважения и самоуважения, страсть к закалке, приключениям и риску, стремление к дружбе и товариществу. Подростки, как и взрослые, любят командовать и воспитывать друг друга. Их, как и взрослых, окрыляет доверие. Макаренко очень доходчиво показывает, как находить этим качествам применение.

Но здесь требуется оговорка. Макаренко начинаешь понимать, когда сам поваришься в этой работе. Тогда предметно представляешь, о чем он пишет и что имеет в виду. Я бы даже так сказал: начинаешь следовать советам Макаренко, когда думаешь в унисон с ним.

Например, он говорил, что педагог должен уметь играть. И даже подробно объяснял, что это такое. А кто из наших педагогов это перенял? Говорил, что настоящий воспитатель должен рисковать. А кто у нас этому следует?

Макаренко был мастер. То, что он делал, называется искусством. Скопировать это нельзя. Можно только на основе его искусства создать свое, может быть, не такого масштаба и не такой яркости, но тоже искусство.

Ты не был профессиональным педагогом, а технологией воспитания овладел довольно быстро. Каким образом это получилось? Какая была у тебя для этой работы интеллектуальная база?

В библиотеке мне попала на глаза книга малоизвестного революционера-демократа Николая Шелгунова. Писал он языком второй половины XIX века, но мысли высказывал вполне современные. Например: «Воспитания у нас нет и оно невозможно, педагогики нет и она еще более невозможна».

Почему? Объяснение он давал такое: «Мы делаем одно из двух: или навязываем своим детям самих себя, или, махнув рукой, оставляем их расти на улице».

Или еще: «Четырехлетний американец уже слышит о выборах президента, а какие разговоры в семье слышит русское четырехлетнее дитя?»

Не у Макаренко, а у Шелгунова я впервые прочел, что «игра есть действительность ребенка», что «воспитание — это передача привычек» и «предоставление новых возможностей человеческого поведения», что для общения воспитателя с детьми «требуется полная солидарность во всем» и что «жизнь есть деятельность, взятая в отношении к другим людям».

Творческая и эффективная воспитательная система, как правило, не навязывает никаких рецептов, а только дает мыслям определенное направление. Н. Шелгунов указал мне это направление.

Все юношеские объединения начинались с объявления в газете или на стенах домов. Ты, насколько известно, действовал в детективной манере — вошел в доверие к уличной компании, стал там своим. Как возникла такая идея?

Недавно я узнал, что в США существует интересная практика: специально подготовленные полицейские агенты внедряются в уличные банды подростков и разрушают их изнутри.

То, что делал я, наверно, не похоже на то, что делают американские агенты. Ребята, слава богу, не были бандой, а я — милиционером.

Почему же мне пришло в голову это внедрение? Наверно, хотелось пойти своим путем, сделать так, как никто еще не делал. Получилось, хотя мог и сорваться. В какой-то степени я действовал не как взрослый человек, а как подросток. Я не чувствовал себя воспитателем. Более того, питал отвращение к назиданию, давлению, навязыванию взглядов, вкусов, норм поведения. Чувствовал, что могу повести за собой ребят, но только как молодой лидер, а не как воспитатель.

Складывается впечатление, что ты действовал в одиночку, без всякой поддержки со стороны комсомола, милиции, других общественных организаций.

В горкоме комсомола мне дали стол с телефоном и бодро посоветовали: «Работай!» Ничего другого мне сказать не могли. Опыт пионерской и комсомольской работы здесь не годился совершенно. Нужно было начинать с чистого листа.

Единственное, что я четко сознавал: моя настоящая работа — не в кабинете горкома. И я пошел по дворам, наблюдал за группами подростков, выбирал, с какой начать. И, в конце концов, выбрал.

Интересная была компания. И дрались, и мопеды угоняли, и самопалы мастерили. Это то, что я мог наблюдать. А сколько чего не видел?

Несколько раз за вечер ребята заходили в подъезд и будто проваливались сквозь землю. Оказывается, в подвале был дворовый клуб. Педагог-организатор часто «сидела» на бюллетене по уходу за ребенком, а ребята этим пользовались — подделывали ключи к замкам. Слесарь ЖЭКа только сменит замок — ребята тут же подберут новый ключ.

Однажды я увидел, как с этой компанией разбиралась инспектор по делам несовершеннолетних Мыльникова. Я ней познакомился. Она дала характеристику каждому, особенно заводилам, уличным лидерам. Ценными были и сведения о положении в их семьях. Вообще, это очень важно — все знать о подростке, с которым тебе придется заниматься.

Помню, Мыльникова посматривала на меня скептически. Не очень верила, что у меня что-то получится. Она называла улицу отстойником. «То, что отстоялось, все равно рано или поздно сядет», — мрачновато шутила она, показывая, что не верит в эффективность милицейской профилактики правонарушений.

Рассмотрим ключевой момент. Ты впервые подошел к уличным подросткам, завязал с ними разговор. Почему тебя, грубо говоря, не послали подальше?

Я мог бы подойти один. Это возможно, если ребята не совсем испорчены. А их испорченность как раз проявляется в неприятии любого взрослого. Поначалу я так и хотел сделать — подойти к уличной компании, где она тусовалась. Но решил на всякий случай подстраховаться.

Объясню, почему. Это как устроиться на работу. Одно дело — прийти с улицы. И совсем другое дело — по рекомендации. Вот мне и нужна была рекомендация.

В том дворе, где колобродила компания подростков, жили ребята, которые с этой компанией не водились, но знали. Я познакомился с ними и предложил им создать организацию под-

ростков, которая будет интересней пионерии и комсомола. Предложение было заманчивое, и они не смогли отказаться.

Вместе мы стали придумывать название, девиз, символику, структуру, названия должностей, форму управления и т.д.

На ребятах из группы поддержки я проверял заманчивость тех предложений, с которыми мы должны были придти в ту самую уличную компанию. Это помогло двигаться не на ощупь, а достаточно уверенно. Для того, чтобы за тобой пошли уличные подростки, нужно быть очень уверенным в себе человеком.

Беседа вторая

АТАМАНЩИНА

А теперь немного о месте и времени действия.

Это было в Павлодаре. Есть такой город в Казахстане, в 400 километрах южнее Омска. Основан был сибирскими казаками. В 44 году туда депортировали чеченцев и ингушей. Привычная спокойная обстановка в городе резко изменилась. Дух уголовного террора висел в воздухе. Каждый день кого-то раздевали, грабили, резали, убивали.

В конце 50-х годов вайнахи начали уезжать себе в Чечню. Однако спокойствия не наступило. Павлодар стал одним из центров освоения целины. Началось строительство тракторного и алюминиевого заводов. Со всех концов Союза съехались специалисты, комсомольцы-добровольцы и те, кто хотел спрятаться от милиции. Раствориться в людском половодье Казахстана в те годы было несложно. К тому же заводы и жилье строили заключенные. Освобождаясь, они принимались за старое прямо здесь, никуда не уезжая.

Сводки происшествий стали тревожней, чем в предыдущее десятилетие. Но милиция быстро справилась с этой публикой. Зато пошел в рост «цветок зла» — преступность несовершеннолетних. Происходило заражение от взрослой преступности, родителям, занятым ударными стройками, было не до детей, отставала в развитии инфраструктура досуга. Надо было что-то делать, только не милицейскими методами. Но это понимала не вся власть, а только редкие ее представители, в нашем случае Сергей Литвиненко.

События, о которых пойдет речь, происходили в районе тракторостроителей, в так называемой «Пятиэтажке». Жили там в основном приезжие. Это были люди с характером, активные, способные. Такими же были и их дети.

Итак, ты остановил свой выбор на конкретной уличной компании, получил о ней необходимую информацию. Что было дальше?

Ребята из группы поддержки заранее предупредили, что мы «нагрянем». И как бы случайно проговорились, зачем именно. Два дня компания томилась в ожидании, обсуждала, что делать. Это был заранее рассчитанный ход, который себя оправдал.

Встреча произошла в дворовом клубе «Восход», довольно мрачном подвальном помещении. Ребята впустили меня и группу поддержки, как хозяева. Их было человек сорок. Идею создать организацию они приняли с интересом (потом в этом признались), но особенных эмоций не проявляли. А заводили держались настороженно, даже враждебно. Смотрели исподлобья, отпускали шуточки, криво улыбались.

Когда знакомились, я назвал себя по имени, показывая, что со мной можно быть на «ты»...

А теперь назову имена и фамилии основных действующих лиц.

Группа поддержки: Виталий Дружинин, Толя Сердюков, Саша Доронин, Женя Абрамова.

Заводили компании: Суворов, Кружилин, Коновалов, Вуколов, Кабурнеев.

Они-то и потребовали объяснений: что будет представлять собой будущая организация?

— Чем будем заниматься?

Пришлось отчитаться. Основные занятия: работа на радиии, вождение мотоцикла, стрельба из малокалиберной винтовки, бокс, самбо. Каждый выходной — либо поход, либо военная игра.

— Почему организация должна быть военно-спортивной?

— Потому что требуется порядок и дисциплина.

— А зачем нам дисциплина?

— Чтобы организация была сильной.

— А зачем ей сила?

— Чтобы все хотели вступить в нее, мы должны стать самыми сильными в районе.

— Чтобы нас боялись?

— Да, нас должны бояться.

Обратите внимание. Это одно из главных условий уличной педагогики. Подростковую организацию должны по-хорошему бояться. Иначе уважать не будут. Это даже заводилам пришлось по душе. Но они боялись потерять власть.

— А кто будет главным?

- Кого выберете.
- Голосовать будем??
- Голосовать.

Женя Абрамова раздала ребятам бюллетени — чистые листочки бумаги — и карандаши:

— Напишите фамилию того, кто достоин стать нашим президентом.

— Как? У нас главный президентом будет называться? — удивились ребята.

— А у вас есть другие предложения? Может, назовем начальником или председателем? — ехидно спросила Женя.

— Нет, председателя не надо, у нас не колхоз.

— Тогда голосуйте. Только, чур, не советоваться, не подсматривать друг у друга.

Согласись, это был рискованный ход. Ты рассчитывал, что именно тебя изберут президентом. А если бы избрали Суворова? Или Кружилина? Как бы выходил из положения?

Наверно, согласился бы с этим выбором и делал свое дело. Занимался бы экспедиторской работой. Доставал бы то, что обещал: оружие, рации, мотоциклы, боксерские инвентарь, маты для борьбы самбо. Искал бы помещение.

Если решено, что президентом будет тот, за кого проголосует большинство, значит, так и должно быть. Нужно играть (чего бы это ни стоило!) по объявленным правилам, а не менять их в соответствии с педагогической целесообразностью.

Согласен, теоретически ребята могли бы избрать президентом не меня, а Суворова или Кружилина. Но практически они бы, конечно, не справились с работой. Ребята понимали, что эта должность по плечу только взрослому, в данном случае мне.

По структуре нам полагалось иметь двух вице-президентов. Одним из них, по моим расчетам, должен был стать Суворов, а другим — Дружинин. Так и произошло. И того и другого ребята просто не могли не избрать. Дружинин был для них гарантией, что они действительно будут постепенно превращаться в организацию. С другой стороны, не избрать Суворова означало вызвать в компании раскол с непредсказуемыми последствиями. Суворов был вице-президентом от шпаны, Дружинин — от ребят, которым бесцельная уличная жизнь порядком надоела. Это было как раз то начальное построение власти, которое и требовалось.

Перейдем к названию организации, ее героике.

В 60-е годы к читателям вернулось давно забытое имя писателя-романтика Александра Грина, между прочим, человека с трудным детством. Женя Абрамова предложила назвать организацию «Гринадой».

Я же в то время находился под обаянием личности нашего разведчика Рудольфа Абеля. О нем только пошли первые публикации. Это не выдуманный Штирлиц, а реальная фигура! Если бы Юлиан Семенов написал об Абеле, получилась бы не менее интересная вещь, чем «Семнадцать мгновений весны»

Таким образом, писатель-романтик Грин навел нас на образ — «Алые паруса». Разведчик Абель — на эмблему Щита и Меча. Мы сложили две фамилии и два образа. Название организации получилось «Гринабель» (ударение на втором слоге). Эмблемой стали Алые Паруса бригадины на фоне Щита и Меча. Как к этому отнеслись ребята? Им понравилось. Хотя какого-то особого восхищения личностям Грина и Абеля я не наблюдал. Кумирами писатель и разведчик не стали. Отчасти это объясняется тем, что героиня «Гринабеля» строилась на том, что каждый подросток должен стать героем собственной жизни. Такой посыл лучше помогал выстраивать нашу систему воспитания.

Виталий Дружинин предложил девиз «Через невозможное — вперед!»

Почему решили создать именно организацию? Почему не клуб?

Клуб — слово вялое, ни к чему не обязывающее, без энергетики, а нас впереди ждала борьба. Само слово «организация» подтягивает ребят, обязывает их вести себя соответственно — организованно.

Что представляли собой ребята из группы поддержки? Мы уже знаем, что Женя Абрамова проводила голосование, и при ее участии родилось название организации. А какую роль играли остальные?

Бывают очень правильные ребята. Такими были Дружинин, Сердюков, Доронин. Физически крепкие, чистые, цельные, романтичные, они хорошо играли на гитаре, пели, занимались боксом. На них можно было положиться. А Женю Абрамову почти сразу же оттеснили другие девочки, более активные, бойкие. Были в группе поддержки и другие ребята. Всех не называю, чтобы читатель запутается в именах и фамилиях.

Вернемся к первому знакомству с уличной группой. Какое у тебя сложилось впечатление о ребятах?

До сих пор помню отзывы инспектора Мыльниковой. Но даже сейчас, по прошествии стольких лет, не считаю себя вправе писать, кто и за что попал на заметку в милицию. Поэтому ограничусь общей характеристикой компании.

Со знаком минус было 15 человек, со знаком плюс 25, из них половина — девочки. Всего около 40 ребят 15–16 лет, в основном восьмиклассники и девятиклассники. Часть увлекалась спиртным и в состоянии опьянения становилась неуправляемой. Сами потом удивлялись, как не совершили серьезных преступлений.

А еще я бы обратил внимание на такую закономерность. Криминальное созревание часто происходит в рамках уличной компании. Потерпевшими, жертвами грабежа и насилия, становятся свои ребята и свои девочки, которые никому не расскажут и никому не пожалуются. Думаю, что и в этом смысле организация сыграла свою предупредительную роль.

У меня самого долго из головы не выходил вопрос: почему меня не встретили в штыки? Объяснений несколько. Во-первых, большинство ребят было за организацию. Совсем не считаться с их мнением лидеры не решились. Во-вторых, им самим было интересно: что будет, как будет? В третьих, они не сомневались, что их положению ничто не грозит. Если «Гринабель» станет популярным и сильным, они будут в нем первыми парнями. Что в этой перспективе плохого?

Что было дальше?

Я не сказал, чем закончился первый сбор. Я объявил, что через неделю идем в поход с ночевкой, где ровно в полночь дадим присягу на верность организации. Суворов и его приближенные встретили это сообщение глумливыми усмешками. Я не придавал этому особого значения. И, как показали дальнейшие события, совершенно напрасно.

У вас была какая-то особенная присяга?

На улице действуют свои нормы. Например, можно плевать и бросать окурки прямо под ноги. За это никто никого не осуждает. Если вы хотите превратить уличную компанию в организацию, вы должны поменять уличные нормы на нормы организации. Для этого вы должны, прежде всего, записать их в устав. Только не буквально, не в лоб.

Если записать в уставе, что плевать и бросать окурки — хорошо, подростки поднимут вас на смех. А если вы напишете, что каждый обязан беречь доброе имя организации, то с вами согласятся: как же иначе? По-другому и быть не может!

После этого можете смело требовать, чтобы не плевались, не бросали окурки и т.д.

Наша присяга традиционно включала в себя обязательство строго соблюдать устав. А в уставе было сказано, что каждый член организации по отношению к другому — товарищ и брат (попробуй теперь тронь или оскорби своего!), что перед уставом все равны. Попробуй после этого, будучи дежурным, не поддерживать порядок в помещении, не следить, чтобы там не курили или считать ниже своего достоинства взять в руки швабру.

Только в одном пункте присяга была необычной. В советское время клялись в верности партии и комсомолу. У нас же требовалась верность только организации. Это имело ключевое значение: подрывалась уличная солидарность. Поклявшись в верности организации, подросток освобождается от верности своим главарям, своей бывшей компании.

Каким был первый поход?

Поход для подростков, да еще с ночевкой, предел мечтаний. Учителя такие удовольствия устраивают редко. Боятся, вдруг кто-нибудь простынет или отравится некачественной пищей. Могут деревенские ребята привязаться. А мы в самом начале нацелились сделать походы еженедельными. Как суббота, так за город. Чтобы увести от городского безделья, от соблазнов выходных дней. Посмотрите статистику: пик происшествий приходится на субботу и воскресенье.

С самого начала мы тщательно готовились к походам. Никаких припасов из дома — только общая кухня. Расписывалось меню, подбирались поварахи из числа девочек. Назначались костровые и дежурные по кухне: кому после еды посуду мыть. Подбирались те, кто будет ставить, а потом снимать палатки, дежурить ночью. Проверялась экипировка каждого, чтобы все были тепло одеты.

Заводили, конечно, в этой подготовке не участвовали. Считали для себя несолидным суетиться. Только посмеивались, не замечая, что тем самым отодвигаются в сторону. На первый план выступал новый актив — ребята, которые ко всему относились серьезно.

Походы, которые устраивают учителя, больше похожи на пикники. Доехали до какого-то места на электричке или автобусе или прошли километр-другой пешочком — вот и весь поход. А если

вдруг перед отъездом закапал дождик, учитель вообще может отправить всех по домам.

Мы перед первым походом условились: выходим в любую погоду, идем пешком не меньше 10 километров со скоростью 7–8 минут километр, в пути — только один привал, в конце маршрута — переправа через реку на лодке. Опять-таки в любую погоду.

Зачем такие сложности? Хотелось сразу выявить характер каждого. И чтобы у одних было чувство гордости за себя, а другим чтобы стало стыдно. Чтобы новый актив креп, а старый, уличный, падал в глазах ребят.

Теперь подробнее о походе.

Перед выходом я проверил экипировку каждого. В некоторых рюкзаках что-то звякало. Хозяева рюкзаков отводили глаза. Как ни странно, это были самые младшие. Даже спиртное для себя лидеры не хотели нести сами. Хотя в рюкзаках лидеров тоже слышались странные звуки...

Вообще-то полагалось что-то предпринять, чтобы запасы спиртного остались в городе. Но как? Устроить обыск? Верхушка устроит скандал. Что же делать? А ничего! Сделал вид, что ничего не заметил.

Перед выходом ребята должны были построиться, встать в колонну по два. Не идти же кучей. Строй — порядок, красота коллектива. Но наша «элита» не хотела ни порядка, ни красоты. Кривлялись, пихались, хохотали. Считали стыдным стоять в строю. Вдруг увидит шпана из соседнего микрорайона? Засмеет.

Но вот кое-как все же встали наши лидеры во главе колонны. Не плестись же им в хвосте. Идем через город к окраине. Попробовали затянуть песню, не получилось. Ладно, не беда, спасибо, что вообще идем строем.

Вышли за город. Теперь можно прибавить шаг. Не получается. Не хотят лидеры идти быстро. Я смотрю на часы и задаю темп. Вот уже за мной пристраивается новый актив, за ним — остальные, а лидеры отстали, они в хвосте. Им уже не до шуток, их уже злость разбирает. Куда торопиться? Зачем? Слышу:

— Давайте отдохнем.

— Нет, мы договаривались: километр за 15 минут, привал — через пять километров. Или мы не хозяева своим словам?

Теперь «элита» плетется уже молча. Куда деваться? Не возвращаться же в город.

На привале все падаю, как подкошенные. Без привычки мне самому тяжело. А для чего поход, если он легкий? Мы решили

стать самыми сильными? Решили. Так в чем дело? Вперед — через невозможное!

После привала идти еще тяжелей. По себе чувствую. Начиная сомневаться, думаю: может, все-таки сбавить темп? Вдруг ребята сотрут ноги — как тогда обратно возвращаться?

Рядом идет девятиклассник Слава Измайлов, наш художник. Он придумал эскиз формы: куртка с погончиками и накладными карманами и берет. Мы ни разу не видели, как одеты скауты. Но, как выяснилось позже, получилось точь-в-точь. Суворов и его приближенные зовут Славу пренебрежительно мазилой. Но он умеет не только рисовать, но и говорить в лицо Суворову неприятные вещи. И вообще относится к нему и другим лидерам иронически. За это Славе уже не раз доставалось, но он не сдастся. Он буквально не по дням, а по часам набирает вес в глазах большинства ребят.

— Может, сбавим темп? — советуюсь со Славой.

— Ни в коем случае! — отвечает он.

И отбирает у девчонки рюкзак. Глядя на Славу, другие ребята делают то же самое. Девчонки не сопротивляются, но требуют, чтобы им дали хоть что-нибудь нести. Не идти же налегке!

— Может, сбавим темп? — спрашиваю громко.

И слышу в ответ дружное:

— Нет!

Хотя, как потом выяснится, к этому моменту ноги уже стерты у доброй половины ребят.

И все равно: «Нет!»

— Тогда — вперед!

В ответ дружное:

— Через невозможное — вперед!

Организация — впереди, улица — сзади. Лидеры отстали на добрых 200 метров. Потом — на 300, 400, 500...

Выходим к Иртышу. Хорошо, бакенщик выполнил уговор: лодка с веслами в условленном месте. Можно переправляться на остров Теплинский. Но неожиданно поднялся сильный ветер. По Иртышу загуляли высокие волны. В голове сомнения: может не стоит?

Подходят лидеры:

— На фига нам эта переправа? Что там делать, на этом острове?

Хорошо, ставим на голосование:

— Кто за то, чтобы переправляться? Кто — против?

Против только лидеры. Вот зачем поход с такими трудностями!

Переправляемся. Я не доверяю весла никому, гребу сам. В лодке помещается не больше шести человек. Всего нас больше сорока. Семь рейсов туда, семь обратно. Правда, остров — рукой подать.

Но как бы лодка не перевернулась. Ветер крепчает. С каждым часом становится все холоднее. Похоже, следом за дождем пойдет снег. Этого нельзя исключать. Все-таки апрель, десятое число.

Лодка не перевернулась. Она просто стала протекать. Причем очень быстро. Воду вычерпывали консервными банками.

Наконец, все на острове. Начинаем ставить палатки, готовить ужин. Все при деле, только не «элита»...

Палатка лидеров ходит ходуном. Нарезвившись, притихли. Слышу: звяк... Значит, разливают по кружкам. Раздвигаю полог:

— Не помешал?

— Нет, мы только собирались тебя позвать. Хлебнешь?

— Да нет, спасибо, как-нибудь в другой раз.

— Какой другой? Такое событие! Первый поход! Ха-ха-ха!

Надо отметить.

— Событие состоится в полночь. Или вы не думаете присягу принимать?

— Ну, это сколько ждать. Давай пока по глоточку.

— Вы за меня голосовали?

— Ну, и что? Нельзя выпить, что ли? У нас вроде нет сухого закона.

— Вы превращаете поход в пикник и пьянку. Если я это допущу, организации не будет. Будет шайка-лейка под названием «Гринабель».

Вижу, напряглись агрессивно:

— А как ты не допустишь?

— Хорошо, а если я попрошу вас не пить, по крайней мере, до присяги? Потом, черт с вами, закрывайтесь в этой палатке и справляйте.

— Просишь?

— Прошу!

— Ну, как, парни, уважим? Все-таки президент.

Чей-то голос из глубины палатки:

— Ладно, уважим.

Меня трясло. Что делать, успокаивал я себя, это и есть уличная педагогика. Атаманщины никак не избежать. Только сколько она продлится, вот вопрос!

Полночь. Остальные ребята видят, что происходит. Меня окружают, стараются показать, что они, большинство, со мной. Разводим большой костер, зажигаем факелы, встаем вокруг, обнимаем друг друга за плечи, и я читаю текст присяги, ребята повторяют за мной. Только не очень понятно, отчего дрожат наши голоса. То ли от холода, то ли оттого, что момент сам по себе запоминающийся, сильный.

И вдруг — ружейные выстрелы. Один, другой, третий, четвертый. Оглядываемся, а это наши вожачки куражатся, по-своему отмечают событие. Но как бы то ни было, они снова в центре внимания. На них снова посматривают с опаской: мало ли еще чего выкинут?

А где же ребята из группы поддержки?

Самых твердых из них — Дружинина и Сердюкова — не было. Не помню, по какой причине, но они не могли пойти в этот поход. Но даже если бы пошли, картина была бы примерно такой же. Остановить лидеров не мог в то время никто. Но справедливости ради надо сказать, вели они себя так не из вредности. Просто над ними довлел стереотип: как можно идти за город без спиртного и оружия? Никак нельзя. Не принято.

И все же кто-то из ребят пытался их остановить. Когда салют кончился, лидеры вернулись в свою палатку. Вдруг слышу оттуда яростную, истерическую ругань.

Подхожу:

— В чем дело?

— А кто нашу водяру разлил?

— Понятия не имею.

— Нет, это ты кого-то подослал!»

Вижу, лидеры уже наглеют, хамят.

Спрашиваю:

— Неужели все вылило?

В ответ:

— Не все, но половина, две бутылки.

Кажется, сейчас начнется поиск виноватого. А это — скандал, и кому-то из ребят достанется. Надо что-то делать. А у меня обязательная для похода фляжка со спиртом. Снимаю с пояса, протягиваю: вот вам компенсация за понесенный ущерб. Успокоились, предлагают выпить.

— Черт с вами, — говорю, — за «Гринабель» можно сделать глоток.

— Так и мы — за «Гринабель»!

— Тогда тоже — только по глотку!

— По глотку? Ха-ха-ха! Ну, для начала можно и по глотку.

Они долго еще колобродили. Но, слава богу, ни к кому не приставали.

Остальные пекли в костре картошку, сидели тесно, дул пронизывающий ветер, вместо дождя сыпалась белая крошка. Пели под гитару любимые старые песни и одну новую, уже свою, написанную Мишей Монаковым:

Ночь скрыла лба земного умные морщины,
Ночь вдоль и вширь на тридцать тысяч верст,
И палубу усталой Бригантины
Засыпали сугробы щедрых звезд.
Подать рукой до Африки и Азии,
И все-таки дороге нет конца.
Пассатами мальчишеской фантазии
Уносит нас на алых парусах.
Ночь до краев полна прохладой глубинной,
А неба сыплет звонкий звездопад...
И грустный и нескладный призрак Грина
Пришел на бак и сел среди ребят.
Но рухнет ночь,
Рассветом яростным пробита,
И солнце закачается в волнах,
Корабль наш будет синь сверлить бушпритом,
А волны — петь о славных временах.
И будут тучи в небе белым штабелем,
И будет на губах морская соль,
И будет ждать парнишку из «Гринабеля»
В далеком далеке его Ассоль.

Чем же закончился ваш первый поход?

Через много лет, став уже взрослыми, ребята говорили, что им в память врезалось, как переправлялись в бурю через Иртыш, как боялись, вдруг перевернется лодка, как принимали при пламени факелов присягу.

А я почему-то помню, как плелись обратно, не выспавшиеся, едва переставляя стертые ноги. (Наша «элита» уgomонилась только под утро, почти не спали и остальные). Я не подгонял: сам был вымотан ночным бдением. Боялся за девчонок, мало ли чего. В общем, мне казалось, что плохого было больше, чем хорошего.

Почему вы решили назвать руководителя организации президентом? Это слово было в то время слишком уж чуждым слуху советского человека.

Ребят может воспитывать сама форма управления. Из этой мысли как бы само собой вытекало, что взрослый руководитель организации должен избираться подростками тайным голосованием. Позже я понял, что процедура тайного голосования может

применяться в воспитательных целях гораздо шире. Не только при выборах президента. Но об этом я скажу позже.

Наконец, я надеялся, что название должности будет диктовать избранному вице-президентом уличному подростку (Вите Суворову) иной тип поведения. Человеку свойственно соответствовать той социальной роли, какую ему выпало играть.

Но все эти построения на начальном этапе разлетелись в прах. После выборов уличная компания оставалась такой же, какой была. Процесс становления подростковой организации вступил в период, который я про себя называл атаманичиной.

Почему именно атаманичиной?

Я был с ребятами на «ты». С одной стороны, такое обращение ставит вас ближе к подросткам. С другой, они рано или поздно попытаются сесть вам на голову. Это неизбежно даже в обычных человеческих отношениях, когда вы с младшим по возрасту переходите на «ты».

Инспектор Мыльникова однажды прямо в глаза мне сказала: «Ты не воспитатель. Ты — атаман». А жильцы дома, где находился клуб, понаблюдав мои отношения с ребятами, настроили анонимку. Меня вызвали «на ковер» сначала в горком комсомола, потом в горисполком, а потом и в горком партии. Всюду меня прорабатывали, доказывая, что сам характер моих отношений с подростками исключает возможность воспитания.

Я приносил книги Макаренко, цитировал его, старался объяснить, почему у меня такие отношения с ребятами, вот что об этом писал классик: «Сначала была тенденция выдвигать во главу первичного коллектива наиболее способного, наиболее «блатного», наиболее волевого мальчика или девочку, способного держать всех в руках: командовать, настаивать, нажимать». Но меня никто не слушал.

Итак, первый сбор и первый поход закончились в целом удачно. Что было дальше?

Я целыми днями ездил по городу, искал помещение, выпрашивал в ДОСААФ учебное оружие и списанные мотоциклы, уговаривал военкома, чтобы направил к нам офицера-инструктора, выбивал средства на пошив формы. В клуб приходил только вечером, и заставлял там во всей красе обычную уличную тусовку.

Мы условились, что у нас будет порядок и дисциплина. Иначе какая же мы организация? Лидеры это общее решение поддер-

жали, но выполняли своеобразно. Представляете картину, вице-президент Витя Суворов пьет вино, курит и велит дежурным вынести пустые бутылки, вынести окурки. Не подчинишься — выговор.

Раньше ребята покорно терпели это безобразие. Потому что Витя был предводитель. Что с него возьмешь? Но сейчас-то он вице-президент, говорили мне, это куда годится? То есть ситуация оставалась скверной. Но у ребят уже не было покорности. Потому что появился я и группа поддержки. На нас смотрели с надеждой.

Но я понимал: одно решительное требование, и наша «элита» устроит бучу. Организация развалится, так и не возникнув. Я потеряю тех, ради кого все затеяно. И после этого к нам не придет ни одна уличная группа.

Короче, первые два месяца нас трясло. Ребята уже спрашивали: разве у нас организация? У нас — анархия!

Опять таки: куда смотрела группа поддержки?

Дружинин и Сердюков всеми силами пытались установить хоть какой-то порядок. Но их не слушались. Коновалов или Вуколов, например, говорили: чего это ради они пойдут курить в подъезд? Им тут, в клубе, удобней. Суворов и компания не хотели ущемлять себя ни в чем. Делая то, что им нравилось, они готовы были наброситься на любого, кто пытался испортить им удовольствие.

Как же ты на это реагировал?

В том, что происходило, была моя вина. Надо было сначала найти помещение, договориться с военкоматом и ДОСААФ, выбить деньги на пошив формы, сделать самые неотложные хозяйственные дела и только потом идти к ребятам и начинать создавать организацию. В этом случае я бы теперь находился с ними гораздо больше времени.

Прежде чем что-то потребовать, надо что-то заложить в под-ростка. Я эту последовательность грубо нарушил.

БУНТ

Итак, первое условие успешного создания организации — свое помещение?

Как дом для семьи. Педагог-организатор клуба, где бы временно находились, вышла на работу. Мы оказались на улице. Я сказал ребятам, что теперь все зависит от них. Надо провести разведку, обойти все подвалы района. Дважды повторять не пришлось.

На другой день у меня уже было несколько адресов. Пошли смотреть. Всюду висели большие замки. Что там, внутри подвалов — непонятно. Самые шустрые сказали:

— Завтра, в крайнем случае, послезавтра, будем знать.

Им нужно было время, чтобы подобрать ключи. Я сделал вид, что не понял.

Один подвал нам особенно понравился. Огромный, почти 500 квадратных метров, с небольшими окнами. Я тут же пошел в ЖЭК.

Начальник ЖЭКа Сериков сказал, не отрывая глаз от документов:

— В этом подвале будет склад.

— Там будет штаб-квартира организации «Гринабель», — сказал я.

Сериков посмотрел на меня, как на ненормального, и терпеливо повторил:

— Там будет склад.

— Зря, — сказал я. — Нас будет человек сто двадцать. Одно ваше слово, и мы горы свернем. А без нас у вас будет только склад.

— Говоришь, можете быть полезны? — засомневался Сериков.

— Мы будем держать в районе порядок. Шпаны меньше будет.

— Шпана не по нашей части, — сказал Сериков.

— Да нет, — сказал я, — шпана как раз по вашей части. У кого голова болит, когда пацаны что-нибудь натворят во дворе, в подвалах?

Сериков задумался и вдруг говорит:

— Вот если бы вынесли из одного подвала сараи да углубили пол, мы бы там сделали склад...

— Углубим, а если надо, то и расширим, — пообещал я.

Соглашение было достигнуто, и мы получили под штаб-квартиру очень приличное, как нам казалось, помещение. Главное — большое!

Любили вы, однако, звонкие слова. Штаб-квартира...

Что тут сказать — молодость. Хотя в слове «штаб-квартира» был и свой «суровый» смысл. Штаб — это порядок, дисциплина. А «квартира»... Я хотел, чтобы штаб был для ребят вторым домом. Каждый второй воспитывается в неполной семье. У многих проблемы с родителями.

— Итак, присяга принята. Жизнь организации продолжается, но меняется к лучшему не так быстро, как хотелось бы. Ты снова весь в делах, а ребята предоставлены самим себе?

Ребятам хотелось поскорее надеть форму. Я этого хотел не меньше. Все-таки форма очень дисциплинирует. Материал и пошив стоили недешево. Какую-то часть расходов готовы были взять на себя родители. Какие-то средства распорядился выделить Литвиненко. Но мы решили на сборе, что на эти деньги купим что-нибудь другое, а на форму заработаем своим трудом. Но как? Государство запрещало подросткам работать. Считалось, что это вредно для неокрепшего организма. О том, что безделье куда страшнее, никто не думал.

Я пошел на тракторный завод, обратился прямо к директору Орловскому.

Говорю:

— У вас на территории полно металлолома. Видно, некогда сдавать. А план сдачи «висит». Давайте мы сдадим. Вам — план, нам — деньги.

Орловский усмехнулся:

— А не жирно будет?

— Мне надо, — отвечаю, — ребят одеть.

И цитирую Макаренко: «Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50 процентов в ваших руках».

— А сейчас в чьих руках? — спрашивает Орловский.

— Пока заправляет шпана.

Орловский подумал и сказал ворчливо:

— Они сами должны уметь держать себя в руках.

— Для этого и нужна форма.

Короче, нашел с ним общий язык. Начали собирать металлолом. Сдали за месяц годовой план завода. Завод оплатил счет, и в ателье уже шили наши форменки.

Раньше к каким только партийным и советским чиновникам не обращался. В лучшем случае меня «кормили» обещаниями. Куда проще оказалось договориться с хозяйственниками. В таких случаях надо только сообразить, в чем может быть их интерес. Чем им может быть полезна подростковая организация.

Не все гладко было и в отношениях с ДОСААФ. Сначала не давали учебное оружие, потому что не было помещения. А когда появилось, оказалось, должен быть специальный сейф. По приказу Орловского на заводе изготовили железный ящик. Тогда ДОСААФ выдвинул новое требование: должен быть ночной сторож.

На мотоцикл, даже самый легкий, не хватало денег. Что касается бокса и самбо, то тут основные трудности заключались в оплате работы тренеров. За спасибо никто не хотел работать.

Я не очень расстраивался, и вот почему. В те годы считалось, что для перековки уличных подростков достаточно чем-то их заинтересовать. Чтобы они забыли о своих уличных забавах. Может, это и верно, особенно теоретически. А на практике часто бывало с точностью до наоборот. Поднаторев в боксе или самбо, ребята шли сводить счеты с враждебной группировкой.

Обидно было только. Когда кто-то не выполнял обещание, получилось, что это я не сдержал слово.

Однажды моя оппозиция этим воспользовалась. Мы пошли в очередной поход. Снова — вино, визг девочек, хохот мальчиков, неуправляемый балдеж.

Ночью я не мог заставить пьяную «элиту» выполнить команду «отбой». Утром не мог добиться выполнения команды «подъем». Они, видите ли, не выспались. У меня сдали нервы. Я вырвал колышки, и палатка упала, накрыв нашу «элиту».

«Элита» выбралась из-под палатки и устроила мне скандал. Мол, она ни одного моего приказа больше не выполнит, и вообще меня не признает. У меня было ощущение, что меня провоцируют.

Я приказал всем:

— Снимаем лагерь, возвращаемся в город.

Никто даже не шевельнулся. Я сказал, что это приказ. Рядом со мной встали со своими рюкзаками только Слава Измайлов и Витя Севницкий. Большинство понуро молчало.

А «элита» заулюлюкала:

— Проваливайте!

Я предупредил:

— Вы давали присягу.

Кто-то из элиты рассмеялся мне в лицо:

— Мы уже шестой раз клялись».

Действительно, в то время с клятвами на верность партии и комсомолу был явный перебор.

Дикий момент

Вернувшись в город, мы сидели в штаб-квартире втроем (Измайлов, Севницкий и я) и гадали, что же произошло. Ребята были уверены, что был заранее спланированный заговор. Но как можно было впутать в эту интригу большинство участников похода?

Я не сомневался, что виной всему мой диктаторский тон.

Оправдывало меня только то, что слишком долго терпел выходы «элиты». Больше месяца.

Что терпел-то? Можно конкретней?

Каждый день после уроков ребята передевались, и мы ехали на завод. Там нас уже ждали водители самосвалов. Мы вручную грузили металлолом, а машины отвозили груз во Вторчермет. Работа была нелегкая, а главная опасная. Малейшее баловство, и кому-то в голову мог прилететь кусок металла. Баловалась, конечно, «элита».

«Элита» быстро уставала, начинала работать кое-как или вообще не работала, а это расхолаживало остальных.

Почти все ребята понимали: это не пионерский сбор металлолома, когда не знаешь, куда пойдут заработанные деньги. Это работа на себя. Но «элита» не хотела работать даже на себя.

Надо было что-то предпринимать. Макаренко подсказывал: «Не может быть воспитания, если нет требования. Требование не должно быть половинчатым. Оно должно быть предельным, доведенным до возможного предела».

Однако классик делал оговорку: «Там, где я не был уверен, можно ли требовать чего-либо, я делал вид, что я ничего не вижу. Я ожидал случая, когда для меня становилось очевидным, что я прав. В таком случае я и предъявлял до конца диктаторские требования. Ребята понимали, что я прав, и легко мне уступали».

Я сделал все по Макаренко. Дождлся, когда всем, казалось бы, стало ясно, что дальше терпеть нельзя, и только тогда перешел на приказной тон. А вышел полный провал.

Уходя, я четко обозначил выбор: «Все, кто за «Гринабель», должны вернуться в город». Я специально так поставил вопрос.

Ребята должны были вернуться не ради меня, а ради организации. Они должны были повести себя в соответствии с принятой присягой, подчиниться приказу. Ответом было гробовое молчание.

Мы сидели втроем в штаб-квартире и нервно посматривали на часы.

— Неужели «Гринабель» нужен только нам троим? — спрашивал я.

— Нет, — решительно отвечали Измайлов и Севницкий.

— Значит, я был не прав?

— Нет, ты был прав.

— Тогда почему это произошло?

Ребята уходили от прямого ответа:

— Все рассосется. Все будет хорошо.

Но проходил час за часом — никто не появлялся.

— Они вернутся, но позже, — успокаивали меня Измайлов и Севницкий.

— Почему позже?

— Им трудно вернуться сразу. Им нужно разобраться в себе.

(«Завтра же к чертовой матери уволюсь», — подумал я).

В это время в подъезде послышался какой-то шум, дверь распахнулась, и в штаб-квартиру ввалились ребята, почти все, не было только «элиты».

— Мы за «Гринабель», — сказал кто-то из них.

Хорошо, что все так кончилось. Но как ты объясняешь, чем был вызван этот бунт?

Следствия я не устраивал. Ни тогда, ни после мы не возвращались к этому случаю, будто его вообще не было. Могу только строить догадки.

Труд сам по себе хороший катализатор. Быстро проявляется характер, кто есть кто на самом деле. Большинство собирало металлолом, а «элита» постоянно сачковала. Кому это понравится? Из ребят, которые работали особенно хорошо, быстро формировался новый актив, и это уже не нравилось «элите». Тот же Суворов понимал, что при следующем анкетировании ребята напишут, что он только называется вице-президентом. А его места больше заслуживает Слава Измайлов с внешностью пай-мальчика и характером бойца.

Тут что-то не вяжется. Ведь во время бунта большинство как раз поддержало «элиту».

У Макаренко есть интересное определение, что такое коллектив. Передаю своими словами. Это социально живой организм, в котором большое значение имеет соотношение частей и их взаимозависимость. Ребята знали друг друга с детской песочницы, а меня — всего месяц. Они были как семья, в которой может быть не без уroda, но они — свои, их не положено предавать ради какого-то чужака. (Это и есть то, что Макаренко называл взаимозависимостью). Да, я был для них пока что чужой. Они общались друг с другом в мое отсутствие гораздо больше, чем при мне. Число тех (соотношение частей!), кто осуждал «элиту» за ее поведение, постоянно менялось, в зависимости от их настроения и того, как вела себя сама «элита» по отношению к тем или иным ребятам.

Потом, перебирая в памяти предыдущие события, я вспомнил, что накануне бунта «элиты» ничем не раздражала остальных ребят, никого не обижала, не пользовалась никакими привилегиями, всеми силами старалась быть ближе к ребятам, чем я. В то же самое время она пыталась выдать некоторые мои требования (например, запрет на курение в штаб-квартире) за проявление диктаторства.

«Элита» пыталась представить дело таким образом, будто только она мешает мне установить полную диктатуру. Это было интриганство, в чем подростки иногда не уступают взрослым.

Это объясняет, почему большинство осталось с «элитой». Но оно же, большинство, быстро одумалось и вернулось в горах. А это — почему?

Я не раз говорил ребятам, что быть в «Гринабеле» совсем не то, что быть в пионерии и комсомоле, где ты записался и можешь ничего не делать. Мы должны не просто состоять в своей организации, а служить ей всеми силами. Только в этом случае мы станем сильными, нас будут уважать, а значит, и мы будем уважать самих себя.

Иными словами я пытался возвести организацию в некий абсолют. Надеялся, что таким образом смогу заменить несомненный (в глазах ребят) авторитет их уличного коллектива. Вначале сработала зависимость большинства от «элиты», а затем — зависимость от абсолютной организации. Хотя тот факт, что ребята быстро одумались, могло иметь и куда более простое объяснение. После нашего ухода «элита» быстро разоблачила себя, снова став прежней — нахальной и грубой.

Давай уж признайся, наверное, где-то перегнул палку?

Явных перегибов у меня не было, потому что я этого очень боялся. Чтобы объяснить все до конца, вернусь к взаимозависимости и соотношениям частей. Возьмем для примера элементарное: почти все подростки курили. Только одни дымили в штаб-квартире открыто («элита»), а остальные — когда меня не было или когда я не видел. Я требую от «элиты» не курить, и «элита» выглядит в глазах других ребят пострадавшей. Сочувствие ей обеспечено.

То есть ребята, которые никак не могли отказать себе в удовольствии покурить в штаб-квартире, были не только из «элиты». Есть курящие взрослые (очень милые люди), которые никак не могут понять, что их курение наносит вред здоровью окружающих. Такими же бывают и подростки. И те, и другие воспринимают требование не курить, как страшное покушение на их личную свободу.

Итак, ты понадеялся, что привязанность к «Гринабелю» стала для ребят дороже привязанности к их лидерам. Тогда возникает вопрос: в чем заключается эта привязанность? Как она создается?

Подросткам важно, как они выглядят в чьих-то глазах: сверстников, взрослых, учителей, родителей. Неуверенность в себе одна из главных черт подростка. Поэтому организация должна быть популярна. Но для известности нужны какие-то успехи, заслуги. А если их еще нет? Если организация в таком младенческом состоянии, в каком находился «Гринабель»?

В этом случае важна заявка. Я договорился с редакцией областной газеты, и нам дали возможность время от времени печатать подборку материалов о своих делах, проблемах, перспективах, планах.

В первоначальной популярности было больше того, что я называю заявкой. Организация заявляет о своих стремлениях, и это обязывает ребят держать взятые на себя обязательства. Они стараются соответствовать тому образу, который создает для них пресса. Это один из воспитательных приемов, который дает в уличной педагогике достаточно быстрый результат.

Но это не все. Ребята чувствовали себя создателями организации. Они участвовали вместе со мной в социальном творчестве. «Гринабель» был нашим общим детищем. Что может быть дороже этого? Как можно от этого отказаться?

Что было дальше?

Большинство вернулось, а «элита» осталась в своей привычной среде, на улице. По отношению к «Гринабелю» была теперь как

бы в «эмиграции». Через какое-то время лидеры вернулись, но не сразу и не все. Некоторым не позволяло самолюбие. Но и без своего «уличного народа» они обходиться не могли. Поэтому они отирались возле штаб-квартиры и устраивали разные пакости.

Однажды подхожу к дому и вижу: весь подъезд, с первого по пятый этаж, в едком сером дыму.

Жильцы проклинаят:

— Откуда только свалился на их голову этот «Гринабель»!

Все ясно, «эмигранты» взорвали дымовую шашку. А я-то гадал: куда она пропала с нашего склада?

На нас посыпались жалобы во все инстанции. Всюду пришлось объясняться.

«Эмигранты» были довольны, но не успокаивались на достигнутом. Через неделю из штаб-квартиры исчез магнитофон и кое-какой спортивный инвентарь. Воришка был из тех ребят, которые постоянно бывали в «Гринабеле». Вычислили его почти сразу же. Он признался, что его подговорила «элита».

Давление на новый актив приняло откровенно хулиганский характер. Слава Измайлов ходил с разбитыми губами. Вите Севницкому доставалось от принадлежавшего к «элите» старшего брата. «У нас гражданская война прямо на дому», — смеялся Витя.

Однажды трое бывших лидеров, выпив для смелости, пришли сводить счеты со мной. Зла на них у меня не было, но (момент был переломный) пришлось немного сыграть: мол, если вы всерьез решили разобраться, по-мужски, то давайте. Вид у меня не предвещал ничего хорошего. Наглецы отступили.

Итак, «элита» откололась. Можно было этого избежать?

Наверно, да, если бы я был другим человеком: более опытным, терпеливым, способным влиять индивидуально на каждого. Но и в этом случае двое-трое из «элиты» все равно не приняли бы новых правил жизни.

В этом особенность момента: «элита» хотела быть с ребятами в «Гринабеле», но только по своему неписанному уличному уставу. А это было уже невозможно. Значит, в том, что «элита» откололась, была неизбежность. И быть может, даже одна из закономерностей уличной педагогики.

На смену стихийным лидерам, жившим по уличным понятиям, выдвинулись другие, которые приняли законы организации. Вице-президентом вместо Суворова ребята избрали Славу Измайлова. Я его не выдвигал, не рекомендовал, не настаивал на его

кандидатуре. Он выдвинулся сам благодаря своей принципиальной позиции во время бунта.

Поход и присяга были 10 апреля, а бунт в конце мая. Учебный год закончился. Как складывалась дальше жизнь «Гринабеля»?

Ребята все чаще напоминали мне, что пора бы им надеть новенькую форму. А я ссылался на то, что она еще не готова. Мне самому хотелось увидеть ребят в этой форме. Но что-то подсказывало мне: рано! Нельзя давать форму только за то, что ребята ее заработали. Они должны сделать еще что-то, но что? Стать другими, но какими?

В планах горкома комсомола снова, как и в прошлом году, стоял летний лагерь труда и отдыха. Мне сказали, что мои ребята тоже могут поехать.

Лагерь был рассчитан на 70 подростков. 40 из них — по направлениям детских комнат милиции, 30 — из «Гринабеля». Нормальное соотношение частей. Ненормально было — просто ехать.

— В каком качестве поедут мои ребята? — спрашивал я в горкоме.

— Как в каком? — отвечали мне. — В качестве «трудных».

— Это неправильно.

— А что ты предлагаешь? — спросили меня.

— Должна быть какая-то задача.

— Какая?

— Они могут помогать воспитателям.

— Пока что они могут только взрывать в жилом доме дымовые пашки, — сказали мне в горкоме.

А у меня в голове уже вертелась идея. Помню, ликовал про себя: «До такого даже Макаренко не додумался». Хотя надоумил как раз классик — своим «завоеванием Куряжа».

ОПЕРАЦИЯ «ИНКОГНИТО»

«Завоевание Куряжа» — это когда Макаренко с отрядом воспитанников поехал принимать новую колонию, где хозяйничали беспризорники?

Совершенно верно. Вспомним, что там произошло. Вчерашние беспризорники, став опорой Макаренко, помогли ему обуздать анархию беспризорников, чьим перевоспитанием еще никто не занимался.

Мне было проще. У меня были обычные уличные ребята.

Идея операции была подсказана не только опытом Макаренко. Я уже говорил, как маялись в прошлом году с «трудными» воспитатели-энтузиасты: кражи, драки, притеснения, побег. Только последние дни лагеря прошли относительно спокойно.

Я спрашивал, что мешало побороть эту анархию раньше? Мне отвечали: круговая порука. Не хотели выдавать своих даже те подростки, у кого крали, кого притесняли, кого били.

Я спрашивал:

— А можно было прекратить безобразия раньше? Скажем, в течение первой недели?

Мне отвечали:

— Это возможно только в одном случае: если заранее знать, кто и что замышляет.

Было над чем задуматься.

Предположим, еду я с тридцатью ребятами в этот лагерь. И пытаемся мы эту чертову круговую поруку преодолеть. Едва ли получится, потому что лагерь с первого дня разделится на две части: на тех, кто из детских комнат милиции и тех, кто из «Гринаделя». И еще неизвестно, во что выльется это разделение. Кто на кого сильнее повлияет.

А что, если нашим ребятам не говорить «трудным», что они из «Гринабеля»? Если дать ребятам задание предотвращать кражи, притеснения, драки, побеги из лагеря? Кажется, это как раз то, что надо.

Легко сказать. А как это может выглядеть на практике? Обязать ребят докладывать обо всем воспитателям и начальнику лагеря? Естественно, нет. Это полностью исключено. Тогда как предотвращать? А очень просто — своими силами. Бред! Сами ребята с этим не справятся. Тут требуется тонкое руководство взрослого.

Положение осложнилось тем, что сам я ехать в лагерь не мог. Точнее, мог, но для этого нужно было на месяц бросить оснащение «Гринабеля» материальной базой. Значит, операцией должен был руководить кто-то другой.

Как и следовало ожидать, в горкоме комсомола отнеслись к идее скептически и посоветовали держать фантазии при себе. Я сказал, что пойду к секретарю обкома Литвиненко.

— Сергей, конечно, может тебя поддержать, — сказали мне. — Но учти, если что-нибудь случится, ты подставишь его.

Сергей Литвиненко спросил:

— Ты сам-то уверен в ребятах? Вдруг кто-нибудь из них проболтается? Вас же «трудные» на смех подымут. Там, где планируешь плюс, будет минус.

Я сказал, что ребята сохранят операцию в секрете. А чтобы не было утечки со стороны взрослых, желательно, чтобы о ней знал только комиссар лагеря.

— Ладно, давай рискнем, где наша не пропадала, — согласился Сергей.

Надо сказать, к этому времени операция уже была обсуждена в «Гринабеле», и я получил полную поддержку. Единственное, что вызвало спор: брать или не брать наших ненадежных? Решили все-таки: брать! И даже ничего от них не скрывать. Включить в выполнение операции на равных со всеми. Все понимали, конечно, что это — риск. Но если во всем не доверять ненадежным, как сделать из них надежных?

Осталось найти взрослого руководителя операции. Горком хотел обратиться в горно. Я запротестовал: только не педагога! Мне сказали: тогда иди в комитет комсомола тракторного завода. Пошел. Там порекомендовали молодого фрезеровщика Толю Мураховского. Обаятельный, веселый, умный парень. Идея операции ему понравилась. Начали обсуждать в деталях. Вижу, загорелся. Ну, что ж, тогда — с богом!

А тебе не кажется, что ты должен был бросить все другие дела и руководить операцией сам?

Помню, перед отъездом ребят в лагерь мы еще раз говорили с Мураховским. Он спросил меня:

— Ты мне завидуешь?

Да, я ему завидовал. Это у меня было на лице написано. И тогда Мураховский задал тот же вопрос:

— Чего же тогда сам не едешь?

Я действительно не мог оставить другие дела. Нужно было оплачивать счета и завозить инвентарь. Искать тренеров и инструкторов. Готовиться к ремонту штаб-квартиры. Нельзя было вернуться в город к тому, что было. В создании организации требовалось соблюдать определенный темп.

И я даже мысли не допускал, что ребята не справятся. Думал, что отчасти даже хорошо, что сам не еду. Если у Толи Мураховского получится, значит, эта операция может стать обычным педагогическим приемом в работе с «трудными» подростками в летних лагерях. Подбираешь в школах толковых девятиклассников, объясняешь, что от них требуется, ставишь во главе операции толкового парня — и «трудные» у тебя в руках. Короче, я верил в Мураховского и верил в ребят.

Не очень понятно: твои ребята прикинулись «трудными», так что ли?

Именно так. Они меня со смехом спрашивали:

— Может, нам еще татуировочки нарисовать?

Предстоящая операция казалась им игрой. Но когда сели в автобусы и поехали, стало не до шуток.

Несколько слов о месте действия. Палаточный лагерь ставился на берегу потрясающе красивого озера Джасыбай в горном местечке Баян-аул, примерно в 200 км от Павлодара. Ехать туда — по раскаленной солнцем степи не меньше 6 часов, что само по себе нелегкое испытание, даже для взрослых.

На этом этапе у воспитателей и появлялись первые серьезные проблемы. В душных автобусах, «трудные» подростки сначала раскисали, а потом шли вразнос, не ставили воспитателей ни во что. А ведь сразу после приезда нужно устанавливать палатки, полевую кухню, заготавливать дрова и т.д.

— Плевать мы хотели на ваши палатки и кухню, — с этими словами «трудные» шли на озеро или разбредались по окрестности, где стояли дома отдыха, турбаза. Воровали, дрались...

Операция «Инкогнито» заслуживает того, чтобы описать ее детально. Ты сказал, что когда твои ребята сели в автобусы, им стало не до шуток...

Автобусов было три. В каждом ехало 20 «трудных» и 10 наших. Численное превосходство было, как видим, на стороне шпаны. Спасало положение три обстоятельства: 1). «трудные», собранные из разных районов города, плохо знали друг друга. 2). многие были на два-три года младше наших. 3). мои ребята держались сплоченно.

Уточняем: они ехали инкогнито? Отсюда и название операции?

Мои ребята не скрывали, что знают друг друга. Напротив, они всячески это подчеркивали. Еще до отъезда, у автобусов, разыграли несколько сцен. Мол, встретились старые кореш. А «трудные» смотрели и на ус мотали: с этими ребятами лучше вести себя потише: вон их сколько. А то, что они из «Гринабеля», естественно, никто даже не догадывался.

С другой стороны, наши должны как можно быстрее пере-знакомиться с остальными ребятами и завоевать их симпатии. В качестве безотказного средства был запас сигарет и питьевой воды. В пути угощали водой, во время остановок — сигаретами.

Примерно в 17.00 автобусы прибыли в Баян-аул, а спустя несколько часов все уже стояло на своих местах: палатки, полевая кухня, столовая, туалет, мачта с флагом. Наши задавали тон, а остальные просто не могли оставаться в стороне. Торжественное открытие лагеря состоялось, как и было запланировано, уже на следующий день. Для сравнения: в прошлом году лагерь открыли только на третий день после заезда.

Что показали первые два дня? «Трудные» увидели, что наши ребята умеют то, чего не умеют они — без нытья работать. Но кто они такие? «Трудные» были заинтригованы.

Комиссар лагеря и воспитатели провели выборы командиров подразделений. На такой результат мы и рассчитывали: избрали исключительно наших ребят. «Трудные» сами, совершенно добровольно, признали их власть.

Почему все шло так гладко? Это тоже требует пояснения.

Гораздо лучше, чем в прошлом году, были подобраны воспитатели. Договорились придерживаться одних принципов. Например, не проявлять педагогическую мелочность. Не обыскивать и не изымать сигареты. Когда нет сигарет или когда запрещается курение, «трудные» подростки становятся раздражительными и вредными. А когда курево есть, они покладистые. Разрешать курение, хотя и с условием — только в установленном месте.

Первые кражи в таких лагерях — кражи друг у друга именно сигарет. А где воровство, там драки. Где драки, там крепко побитые, которые становятся изгоями. Изгоям свойственно бежать. А побег — это ЧП и полная дезорганизация лагеря. Пока воспитатели, сбившись с ног, ищут беглецов, остальные ходят на головах.

Договорились с воспитателями: если кто-то из подростков плохо заправил постель, терпеливо приучать к порядку, не устраивать по утрам скандалы, которые только взвинчивают ребят и объединяют их против воспитателей. Договорились также вводить строевую подготовку и другие не очень любимые занятия небольшими дозами. Давать больше времени на купание, рыбную ловлю. Была четко сформулирована и конечная цель лагеря — сделать так, чтобы как можно больше «трудных» влилось в «Гринабель».

А теперь перейдем к сложностям операции.

Среди «трудных» было несколько рослых и крепких парнишек. Они видели, что наших больше. Но это их не смутило. Они начали задираться. Драки начались еще на пути в Баян-аул, а когда приехали, вспыхивали на дню по несколько раз. Шла сшибка самолюбий, борьба за влияние.

Мураховский звонит мне:

— Что делать?

— Разнимай.

— Разнимаю, — говорит Мураховский. — Но надо же, наверное, как-то остановить драки?

— Дай им боксерские перчатки, устраивай бои, пусть молотят друг друга.

— Это идея! — воскликнул Мураховский.

Жестоко? Может быть. Но это и есть уличная педагогика, как я ее понимаю. Выяснять, кто прав, кто виноват — разве лучше? Если вы начали разбирательство, то должны установить, кто больше виноват, кто меньше. Значит, кто-то будет наказан строже, чем другие. И эти наказания наверняка будут казаться подросткам (как участникам драк, так и остальным) несправедливыми. Отношения ребят с воспитателями будут надолго испорчены.

Чем же кончился конфликт?

Поставили ринг, дали перчатки и устроили бои. Не драки, а именно бои по всем правилам бокса. Потом устроили мировую. Выпили за это дело, естественно, компот. На мой взгляд, все было

сделано грамотно, с неплохими результатами. Иногда, чтобы хорошо подружиться, нужно крепко поссориться. Так было и в этом случае. Один из драчунов, Валерка Сайфулин, стал со своим соперником, нашим Васей Плахотиным, просто не разлей вода.

А что еще происходило?

Тринадцатилетний Витя Курочкин стоял на учете в милиции за бесконечные побеги из дома и воровство. Тихий такой пацаненок, с невинными глазками и непреодолимой тягой к чужим вещам. Сколько с ним ни беседовали, ничего не помогало. Скажет «не буду», а через час снова что-нибудь украдет.

Однажды стащил у Плахотина фонарик. Я к тому времени сам приехал в лагерь. Сидим с Мураховским, соображаем, что делать. Решаем поговорить с Курочкиным.

Нам говорят:

— Плахотин с Сайфулиным его в лес повели.

Бежим в этот лес. В голове — что только не промелькнуло. Подбегаем, а навстречу выходят Плахотин и Сайфулин. Встревшие, видно наш вид не предвещал разговора по душам. А позади Курочкин, весь в слезах, на ходу штаны застегивает.

— В чем дело? Что тут происходит?

— Маленько повоспитывали, — отводя глаза, говорит Плахотин.

Оказывается, они высекли Курочкина крапивой. Вот это действительно жестоко.

Я закричал:

— Вы что себе позволяете?!

Вдруг Курочкин говорит:

-Я все понял!

Он уже не обещает, как обычно, что больше не будет. Он говорит, что понял!

И ведь понял! Впоследствии, ни в лагере, ни после лагеря (мы взяли Курочкина в «Гринабель») претензий к нему не было.

Но мы все же хотели строго наказать Плахотина и Сайфулина. Чтобы другим неповадно было устраивать самосуд. Но как именно это сделать — не знали. Сказали, что будем думать.

На другой день приходит в штабную палатку Курочкин:

— Не надо их наказывать. Они правильно сделали.

— Нет, — говорим, — обязательно накажем.

Вы предоставили им свободу, вот они воспользовались ею по своему усмотрению.

Каждый вечер наши собирались вдали от лагеря и вместе с Мураховским обсуждали события прошедшего дня, выносили решения, планировали свои действия.

Никто не имел права самостоятельно наказывать кого-либо. Это было строжайше запрещено. Плахотин эту установку грубо нарушил. Я поставил вопрос об его исключении из «Гринабеля». Обсуждение этого предложения было тяжелым. Ребятам было жалко Плахотина. Мне и самому было жалко, но я этого не показывал.

Чем руководствовался Плахотин? Он хотел показать, что наши душевспасительные разговоры с Курочкиным ничего не стоят. Мол, пацана может остановить только жестокость, страх перед болью и унижением. Это был чисто уличный метод воспитания, наверное, заслуживающий осуждения.

Как закончился этот эпизод?

Финал был почти лирический. Через сутки идем поход. Возвращаемся усталые, особенно младшие. Вижу, Курочкин согнулся под тяжестью своего рюкзака. Сайфулин потянул к себе рюкзак, попытался снять. Курочкин не отдает. Сайфулин прикрикнул — Курочкин отдал. Еще через километр Курочкин обессилено опустился на землю. Вася Плахотин подхватил его и посадил себе на плечо. Так и донес до самого лагеря. Решили никак его не наказывать.

Что ж, трогательно. А не говорит ли этот случай, что в лагере было что-то вроде дедовщины?

Порка, спору нет, метод жестокий. Но улица вообще жестока, и сам подростковый возраст. А «Гринабель» был пока что обыкновенный уличный коллектив под флагом организации, но еще не организация. Трудно было требовать от участников операции «Инкогнито» педагогически безупречных действий.

А вообще воровал?

Ни в лагере, ни потом в «Гринабеле» он ни в чем таком замечен не был.

А теперь — об одном из самых серьезных моментов операции «Инкогнито». На соседней турбазе кто-то обокрал палатку отдыхающих. Унесли дорогие сигареты, вино, бинокль, туристское снаряжение. Директор турбазы приходит в лагерь:

— Это ваши сработали. Больше некому.

Мураховский проводит экстренный сбор участников операции. Припомнили, что в вероятное время совершения кражи из лагеря отлучались трое «трудных». Установили за ними наблюдение. Заметили у них дорогие сигареты. Через день сигареты кончились, и воришки пошли в горы к своему тайнику. Там их и взяли с поличным. Курочкин в этой краже не участвовал. Это были его дружки, они и его сманивали, но он отказался. Факт есть факт: Курочкин больше не крал.

Как разрулили ситуацию с кражей на турбазе?

Вернули все украденное потерпевшим. Извинились и... продолжали маяться с воришками. Те решили сбежать от позора. (Мы подозревали, что могут рвануть: накануне из пищеблока исчезли несколько буханок хлеба, пачка соли, пачка сахара). Украли на турбазе шлюпку и поплыли на остров Джасыбай, в двух километрах от лагеря. Соорудили там шалаш и начали ловить рыбу. Наши ребята эту шлюпку тихонько увели и вернули турбазе. Теперь можно было не сомневаться, что беглецы никуда не денутся. По нашим расчетам, еды им должно было хватить дня на три. Поэтому мы не торопились возвращать их в лагерь.

Как так можно! Сначала дали сбежать, потом не спешили возвращать. А если бы с ними на острове что-то случилось?

На острове действительно кое-что случилось. Но об этом чуть позже. Скажу пока еще об одной неожиданности. В лагерь приехала наша «элита», трое ребят, среди них Славка Кабурнев, который взорвал дымовую шашку прямо в штаб-квартире. Нельзя было исключать похожую «диверсию» и на этот раз. Взяли с них слово, что не будут пить в лагере, поселили в отдельную палатку. До окончания сезона — три дня.

Оставалось провести три мероприятия: «морской бой» на озере, восхождение на безымянную вершину и торжественное закрытие лагеря. Все должно быть ярким, запоминающимся.

«Морской бой» решаем провести вблизи острова, чтобы попутно забрать оттуда наших беглецов. Но в момент сражения «благородных мореплавателей» с «пиратами» на острове неожиданно вспыхнул лесной пожар.

Как потом выяснилось, виновниками были не наши беглецы, а отдыхающие с турбазы — оставили непогашенным костер.

Пожарниками стали и «пираты», и «благородные мореплаватели», и трое беглецов, и даже наша поредевшая «элита». Ведер

не было, огонь сбивали еловыми ветками. Стояла жара, от едкого дыма слезились глаза, першило в горле. Ребята окунались в озеро и снова шли в огонь.

Когда подплыли на лодках работники лесничества, пожар был уже погашен. Ребята построились, лесничий поблагодарил их и спросил, какую бы они хотели получить награду. Решили: ящик сгущенки будет в самый раз.

Возвращаемся в лагерь. На берегу зеваки. Нас фотографируют. Славка Кабурнеев помахал пиратским флагом. Его тоже сфотографировали. С этого момента жизнь нашей организации никогда уже не будет безоблачной...

На другой день участники операции «Инкогнито» взошли на одну из безымянных вершин Баян-аула, водрузили на ней флаг и назвали ее пиком «Гринабеля». Вечером мы собрались на последний сбор и стали решать, кто достоин получить форму. Присутствовала и наша «элита». Даже ко всему безразличный, над всем посмеивающийся, постоянно кривляющийся Славка Кабурнеев жалел, что остался в городе и приехал только сейчас. Это было особенно заметно, когда ребята начали примерять форму — куртки цвета хаки.

А Плахотину форму выдали?

Сомнение вызывал не только Плахотин. Трудно было всем без исключения ребятам быть активными участниками операции. И понять причину чьей-то пассивности — тоже было непросто. Но многое решил пожар. Плахотин и Сайфулин, например, боролись с огнем на самых опасных участках, обожгли руки. Не учесть это было бы верхом несправедливости. Мы выдали форму не только Васе Плахотину. Мы приняли в «Гринабель» также Валеру Сайфулина, выдали ему форму в порядке исключения. Парнишка был счастлив.

На другой день состоялось закрытие лагеря. «Трудные» построились и вертели головами: где же остальные? Участники операции появились минутой позже, все в форме. У «трудных» вытянулись лица. Сказать, что они были удивлены — все равно, что ничего не сказать.

Потом, в городе, разбирали ход операции?

В те годы было модно говорить о том, что каждый молодой человек должен уметь отвечать за свои поступки. Только как этому научить, никто толком не объяснял. Операция показала,

что ответственность за себя может рождаться из ответственности за других. Если подростку, который еще не умеет контролировать свое поведение, поручить контролировать поведение других, то это заставит его контролировать и свое поведение.

Стало также ясно, что естественное для подростков стремление отличиться, можно направить в русло полезной деятельности.

После операции «Инкогнито» уличный коллектив, с которого начался «Гринабель», окончательно распался. Из Баян-аула вернулось крепкое ядро будущей организации. Можно было, не теряя темпа, развиваться дальше. Но многим нашим планам не дано было осуществиться. За нами пристально наблюдали...

КОМСОМОЛЬСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

Это уже напоминает детектив. Кто же за вами наблюдал?

Через неделю после возвращения из лагеря меня вызвали в горком комсомола и сказали, что приехал инструктор Казахстанского ЦК ВЛКСМ некий Артамонов, хочет познакомиться с работой «Гринабеля».

Я пожал плечами: пусть знакомится.

До сих пор сидит в памяти фамилия — Артамонов. Внешность даже приблизительно не могу вспомнить. Комсомол был для КГБ главным кадровым резервуаром. Отбирали с неброскими лицами.

Артамонов не важничал, не задавал трудных вопросов, ничего не записывал. Человек, которому все интересно, который все хочет понять — и только. Попросил разрешения побеседовать с ребятами. Надо — беседуй.

Я не чувствовал подвоха, что же говорить о ребятах. Они взахлеб рассказывали о своей жизни, Артамонов делал восхищенные глаза и залиvisto смеялся. Его не надо было учить искусству вызывать людей на откровенность. Он это уже умел.

На прощанье задавал уточняющие вопросы, говорил, как мне завидует: такое свежее дело. Пожелал всяческих успехов и испарился.

А спустя две недели меня вызвал Сергей Литвиненко, предложил сигарету и протянул листок бумаги с печатным текстом.

Вот что нам предъявил республиканский ЦК комсомола с поддачи Артамонова:

1. В «Гринабеле» разрешается курить и вольно относиться к старшим.

2. Еремин считает, что комсомол больше не способен воспитывать молодежь.

3. В откровенной беседе выяснилось, что члены «Гринабеля» считают, что в нашей действительности преобладает несправедливость и зло.

4. В тексте присяги — ни слова о партии и комсомоле, подростки присягают на верность только «Гринабелю».

5. Еремин ставит перед собой цель создать мощную организацию в противовес комсомолу.

6. Эмблема «Гринабеля» фактически призывает к насилию.

7. Девиз «Гринабеля» — «Через невозможное — вперед!» (А что может быть невозможного в нашей советской жизни?)

8. В «Гринабеле» изготовлен флаг со свастикой.

Я возмутился:

— Какая свастика? Был декоративный флибустьерский флаг! Кабурнеев побегал с ним и выбросил.

Литвиненко усмехнулся:

— Теперь доказывай. Никто нас с тобой слушать не будет.

Я спросил упавшим голосом:

— Что же делать?

Литвиненко вздохнул:

— Готовится пленум ЦК ВЛКСМ. Меня, скорее всего, снимут, «Гринабель» закроют.

— Но это же форменная инквизиция!

— Это сохранение чистоты идеи, — поправил Литвиненко.

Через три недели Кремлевский Дворец съездов сотрясали гневные речи. Тон задал вождь комсомола Павлов. «Мы не позволим выхолащивать идейную суть...» «Мы не дадим...» «Мы требуем...» Ему вторили вожди республиканских комитетов комсомола. Все требовали сурового наказания Литвиненко.

По неписаным правилам игры Сергей должен был выйти на трибуну и покаяться. Влепили бы строгий выговор, а с должности могли и не снять. Но Литвиненко не захотел признать свои ошибки даже частично. Он вышел на трибуну и дал Павлову отповедь. Сказал, что самый худший враг комсомола — косность. Что забота о чистоте идеи вообще может довести нашу политическую систему до идеологического истощения.

Огромный зал Дворца съездов замер. Вступать в полемику с первым секретарем было смерти (политической) подобно. Литвиненко сошел с трибуны под гробовое молчание нескольких тысяч комсомольских функционеров. Его не посмели освистать.

Еще через неделю мы прощались. Литвиненко уезжал в Москву, в аспирантуру МВТУ. А я...

Погоди. Давай разберемся. Может, какие-то обвинения были не так уж и беспочвенны? Почему, например, ребята присягали только «Гринабелю»?

Мы уже говорили об этом вскользь. Наша присяга имела не идеологический, а воспитательный характер. Важно, чтобы ребята были верны своей организации. Эта верность заставляет их соблюдать устав, который устанавливает законы поведения. Мы очень скрупулезно следили, чтобы эти законы соблюдались. В противном случае была бы не организация, а сплошное лицемерие.

Но в пионерии и комсомоле тоже были свои уставы, свои правила поведения.

Были, но могли выполняться, а могли не выполняться. Если не выполнялись, на положении нарушителей устава это никак не отражалось. Из комсомола выгоняли в исключительных случаях. А чтобы кого-то исключили из пионеров... я такого не припомню.

Считаю, что у нас присяга была настоящая, а в пионерии и комсомоле — декоративная.

Пионерия и комсомол были огромными, многомиллионными организациями. Там отдельная детская личность была песчинка. В «Гринабеле» никогда не было больше 130 ребят. Мы не могли допустить, чтобы кто-то только числился и не делал ничего полезного. Каждый знал: две недели отсутствия без объяснений, и он может больше не приходиться. Он уже выпал из внутренней жизни «Гринабеля».

Не больше 130 человек... Тогда почему тебя обвинили в стремлении создать мощную организацию в противовес комсомолу?

Нам было мало Пятиэтажек. Мы хотели создать филиалы «Гринабеля» в других районах Павлодара. Хотели охватить весь город. Уже приступили к этому. Допускаю, это была бы глупость. Мы могли уподобиться другим подростковым объединениям, которые, на манер пионерии и комсомола, пытались охватить как можно больше подростков. Ни к чему хорошему это не приводило. Количество неизбежно отражалось на качестве. Чем многочисленней организация, тем больше в ней формализма.

Откуда тогда обвинение, что Еремин создает мощную организацию в противовес комсомолу?

Даже самые большие патриоты комсомола чувствовали, что их любимая организация в мирной жизни, без революций, войн и борьбы с внутренними врагами, стала другой, расслабленной, пытающейся уподобляться «старшему брату» — партии и потому невыразимо скучной. Что же говорить о рядовых комсомольцах?

Комсомол механически принимал в свои ряды миллионы новых членов и пытался представить это как достижение. Штамповал стиль и методы партийной работы и выдавал это за преемственность поколений. А всякий штамп превращает живую жизнь в идеологическую мертвечину. Комсомол выродился в славящего самого себя, любующегося прошлыми заслугами истукана. Отсюда ревнивое отношение к движению подростковых отрядов. Эта ревность — не что иное, как боязнь конкуренции. Зачем состязаться с конкурентами, если можно их просто закрыть, пока они еще не окрепли? А под каким предлогом проще всего можно было закрыть? Под предлогом, что вы занимаетесь политически вредным делом.

Как же «Гринабель» уцелел? Почему его все-таки не закрыли?

Для ЦК ВЛКСМ не царское было дело закрывать какой-то «Гринабель» сверху. Это было поручено Павлодарскому горкому комсомола. Ни у кого не было сомнений, что все будет исполнено. Как могли ослушаться местные комсомольские начальники? Одни из них уже видели себя партийными работниками, другие — сотрудниками КГБ. Зачем рушить себе карьеру?

Мне велели объявить ребятам, что «Гринабель» закрывается. Я объявил. А что еще оставалось делать? Переходить на нелегальное положение?

Но ребята не расходились. Несколько минут они молча смотрели на меня. Потом кого-то прорвало.

Кто-то спросил:

— А как же наш девиз?

Отвечаю:

— Наш девиз запрещен.

Ребята:

— Пусть запрещен, но кто нас проверит, живем мы с этим девизом или нет?

Отвечаю:

— Мне велели закрыть штаб-квартиру и сдать ключи в горком комсомола.

Ребята посоветовались и спрашивают:

— А если в горком придут наши родители?

Я не сдал ключи в положенное время. А на другой день в горком пришла группа родителей. В этом же здании был и горком партии и горисполком. И все видели эту большую группу, все знали, с каким протестом пришли люди, и все вместе (горком партии, горком комсомола и горисполком) стали решать, что же делать? Выполнить волю ЦК ВЛКСМ или прислушаться к голосу трудящихся?

Это невероятно и неслыханно, но городская власть пошла против воли Москвы. Оставила приговоренному «Гринабелю» жизнь.

Чем объяснить такую решимость родителей?

Родители были возмущены. Они говорили, что впервые в жизни спокойны за своих детей. Подростки влюблены в свою организацию. Значит, в ней есть что-то такое, чего нет нигде: ни в школе, ни в семье. Как можно это уничтожить? Чиновники переглядывались: может, действительно не стоит?

До ввода войск в Чехословакию оставалось два года. Еще не закручивались идеологические гайки. Партийные и советские работники еще не разучились руководствоваться обыкновенным здравым смыслом. Их оклады еще не были увеличены вдвое и втрое. Они держались за свои кресла, но не обеими руками, как станет потом.

Кстати, сколько ты получал за эту работу?

110 рублей. Даже по тем временам, это было немного. Но это соответствовало моим потребностям. Материальные запросы были минимальными. С утра до вечера, без отпуска, без выходных и праздничных дней с ребятами. Зачем при такой жизни деньги?

Ты был холост?

Когда начинал создавать «Гринабель», был холост, но через три месяца, женился. Хотя, как и Макаренко, считал семейную жизнь патологией.

Зачем было жениться?

На женатого педагога иначе смотрят. Была и другая причина. Девушки в «Гринабель» шли как на подбор, и довольно бойкие, а мне было всего 25. Меня чуть не уволили по идеологическим мотивам. Не хватало еще, чтобы приписали аморалку.

Значит, «Гринабель» стал дорог не только ребятам, но и тебе. Но, вероятно, дорог чем-то другим?

Просто создать «Гринабель» и просто руководить им — это было бы довольно скучно. Я ставил более широкую цель. Мне казалось, что жизнь заставит партию и комсомол создать всесоюзную подростковую организацию. В этом случае понадобится модель, которую я и хотел создать. «Гринабель» был для меня экспериментальной площадкой, лабораторией, полигоном. Ребята об этом знали, я этого не скрывал. Думаю, это только повышало значимость нашей совместной работы.

Мы часто говорили на политические темы. Ребятам хотели иметь более четкое представление о времени, в котором они жили. Нас могли закрыть за одни только такие разговоры. На тот случай, если меня вдруг вызовут в КГБ, у меня даже было заготовлено объяснение. Я хотел сослаться на слова Януша Корчака: «Мы обязаны, — писал он, — учить ребенка не только любить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться, не только подчиняться, но и бунтовать».

В конце концов, вас оставили в покое?

Если бы так. Под разными предлогами нас пытались закрыть все восемь лет, которые просуществовал «Гринабель». И отчасти это было... хорошо! Я извлекал из этого противостояния педагогическую выгоду. Чтобы к нам не было никаких претензий, мы должны были иметь безупречную репутацию. Каждый, кто своим поведением ставил «Гринабель» под удар, вызывал в коллективе всеобщее осуждение и старался быстрее загладить свою вину.

Нас полностью лишили финансирования. Мы не имели бюджета, и поэтому вынуждены были зарабатывать на жизнь собственным трудом. В отличие от колонистов Макаренко, мы не имели собственного производства и обходились случайными заработками. Нас спасала идея сбережения организации.

НОЕВ КОВЧЕГ

Итак, родители вас отстояли. Как развивались события дальше?

К нам потоком хлынули новички. Приходили целыми уличными группами. Члены президентского совета заседали ежедневно, вели прием. Девчонки из канцелярии заполняли учетные карточки.

Прием выглядел так. У входа стояли двое дежурных. Один открывал дверь, когда снаружи звонили. Другой докладывал по внутреннему телефону, сколько ребят пришло. Все входящие еще на пороге должны были понять, что тут порядок, дисциплина, и все заняты делом.

Конечно, это была не только игра. Потом, спустя время, новенькие вспоминали, что больше всего их привлекло деловое движение в штаб-квартире. Придти просто из любопытства, поглазеть, а потом повернуться и уйти было невозможно.

Однажды появилась Мыльникова. У нее попросили служебное удостоверение — она сказала: «Еще чего?» Попросили назвать фамилию. Мыльникова потребовала меня. Я пришел на пост. Она меня отчитала: мол, что за глупости? Неужели не видно по милицейской форме, кто она? Я сказал, что у нас свои порядки.

Мыльникова пришла не просто так. Узнала, что к нам записываются уличные ребята со всего района, и решила убедиться.

На какие подразделения делился «Гринабель», и что собой представлял у вас первичный коллектив?

Весь коллектив мы сначала разбили на так называемые службы. Была радиослужба, пресс-служба, туристическая служба и т.д. Почему избрали слово «служба»? Мы служили организации — вот и все объяснение. Эта серьезная игра давала почти немедленные

результаты. Появлялась подтянутость, четкость, точность, обязательность.

Однако новички неохотно шли в службы. Им хотелось сохранить свои ряды, быть вместе и подчиняться только своим вожакам. Таким образом, после наплыва новичков первичными коллективами около трех месяцев были уличные группы во главе со своими лидерами.

Неужели к вам шли только уличные ребята?

То же происходило не только у нас, но и в других городах, где создавались такие же объединения. Всюду была частица тех 16 миллионов подростков, для которых пионерия и комсомол были зеленой скукой. И эта частица втягивалась сама, ее не нужно было заманивать.

Штаб-квартира превратилась в подобие общежития. Каждой уличной группе нужно было дать свое место. Это как в семье: появился новый ребенок - надо отвести ему свой угол. Иначе он не будет чувствовать себя дома.

Группы получили каждая по своей комнате и начали обустраиваться. Приносили свои проигрыватели, магнитофоны, радиостанции и мопеды. Делали секретные запоры и даже раздвигающиеся двери. В одной комнате пахло канифолью, там что-то паяли. В другой — мазутом, там стояли на ремонте мотоциклы и там спорили, вспыхнет ли бензин в ведре, если туда бросить окурок. Помню, я предупредил, что не стоит рисковать. В ответ кто-то картинно бросил горящий окурок, но бензин в самом деле почему-то не загорелся. Это я к тому, какие возникали ситуации и какое требовалось напряжение нервов.

Лидеры групп, естественно, соперничали. Некоторые давно находились в натянутых отношениях. Они ни в чем не хотели уступать друг другу. Лидеров групп вдруг охватил начальнический зуд. Они чуть не дрались из-за хорошего письменного стола, из-за мягких стульев. Никто не хотел сидеть на жестких. Если один приносил неизвестно откуда стол, то другой тащил старый диван. Действительно, какая-то мебель была нужна. Но кто ее даст? Дали! В горьком комсомоле как раз меняли столы и стулья на новые. Старые достались нам.

Я порой не знал, как мне сохранить нейтралитет, чувствовал себя как на пороховой бочке. Я знал, что ребята не только бросают окурки в бензин, но и справляют дни рождения (естественно, с вином), играют в карты (естественно, под интерес). Утешала мысль, что уличный мир размером в десяток кварталов, хоть и

колобродит, но не где-то в подъездах и подворотнях, а у меня на глазах.

Позвонила по какому-то делу Мыльникова. Обронила как бы между прочим, что ей работы заметно поубавилось.

Это сборище уличных групп нужно было как-то превращать в единый, сплоченный коллектив, иначе — новые неприятности, так?

Естественно. Для достижения этой цели я ничего предложил, что было очевидно. Оконца в нашем полуподвальном помещении маленькие — надо увеличить. Потолок низкий — надо снять полы и выбрать землю, углубиться хотя бы на метр. Обычное освещение слабое, надо заменить люминесцентным. Короче, предложил капитальный ремонт.

Ребята согласились, им уже понравилось улучшать жилищные условия. Целый месяц углублялись и выносили землю носилками. Еще месяц помогали плотникам и малярам ЖЭКа настилать полы, красить стены, менять двери и окна. Взрослые выступали в роли наставников, почти вся работа была сделана самими ребятами. К вечеру всех качало от усталости и ацетоновых красок. Каждое утро мы кого-нибудь недосчитывались. Кому-то запрещали работать родители, кто-то просто выдыхался.

Ремонт стал для многих непосильным испытанием. Но те, кто выдержал, по праву сильных простили слабых и разрешили им вернуться. Я обязан был организовать эту «амнистию», и я это сделал.

То есть ремонт, как раньше поход и сдача металлолома, и операция «Инкогнито» стал воспитательным мероприятием?

Ремонт и тяжелая работа — лучший способ распознавания характеров и формирования нового актива. Уличный «актив» либо дискредитирует себя в глазах ребят, либо сохраняет свои позиции, но при этом сильно меняется. Третьего не дано. Если тяжелой и (что особенно важно) продолжительной работы нет, ее надо придумать.

Но подростки должны ясно себе представлять, что работают они для себя, что работа даст им что-то очень конкретное. Это обязательное условие.

Ребята не просто строили свой общий дом. Они его проектировали. Решали, сколько будет комнат и что будет в каждой из них.

И когда была сделана самая тяжелая часть работы — углублен на метр пол и вынута и вынесена на носилках земля — они уже не хотели, чтобы у каждой группы была своя территория. Теперь они уже хотели, чтобы помещение было общим.

Я говорил ребятам:

— Вот в этом огромном зале можно сделать перегородки и тогда здесь будет несколько комнат. А можно ничего не горюдить, и сделать свое кафе со столиками, баром и вертящимися табуретами. Устраивать здесь танцевальные вечера, праздновать дни рождения, встречаться с интересными людьми, проводить диспуты. Что скажете?

В ответ слышал:

— Конечно, пусть будет кафе! Только где взять мебель и что будем пить?

А я уже договорился с Орловским: завод уже делал столики, бар и вертящиеся табуреты. Осталось только купить миксер для приготовления молочных коктейлей. В Павлодаре (провинция!) эта штука не продавалась. Послали своего «экспедитора» (девятиклассницу) в Омск, она привезла миксер. Теперь можно было готовить молочные коктейли. Наше кафе по оформлению, конечно, уступало тому, что было на соседней улице, зато — свое.

У подростковой организации может быть какой угодно профиль: военно-патриотический, эстетический, туристический... Все равно, самое излюбленное занятие ребят — общение. То, что сегодня называется тусовкой. Если вы создаете комфортные условия для общения, считайте, что подростки — ваши.

Было ли в твоей практике то, что Макаренко называл «методом взрыва»?

Макаренко писал, что только перевоспитание происходит медленно, а перековка — быстро, как взрыв. Я убедился: это действительно так. В ходе ремонта происходило медленное превращение конгломерата группировок в коллектив. А сам коллектив возник в считанные минуты.

Мы отмечали новоселье. На стене — плакат со словами поэта А.Вознесенского «Мы как дьяволы работали, а сегодня пей-гуляй!» Бармен Витя Севницкий подает к коктейлям пирожные и мороженое. Нас человек 100. Гремит музыка. И вдруг открывается дверь. Музыка стихает, танцующие пары замирают. В сопровождении дежурных входит женщина. Мы ее хорошо знаем. Она живет в нашем доме, не раз приходила с претензией: шумим. Думаем, снова недовольна. А у нее в глазах слезы. Гово-

рит, возвращалась с работы (сегодня получка), и прямо у дома двое парней вырвали у нее сумку с деньгами.

Женщина не просит помочь. Стоит с несчастным видом и плачет, только и всего. Что делать?

Кто-то из ребят предлагает:

— Поймать гадов!

У меня на размышления три секунды. Говорю:

— Построиться.

Через несколько секунд все стоят в шеренге.

Слышу свой голос:

— Блокировать квартал: каждый дом, каждый подъезд. Блокировать автобусные остановки. Прочесать все улицы. Держаться по двое-трое. Грабители могут быть вооружены...».

(Про себя думаю: «Что я делаю? Это безумие! А если грабители с ножами?»)

Боюсь за ребят, но отступить уже поздно: уточняю, кому куда бежать, что делать. Без малого сотня парней вылетает из подвала. Остаются только девчонки.

Тоже выбегаю. И останавливаюсь. А мне самому что делать? Макаренко советует в таких случаях сидеть на своем месте и выслушивать донесения о ходе выполнения приказа.

Говорю себе: «Возвращайся в штаб-квартиру и сиди, не держись. Держи себя в руках. Ты уже рискнул, послав ребят на такое дело. И уже ничем никому не поможешь. А если сам куда-нибудь побежишь, будет только хуже. Позвонят или прибегут с сообщением, а тебя нет. Дальнейших решений принимать некому».

Стою возле дома, вслушиваюсь в ночную тишину...

Деньги этой женщины — не главное. Ты серьезно рисковал жизнью кого-то из ребят. А раз так, то это был, вероятно, ничем не оправданный риск.

Но только не с точки зрения уличной педагогики. Представьте: на вас смотрят двести пар глаз. И в каждом взгляде — приказ. Это не я приказал ребятам найти грабителей. Это они приказали мне приказать им. Невозможно было не подчиниться.

Конечно, я мог поступить иначе — позвонить в милицию. Ну и чего бы я после этого стоил в глазах ребят? Как бы дальше работал? Повторяю, это уличная педагогика. Тут действуют совсем другие правила. Упускать такие моменты — непрофессионально.

Ладно, ребята бросились за грабителями. Что было дальше?

Ребята наткнулись на двух подозрительных парней. Те бросились бежать, успели заскочить в автобус. Водитель уже закрыл дверцы, собирался тронуть с места. Ребята подбежали, сказали, что случилось. Грабители пытались выскочить в окно, но автобус был уже окружен. Собрались зеваки. Появилась милиция, взяла грабителей, что называется, тепленькими.

Ребята чувствовали эмоциональный подъем. Они впервые ощутили свою коллективную силу. Силу со знаком плюс, а не минус. Вижу, понравилось.

Мы тут же сформировали службу специального назначения (назвали ее спецназом) и поставили перед ней конкретные задачи. Первое: дежурить на пляже, предотвращать кражи личных вещей. Второе: вежливо, но твердо выпроваживать из скверов выпивох. Третье: обязать каждого члена «Гринабеля» смотреть, не собираются ли где-то слишком лихие ребята. Четвертое: одному отряду спецназа постоянно дежурить в штаб-квартире и быть готовым к любым неожиданностям. Установили круглосуточное дежурство.

Наверняка в спецназ вошли старшие, физически сильные ребята. Но все равно, они были несовершеннолетними. Или ты решил сделать риск нормой жизни «Гринабеля»?

Раньше ребят просто «тянуло на подвиги». А теперь они почувствовали вкус к другому рода приключениям. Помогать людям, выручать, спасать от разных неприятностей — не просто интересно. В этом заключен известный риск. Как можно было не поддержать такой порыв?

Уличная педагогика — это использование норм и понятий уличной жизни подростков в воспитательных целях. 130 ребят — большая сила, которая не может находиться без применения. Будь ребята уличной группировкой, они бы уже начали «качать права». И это был бы минус. Почувствовав свою силу, ребята тоже решили «качать права», но со знаком плюс. Отказать им в этом я не мог. Это было бы непрофессионально. Это означало бы, что я занимаюсь не уличной, а какой-то другой педагогикой.

Сделаем небольшое отступление. Ты говоришь, на новеньких заводились личные карточки. Значит, анализировал, кто к тебе шел? Каким был состав организации?

Учетные карточки были и у Макаренко. Если и он ими пользовался, значит, это вносило в работу не только порядок, но и определенный воспитательный смысл.

В комсомоле учетные карточки заводились для постановки на учет и для снятия с учета. Другой, небюрократической функции, они не имели. Личность учитывалась только формально и практически не задействовалась. Личность вообще не чувствовала себя нужной своей организации.

Как было у нас? Подросток приходил в штаб-квартиру, и его карточка сразу откладывалась в сторону. Мы знали каждый день, кто был сегодня и кто почему-то не пришел. Если кто-то не был дня три, к нему домой бежали гонцы: в чем дело? Может, заболел? Или какие-то неприятности? Может, в чем-то нужна помощь?

В учетной карточке значилось, где и кем работают родители. Если кто-то жил без отца, было сразу заметно. Олег Лещенко, жил с отцом без матери. Редкий случай. И это мы тоже учитывали. Олег один был такой. А ребят, живущих без отцов, было не меньше половины. Причем, это были не только ребята, но и девочки.

Девочек, кстати, у нас всегда была примерно шестая часть. Оптимальная норма, которая выдерживалась в определенной степени искусственно. Сдерживался прием новеньких. Когда девочки составляют шестую часть, они воспринимаются ребятами как товарищи. Как только их становится больше, коллектив утрачивает свое мужественное лицо. В воздухе начинает летать опасное количество амуров.

И что ты предпринимал? Отстреливал амуров?

В таких случаях нужно что-то предпринять один раз, но так, чтобы запомнилось. Была у нас такая Наташа К. Очень ценная девушка, папа — директор станции юных туристов. И сама в этом деле была мастер. Благодаря ее стараниям наши туристические команды не знали себе равных на различных слетах и соревнованиях. Но очень любила Наташа влюблять в себя парней, просто хлебом не корми. И парни просто шалели от этой девицы, и это отравляло сладкими миазмами нашу здоровую атмосферу. Я предупредил Наташу, чтобы она угомонилась. Но она подумала, что я шучу, и продолжала свои шуры-муры. Тогда я вызвал ее и сказал очень твердо: «До свидания».

Сколько все-таки было в «Гринаделе» «трудных» и нормальных подростков?

Тех, кто имел несколько приводов в милицию, у нас постоянно было не меньше 20 и не больше 30 человек. Это норма, при которой «трудные» не делают в коллективе никакой погоды. И при

этом никто не видит в них «трудных». О том, что такие ребята имели приводы, кроме меня, мало кто знал. А о ком-то я сам мог ничего не знать. Инспектора по делам несовершеннолетних (мы сотрудничали не только с Мыльниковой, потому что к нам приходили ребята из других районов города) были деликатные женщины: даже меня не ставили в известность, с кем я имею дело.

Шли к нам, как я уже говорил, не по одиночке, а сложившимися компаниями. Довольно часто это были «осколки» уличных групп. Группы раскалывались (одни ребята шли к нам, а другие оставались на улице) и в своем малочисленном составе становились менее криминогенными. Но чаще всего ребята приходили вместе со своими предводителями.

В то время процветало так называемое индивидуальное шефство. По рекомендации детской комнаты милиции «трудного» начинали опекать, скажем, студенты пединститута. Результат чаще всего был нулевой. Как уже говорилось, ничего не давало и воспитание в летнем лагере. Лагерь закрывался, и «трудные» возвращались к старым друзьям. Верх одерживала вторая «семья» трудного подростка — уличная среда.

К нам ребята шли своими уличными «семьями». Педагогически это было выгодно. Мы имели дело со сложившимися коллективами. Но в этом была и худшая сторона — если что не так, «семья» могла повернуться и уйти. Так что всегда присутствовала и проблема удержания. Текучесть, конечно, была, свести ее к нулю было невозможно. Уходили иногда из-за обыкновенных межличностных трений и антипатий. Бывало, вожак уходил и уводил двоих-троих, а остальная часть «семьи» оставалась. Всяко бывало.

Итак, вы создали свой спецназ и начали самостоятельную охрану правопорядка. Нельзя об этом чуть подробнее?

Охраной правопорядка занимались в то время дружинники и члены оперативных комсомольских отрядов. Они задерживали нарушителей правопорядка, составляли на них протоколы и сдавали в милицию. При этом, случалось, проявляли неуважение к человеческому достоинству и даже жестокость. Мы должны были охранять правопорядок только такими методами, которые не противоречили уличным понятиям о справедливости.

Спецназ занимался только убедительным внушением.

Помню случай на пляже. Паренек из спецслужбы Вовка Рыжов заметил, как трое наглецов отбирают у мальчишки сандалии. Одного из этих троих Вовка знал в лицо. Назовем его Коля К. Узнаем, где живет, посылаем за ним, приводят.

Ребята из спецслужбы говорят Коле:

— Вот что. Завтра же отдашь туфли владельцу. Понял?

— Понял, — отвечал Коля.

Ослушаться он не посмел. А ему говорят:

— Тебе лучше быть у нас, в «Гринабеле», без нас загремишь в колонию.

Совет звучит вежливо, но лучше не отказываться. Коля согласился, я думаю, только это помогло ему избежать колонии.

Или случай в микрорайоне. Наши вездесущие младшие заметили странного парня: идет, оглядываясь. И увидели пьяного мужика: лежит, раскинув руки, карманы вывернуты, на загорелой руке белая полоска от часов. Все ясно. Тот, кто оглядывается, только что поживился часами. Один из наших — бегом в штаб, другой — за грабителем. Спецназ подоспел вовремя.

А с уличной шпаной столкновения были?

Дом, где была штаб-квартира, выходил на тихую улицу. Там ребята учились маршировать. Однажды печатают шаг, а следом по тротуару — пьяная шпана. Человек пять-шесть подметает асфальт клешами и весело командует: «Ать-два, ать-два». Вижу, у моих ребят скулы сводит, кулаки чешутся. Но нельзя драться. Но и стерпеть обиду — тоже нельзя! Шепчу одному, тот — другому, другой — третьему. Через минуту все знают, что делать. Командую: «Разойдись!» Ребята, а их больше сотни, окружают шпану и начинают качать, подбрасывать.

Сначала шпана орала и ругалась, а потом выпитое...начало фонтанировать. Наши едва успели разбежаться. Бедолаги попадали прямо на асфальт, ушиблись маленько. Зато после этого случая (сработал уличный телеграф) наших даже словом задеть боялись.

Хотя решающая схватка была впереди...

СУХОЙ ЗАКОН

Вернемся немного назад. Осталось неясным, почему вас оставили в покое. Как власть могла уступить родителям? Как могла не выполнить указание, поступившее сверху?

Сказались особенности времени. До событий в Чехословакии, после которых напуганная власть начала закручивать гайки, оставалось еще два года. Много было, если не разрешено, то, по меньшей мере, не запрещено. Что-то отдавалось на усмотрение местных властей.

В отношении «Гринабеля» возобладал здравый смысл. Не следует думать, что при советской власти абсолютно все делалось топорно. С другой стороны, нельзя сказать, что с нами поступили мягко. Мне сказали: продолжай работать, но учти — малейший промах и «Гринабелю» — конец.

Непонятно также: ты что же, был один взрослый на 130 подростков? Или тебе все же кто-то помогал?

Через какое-то время горком комсомола назначил в «Гринабель» комиссара, Марата Диннерштейна. Мы уже были знакомы. Марат комиссарил в лагере во время операции «Инкогнито». Он был профессиональным физруком, мог вести самбо, хорошо рисовал, писал стихи. Веселый, остроумный, педагогически опытный. К тому же старше меня лет на десять.

По замыслу горкома комсомола Марат, как коммунист, должен был меня неразумного подправлять. Естественно, мне его менторский тон не нравился. Еще больше не нравилось, что комиссар редко бывал в штаб-квартире.

Мы делаем ремонт, а Марат где-то пропадает. Нас качает от ацетоновой краски, а он приходит чистенький, со свежими

анекдотами. Дает советы, как правильно красить стены, и снова исчезает. Я был романтик-дилетант, поэтому занимался своим делом с увлечением, а Марат, как профессионал, экономил себя.

Макаренко писал: «...не представляю себе, можно ли воспитать...детский коллектив, если не будет коллектива педагогов». Но такой коллектив складывается, наверное, из педагогов-единомышленников. А Марат вроде, не чужой, но и не свой — сам по себе.

Или военкомат присылает офицера-инструктора по изучению оружия, воинская часть — сержанта, инструктора по строевой подготовке, кафедра физвоспитания пединститута — тренера по боксу. Все занимаются с ребятами добросовестно, но то и дело поглядывают на часы. Тоже не были своими. Тогда я понял, что есть только один способ получить своих воспитателей — подготовить их из числа своих воспитанников.

Я видел, что девятикласснице Зине Брандт легко даются все военные дисциплины, даже строевая подготовка, и говорил ей: осваивай это дело быстрее, будешь сама учить новичков. То же самое советовал и парням, которые стали соревноваться, из кого быстрее выйдет инструктор.

Приходили к нам и настоящие энтузиасты, но ребята встречали каждого, как и я, с двойственным чувством. С одной стороны, были рады, а с другой — знали, что этого человека надолго не хватит. У каждого семья, дети. Энтузиасты уходили не сами, их уводили жены.

Наверно, взрослые нужны были не только для воспитания, но и для элементарного присмотра?

Все вместе 130 подростков собирались не часто. В день приходила примерно половина. Но попробуйте проконтролировать, что делают 65 ребят в помещении площадью 400 квадратных метров. Я знал, что у входа стоят двое дежурных. Но я знал также, что ребята курят в подъезде. И хотя окурки не бросают, все равно жильцы возмущаются и в любой момент могут позвонить куда следует...

Я знал также, что некоторые курят прямо в штаб-квартире, хотя это категорически запрещено. Например, в кинобудке дымят Витя Бортвин и Олег Лещенко. Принципиальный Слава Измаилов требует прекратить, а нервный Лещенко бросается на Славу.

Это происходит не при мне. Но я вижу, что Слава расстроен и догадываюсь, в чем причина, переживаю за него. Он мой заместитель, вице-президент. Я не должен позволять, чтобы к нему так относились.

Иду в кинобудку.

— Кто тут курит?

Витя Бортвин успевает спрятать сигарету в кулаке, усмехается:

— Никто.

Издевается! У меня сдают нервы.

Медленно беру кулак Бортвина и сжимаю. Сигарета жжет ладану ладонь, но он смотрит, не морщась, не моргая. Только тогда соображаю: что же я, садист, делаю?

Как выйти из положения? Оставляю кулак Бортвина в poche. Вынимаю свои сигареты, закуриваю. И сжимаю горящую сигарету в своем кулаке. Ладонь горит. Бортвин и Лещенко переглядываются, усмехаются.

Вообще-то их давно полагается выгнать. Курение, выпивки, сквернословие, рукоприкладство — сколько можно терпеть? Но в том-то и дело, что уже выгоняли, а они приходят и стоят, в подъезде, как на вахте. Говорят, что без «Гринабеля» жить не могут. И показывают это всем своим несчастным видом. Их прощают, а назавтра все повторяется: курение, выпивки, сквернословие, рукоприкладство.

Их полагалось бы выгнать, как хотели ребята, навсегда, но никак не хватало духу. Так и возились мы с постоянными нарушителями устава, сами этот устав нарушая, только бы не выгнать навсегда. Без «Гринабеля» совсем пропадут.

А чего стоило поддержание чистоты! Складывалось впечатление, что мальчишки никогда в жизни не мыли полы. Не знали, с какой стороны ухватить швабру, как выжать тряпку. Терли пол, как попало. Ни один ответственный дежурный не мог с первого раза принять такую работу, заставлял перемывать.

Полный порядок был только, когда дежурил Леша Огуренко, красивый улыбчивый паренек с бицепсами штангиста. Я терялся в догадках: чем он ребят берет? Душевностью или мускулами?

Леша сказал, что учится в профтехучилище во вторую смену. Когда мне надо было с утра куда-то уехать, он просил оставлять его в штаб-квартире. Мол, ему все равно негде коротать время.

Я был даже рад. Леша мог отвечать на телефонные звонки. Звонили, к примеру, учителя и возмущались, почему некоторые их ученики пропускают уроки. Леша говорил, что меры будут приняты. И очень весело смеялся вместе с прогульщиками, которые были тут же, рядом с ним, а когда я появлялся, прятались в разных углах нашей большой штаб-квартиры или потихоньку выскальзывали за дверь.

Наконец, терпение учителей лопнуло, они пожаловались в горно, а заведующий горно позвонил в горком комсомола.

Это было самое страшное обвинение, какое только могло быть: «Гринабель» не только отвлекает подростков от учебы, но и поворачивает злостным прогульщикам уроков!

Выяснилось также, что в дежурство Огуренко ребята драили полы не только за то, что он прятал их от меня. Боялись его кулака.

Леша мило улыбался:

— А что я такого сделал? Ребятам на уроках скучно, вот они и сбегают. Ну, будут болтаться неизвестно где. Разве это лучше?

Или по поводу им же устроенной «дедовщины»:

— Главное чистота и порядок, разве не так?

Похоже, он руководствовался лучшими побуждениями, в полной уверенности, что ему все сойдет с рук. Ну и что в этом случае делать? Наказывать за заблуждение?

Как же разрешились все эти конфликты?

Мы благополучно довели Бортвина до призыва в армию. Потом он женился и ушел в быт. Лещенко еще не раз дрался с Измайловым, отстаивая свое право на курение и выпивки. А перед армией вдруг резко изменился. Даже стал инструктором. Это был нервный, взрывной и очень симпатичный парень. В коллективе его любили. Повторюсь, он был у нас на особом положении. Ребята учитывали: они живут без отцов, а Олег — без матери, это тяжелее.

О Леше Огуренко стоит сказать чуть подробнее. Он был мне нужен. Отлучаясь по делам, оставляя его старшим, я был уверен, что все будет идти своим чередом: занятия, дежурство, уборка помещения. Но теперь я знал, что за это спокойствие придется заплатить слишком дорого. Рано или поздно вспыхнет общий протест. Как же я буду выглядеть рядом с Лешей Огуренко?

Каждому подростку интересно, что о нем думают другие, как к нему относятся. А мне было важно знать, как оценивают ребята наших активистов. Периодически мы проводили письменный анонимный опрос. Анкетирование в те годы вообще было модно. Ответы ребят на вопрос «Что вы думаете о Леше Огуренко?» можно было суммировать так: слишком много о себе возомнил.

Обычно анкеты вслух у нас не зачитывались. Я показал их Леше без свидетелей. Он читал, меняясь в лице.

— Почему же мне никто этого не говорит прямо в глаза?

— Тебя боятся.

— Но я бы за правду никого пальцем не тронул.

— Ты уверен?

— Уверен!

— Но ребята в этом не уверены.

Леша вскипел:

— Анкетирование анонимное, значит все они анонимщики и трусы.

Я испугался: вдруг уйдет? Ведь если уйдет, то уже не вернется

Мы беседовали несколько часов кряду. Я говорил, как его любят в коллективе, что нужно дорожить таким отношением. Леша курил, улыбался, вздыхал. Он, конечно, понял, что нужен мне, и решил не уступать. Думал, что болтовня мне надоест, и я оставлю все, как было.

— Давай сделаем так, — сказал я Леше. — Ты тихо уйдешь. Можешь сказать ребятам, что не нашел со мной общего языка. Поживи без нас, подумай. Захочешь вернуться — примем.

Леша криво улыбнулся:

— Не пожалеешь?

Я подумал, надо ли отвечать прямо. И все же ответил:

— Один не может быть дороже всех.

— Спасибо за откровенность, — с этими словами Огуренко ушел.

Он вернулся примерно через год. Это был уже настоящий богатырь. Но он не то, что пальцем никого не трогал. От него слова плохого никто не слышал. Не знаю, что с ним произошло. У Леша Огуренко были все данные, чтобы «водить кодру». Но он каким-то чудом обошел эту перспективу стороной.

Наверное, он был не один такой?

Никогда не забуду Вовку Савонова, закадычного дружка Леша Огуренко. Знакомство с ним состоялось незадолго до операции «Инкогнито». Однажды подхожу к дому, где была наша штаб-квартира, и слышу крики жильцов:

— Это домушник! Позвоните в милицию!

Смотрю, спускается с пятого этажа, перелезая с балкона на балкон, какой-то парнишка. «Ну, думаю, дела. Неужели, правда, квартирный вор?».

На балконе третьего этажа парнишка замешкался. Видимо, хотел передохнуть. Ладонь у него была перевязана — белела повязка. Тут из квартиры выскакивает пьяный мужик и на парнишку с кулаками. Тот прижался к стене, отбивается ногами. Мужик хватает палку, замахивается и орет:

— А ну, прыгай!»

Чувствую, пора вмешаться. Говорю:

— Ты что, мужик? Дай пацану уйти через дверь!

А мужик не так меня понял, орет соседям:

— Звоните в милицию! Пусть их обоих заберут. Они — одна банда!

Хорошо, кто-то из соседей узнал меня. Кричит:

— Да это не вор. Это воспитатель.

Короче, отпустил мужик Вовку. Тот выходит из подъезда, губы белые от злости.

— Ладно, — говорю, — успокойся. — Ну и чего лазал по балконам?

— С пацанами поспорил.

— О чем?

— Что слезу с крыши, перелезая с балкона на балкон.

— А с рукой что?

— Производственная травма.

— Что за травма?

— Наколку паяльником выжег.

Вгляделся в Вовкино лицо: характер — как на ладони: отчаянный, самолюбивый. Говорю:

— Пойдешь к нам в «Гринабель»?

— Я не один.

Говорю:

— Вместе приходите.

Так вместе с Вовкой Савоновым к нам пришли Леша Огуренко, Олег Лещенко, Витя Бортвин. Брать всех четверых в операцию «Инкогнито» я побоялся. Поехал только Вовка. И показал себя с самой неожиданной стороны.

Если бы вслед за Лешей Огуренко ушел Вовка Савонов, они бы точно сколотили группировку. У них и до «Гринабеля» к тому дело шло. Но Вовка остался, что само по себе было чудом. Я-то был уверен, что потеряю сразу двоих.

Вовка остался и заменил своего друга, только держал порядок в штаб-квартире без рукоприкладства. Ребята научились драить полы и больше не нуждались в погонялах. Самые ленивые и недисциплинированные чувствовали, что Огуренко ушел из-за того, что прижимал их. И старались вести себя так, чтобы из-за них не ушел еще и Вовка Савонов.

Складывается впечатление, что ребята подчинялись только сильным личностям. Если так, то у вас отсутствовала норма хорошо организованного коллектива — подчинение тому, кому даны полномочия.

Полномочия даются тем, у кого неформальный авторитет и командная жилка, кому будут подчиняться. Как можно назначать на руководящую должность подростка, у которого этих качеств нет?

Я бы взглянул на эту тему с другой стороны. Конкретный пример — Леша Огуренко дежурит в штаб-квартире. Он видит, что ребята выбегают в подъезд покурить. Курить там нельзя. Жильцы могут пожаловаться, будут неприятности. Могут вообще закрыть «Гринабель». Что делать? Доложить мне? Но это стыдно — жаловаться президенту. Лучше наказать самому. И Леша наказывал.

Другой пример. Кто-то плохо моет пол. Идти докладывать? Опять-таки стыдно. Лучше разобраться самому — дать по шее.

Свести круговую поруку к нулю невозможно, не нужно и даже опасно. Взрослый не должен полностью подчинять себе детей, поскольку в этом случае они становятся марионетками и начинают развивать в себе нехорошие качества, например, доносительство.

И все же: что-то помогало преодолевать круговую поруку?

Ребята мало что скрывали от меня по трем причинам. Во-первых, я был для них, что называется, своим парнем. Во-вторых, они знали, что я разберусь с виновником по справедливости и при их участии. В-третьих, они боялись, что из-за какой-то их проделки меня снимут, так что лучше от меня ничего не скрывать, иначе я не успею что-то предпринять.

Снять тебя, наверное, могли, и за плохую успеваемость и пропуски уроки.

Ребята и раньше учились неважно, и сачковали не меньше, но теперь учителям можно было свалить на «Гринабель». Учителя нас не любили, как можно не любить людей другой веры, и только ждали повода, чтобы прикрыть «Гринабель». Конфликт со школами был опаснее конфликта с горкомом комсомола. Никогда еще мы не были так близко к своему концу.

Я не знал, что делать. Комиссар Марат Диннерштейн предложил организовать систему проверки. Ежедневно обзванивать школы, силами хороших учеников контролировать учебу «сачков» и двоечников. Но я чувствовал, что эти меры не вписываются в нашу специфику. Требуется не контроль, а самоконтроль.

Собираю ребят и говорю:

- Нас могут закрыть в любой момент. Вы этого хотите?
- Нет, не хотим.
- Тогда делайте что-то, чтобы нас не закрыли.
- А что нужно сделать?

— Не знаю, думайте сами.

Они орут, обсуждают, как лучше проверять учебу друг друга, а я молча слушаю. Я понимаю, что всякие комиссии по проверке успеваемости — полный маразм и стукачество. Нужно, чтобы ребята, все вместе и каждый в отдельности, заставили себя лучше учиться. Другого выхода нет.

У нас было заведено — если тебе надо поотсутствовать несколько дней, пиши рапорт. Смотрю, Витя Севницкий что-то пишет, а другие через плечо смотрят, что он там выводит. Написал и протягивает мне.

Читаю: «Прошу предоставить месячный отпуск для исправления двоек».

Подписываю: «Отпуск разрешить».

И отдаю рапорт Алле Комиссаровой, заведующей канцелярией.

Алла требует слова и говорит:

— Ребята, по-моему, отличная идея. Давайте все напишем такие рапорты.

Так «Гринабель» всем составом на месяц ушел в отпуск. Кто не успел исправить двойки, тем срок был продлен.

Так возникло правило: стоило кому-то запустить учебу, тут же рапорт на стол. Утаил, что плохи дела с успеваемостью — значит, слабак. Весь «Гринабель может подвести под монастырь».

Не меньше проблем было и с выпивками. Одни, выпив, не приходили в «Гринабель», боялись показаться. Другие приходили, но старались скрыть, что они под градусом.

Почти все происшествия внутри организации были из-за выпивок. Нужно было покончить с этим раз и навсегда, принять сухой закон.

Генеральный сбор почти единогласно проголосовал: нарушившие закон отчисляются немедленно, безо всяких объяснений. Единодушие объяснялось просто. Я предложил, чтобы сухой закон касался также всех взрослых в «Гринабеле». Марат Диннерштейн меня поддержал: а как иначе? Только так!

На другой день в штаб-квартире — танцевальный вечер. Все трезвые, как стеклышко. Никаких конфликтов, благодать. И вдруг входит заметно подвыпивший комиссар.

Я — к нему:

— Ты в своем уме?

Комиссар:

— С именин иду. Прохожу мимо. Дай, думаю, зайду:

— Давай — домой.

Марат согласился:

— Понял, иду!

Но его состояние уже заметили ребята:

— Как же так? А сухой закон? Разве он не всех касается?

— Ребята, что вы! — говорит Марат. — Конечно, всех.

Дикое положение. Выходим с комиссаром из штаб-квартиры.

Он спрашивает:

— Ну, что? Увольняться?

А как иначе? Выкручиваться? Это только приведет к разложению коллектива.

В горкоме комсомола сказали, что об увольнении комиссара не может быть и речи. Меня отчитывали: «Как ты можешь ставить его на одну доску с подростками?» Остаться при своем мнении было трудно. Раздавались голоса, что я таким образом хочу избавиться от комиссара. Помог сам Марат. Он сказал, что после случившегося ему будет трудно смотреть ребятам в глаза.

Как ни странно, спустя время мы стали с ним хорошими друзьями. Марат учил ребят самбо. О том, что произошло в тот вечер, мы не вспоминали никогда.

МИФ О ЛЮБВИ

Теперь чуть подробнее о вашей демократии. Насколько это была игра? Насколько это было всерьез? Что давали для воспитания демократические процедуры?

Пионерия была организация **для** детей. Там всем заправляли вожатые. Что-то как бы отдавалось на самостоятельность самих ребят. Но и в этих случаях за них заранее все было решено. Им оставалось только поднять руки и проголосовать. Это и было игрой в демократию.

А комсомол был организацией **для** юношества и молодежи. Там тоже все было predeterminedено руководящими органами. Даже секретарь первичной организации, где комсомольцев по пальцам пересчитать, избирался по рекомендации вышестоящего бюро.

Мы хотели создать организацию подростков безо всяких **«для»**. Чтобы ребята сами решали все вопросы своей жизни. А главное — решали, **кто** ими будет руководить.

Естественно, это не нравилось нашим комсомольским начальникам. Для них это было инакомыслие и демагогия.

Меня спрашивали:

— Зачем тебе эта игра в выборы?

(Заметьте, у них не игра, а у нас — игра!)

Я отвечал:

— Избирательный бюллетень — хороший воспитатель. Если он чистый.

А у нас бюллетени действительно были не такие, как в комсомоле, где уже стояли фамилии. Чистый листок, вписывай кого хочешь.

Мне говорили:

— У нас в стране две организации: пионерия и комсомол. А ваш «Гринабель» — не организация. Это всего лишь объединение,

созданное для перевоспитания «трудных», где ты — воспитатель. А воспитателей не выбирают.

Согласен, в школе, детском доме, исправительно-трудовой колонии избирать воспитателя, конечно, нельзя. Но здесь — особый случай. Это уличная педагогика. Здесь выборы есть не что иное, как способ внедрения взрослого в уличное сообщество, перекówki уличной верхушки, выдвижения новых лидеров из числа нормальных ребят.

Криминогенная уличная среда — не что иное, как диктатура наиболее испорченных «королей улицы», которые ведут себя по отношению к своим сверстникам, как им заблагорассудится. Следовательно, превращение такой среды в подростковую организацию неизбежно связано с ее демократизацией и развенчиванием «королей», что невозможно без свободных выборов.

Выборы у вас проходили раз в год, 10 апреля, во время генеральных сборов. Как это выглядело?

Эта дата совпадала с очередной годовщиной организации. Настроение у всех бывало праздничное. Приходили в парадной форме. Ветераны щеголяли нашивками с эмблемами самых интересных операций. Новички разглядывали их с завистью. Играла музыка, иногда — марши.

За минуту до начала все собирались в актовом зале. Во время торжественного построения вносилось знамя, зачитывались приказы о разных награждениях и поощрениях. Затем группа новичков, выдержавших испытательный срок, приводилась к присяге.

Эта процедура занимала не больше получаса. Потом все садились, и председатель генерального сбора (кто-то из ребят) предоставлял мне слово. Я отчитывался, что сделано за год. Потом избирательная комиссия (как правило, девочки) раздавала бюллетени, объясняла новичкам, как нужно правильно голосовать. Затем начиналось священное таинство демократии — голосование.

Бывали случаи, чтобы кто-то из ребят претендовал на должность президента?

Был такой случай.

Всего один? Значит, каждый раз твои перевыборы были предрешены?

— Фактически, да. Меня комсомольцы за это и поддевали: мол, выборы-то у вас без выбора. Я возражал: «Это как посмотреть». Каждый раз комиссия считала, в скольких бюллетенях стоит

моя фамилия. Ничто не мешало недовольным **не написать** мою фамилию. Подчеркиваю: каждый мог написать на чистом листке бумаги мою фамилию, а мог и не написать. Это и был выбор. (Сейчас это называется протестным голосованием). В этом и проявлялась объективная оценка моей работы.

Забегая вперед, скажу: когда я спустя восемь лет ушел из организации, горком комсомола поставил вместо меня другого парня. Ребята его не знали, но согласились: «Ладно, проголосуем «за». Парень явно не тянул. Вернее, тянул организацию не в ту сторону. Ребята ему говорили, что это им не нравится. Но он их не слушал. И спустя год поплатился на следующих выборах: его фамилия оказалась всего в двух-трех бюллетенях. Скандал бы жуткий. Горком предъявил ультиматум: или проголосуете за нашу кандидатуру (за этого парня), или «Гринабель» будет разогнан. Ребята не сдались.

Но тут же я могу привести другой пример. Отработав два года, я не выдержал придинок горкома и ушел из «Гринабеля» в редакцию областной газеты. Правда, не совсем. Днем работал в газете, а вечерами — в «Гринабеле». Ждал, когда горком пришлет замену. Ожидания растянулись на полгода. Горком тянул время. Ждал, когда я не выдержу нагрузки и уйду из «Гринабеля» навсегда.

И вот день выборов — 10 апреля. Я отказываюсь от своей должности категорически. Неожиданно свою кандидатуру выдвигает Зина Брант. А она только школу закончила. Рановато ей, к тому же как-то странно будет выглядеть организация: большинство — ребята, а во главе девчонка. Но ребята выступают за нее. Ладно, думаю, можно попробовать. Идет голосование. Зачитывают результаты — ушам не верю: снова меня избирают. Что за ерунда? Смотрю на Зину, а она сидит и тонко улыбается. И только теперь догадываюсь, какую она закрутила игру. Отвлекла мое внимание, а сама подговорила ребят, чтобы они снова меня избрали, несмотря на все мои протесты.

Кричу:

— Так нечестно! Я не могу работать! С меня хватит!

Зина отвечает:

— Ты наш? Наш. Устав признаешь? Признаешь! Вот и выполняй.

И мне еще год пришлось работать и в редакции и в «Гринабеле». А если бы должность президента не была выборной? Я бы, конечно, ушел: газета требовала полной самоотдачи.

Почему общее собрание называлось «генеральным сбором»?

Терминология в подростковой организации должна иметь особую энергетику, романтический заряд. Как можно пользоваться словами, от которых веет невыразимой скукой?

Комсомольские собрания обычно были недолгими — все равно подростки зевали от скуки. Наши сборы длились иногда часами — и никому не надоедали. Только заядлые курильщики просили разрешения выйти и тут же возвращались.

Почему всем было интересно? Ответ простой: была интересна жизнь организации. Какова жизнь, таковы и собрания.

Но есть еще одно объяснение. Мы часто отклонялись от основной темы сбора. Обсуждали методы родительского и школьного воспитания, говорили о комсомоле, о событиях в стране и мире. В одном сборе было все: диспут, политинформация, урок истории и литературы, разговор о том, о чем не принято говорить ни дома, ни в школе. Подросткам нравилось это общение, потому что можно было получить ответы на любые вопросы.

В те годы на комсомольские собрания приходили проверяющие. Слушали, что-то записывали, а потом указывали на недостатки. Вас контролировали?

Эти проверки превращались в спектакли. Помню, пришел второй секретарь Пигарев, внешне — копия секретаря ЦК КПСС по идеологии Михаила Суслова, такое же аскетическое непроницаемое лицо. Дежурные встречают его у входа, ведут по штаб-квартире. Увидел стенгазету, подзывает меня:

— Это что такое?»

Возмущение секретаря вызвало название газеты — «Дети подвала». И шарж на меня.

— Что вы себе позволяете?

Я стою, молчу. Что говорить? Что ни скажешь, ничего не поймет.

Подходят ребята. Пигарев спрашивает тоном проверяющего:

— Ну и кто тут среди вас «трудные»?

Немая сцена...

Как тут не вспомнить Макаренко. Бюрократы примерно так же спрашивали его воспитанников: «Вас бандиты не обижают? Ну, понятно. Как они могут обижать своих?»)

— Мы все тут «трудные», — отвечает кто-то сквозь зубы.

И тут Славу Измайлова угораздило вставить:

— Вообще-то задавать такие вопросы непедагогично.

— Как они разговаривают! — процедил Пигарев.

Я осаживаю Славу взглядом: «Мог бы помолчать?»

Слава исправляет ошибку: проводит сбор в лучших традициях комсомольского собрания. Мелькают слова «повестка дня», «возьмем за основу», «переходим к обсуждению», «слушаем вопрос», «выступает такой-то, подготовиться такому-то». Я ничего не понимаю. Что происходит? Наконец, соображаю: Слава успел шепнуть самым речистым, острым на язык. Вот они и изощраются.

Пигарев принимает спектакль за чистую монету. Его несет дальше: он предлагает создать в «Гринабеле» неуставную комсомольскую организацию. И вдруг вся благодать летит в тартарары. Зал возмущенно гудит «у-у-у!»

На другой день меня разбирают в горькоме. Слышится старая песня: «Гринабель» не уважает комсомол, а значит, советскую власть, эту лавочку, «Гринабель», нужно закрывать.

Чем, на твой взгляд, поучительны ваши конфликты с комсомолом? Этой организации давно нет. И вообще сегодня другие времена.

В руководящих кадрах комсомола были не только узколюбые зануды, но и широко мыслящие личности. Такие, как Сергей Литвиненко. Они понимали, в какой тупик зашел «верный помощник партии», и немало делали, чтобы спасти положение. Одно время (об этом речь впереди) я получил поддержку даже в ЦК ВЛКСМ.

Правильно, сегодня нет массовой молодежной организации и вообще другой строй. Но попробуйте создать организацию, подобную «Гринабелю». Не думаю, что это будет просто. Сегодняшние специалисты по работе с молодежью (они сегодня так и называются — специалистами) заниматься этим наверняка не захотят. Они работают в точности так же, как работали в советское время.

А те, кто руководит воспитательной работой по месту жительства? Кто занимается с сегодняшними «трудными подростками»? Думаете, они чем-то отличаются от своих коллег советской эпохи? Несколько раз общался и понял — никакого различия!

Люди без божьей искры, формалисты и бюрократы были, есть и будут всегда. Независимо от того, какой строй и какой век. А новаторы как мучились с ними, так и будут мучиться. Но ведь мы говорим не об этом. Мы говорим, как делать свое дело, не смотря ни на что.

Ко мне постоянно придирались: почему в «Гринабеле» «трудных» не больше 20 процентов? Непорядок: должно быть 90, а лучше все 100 процентов. Звучало, как обвинение: мол, не выполняешь своей задачи, за что деньги получаешь.

И что ты говорил в ответ?

Отвечал, что нельзя превращать «Гринабель» в исправительное заведение. Если «трудные» будут в большинстве, придется менять весь инструментарий воздействия на них. Ведь положительное влияние шло со стороны нормальных ребят. А если их не будет, кому влиять? Меня одного не хватит.

Пигарев жевал губами, думал. Потом отвечал:

— Мы не можем тратить средства на тех, кто уже снят с учета в милиции.

Уверен, что и сегодня таких, как Пигарев, пруд пруди. Сидят в городских администрациях, в отделах по делам молодежи, и кому-то мешают. А к работе с детьми и подростками должно быть совсем другое отношение, под девизом «Не мешать!»

Откуда такое мнение?

Испытал на себе. Шлю письмо одному уважаемому губернатору. Прошу рассмотреть мой опыт, прилагаю подробное описание. Сам руководить такой организацией не смогу, а помочь советами всегда рад. Сам губернатор мне, конечно, не ответил. Получаю письмо от главы комитета по молодежной политике. Пишет, что внимательно изучили мой опыт и рекомендовали его муниципальным образованиям. Указывает фамилию сотрудницы комитета, которой поручено отслеживать выполнение рекомендации. Звоню этой сотруднице. Она говорит, что обязательно пригласит меня на специальный семинар. Но прошло уже два года. Ни на какой семинар не позвали, ни одно муниципальное образование внедрять предложенный опыт так и не собралось.

Направляю аналогичное письмо в мэрию Москвы. Отвечает заместитель руководителя департамента семейной и молодежной политики. Пишет, что моему опыту дана специальная экспертная оценка. Называет опыт «интереснейшим», подчеркивает, что работа с подростками сегодня актуальна как никогда, сообщает, что всем организациям, работающим по месту жительства, дана рекомендация использовать этот опыт.

Прошло около двух лет. Думаете, хоть что-то сделано? Увы.

Пишу Президенту В.В. Путину. Отвечает сотрудник администрации. Благодарит за неравнодушное отношение к проблемам молодежи и сообщает, что описание опыта передано в президентскую библиотеку. Иными словами, в архив.

Вывод у меня такой. Раньше одни начальники мешали работать творчески, а другие все же помогали. Сегодня никто вроде

бы не мешает. Но никто и не хочет работать иначе, чем принято. По-моему, это ужасно.

Давай закончим прерванный эпизод. Ты работал одновременно в редакции и «Гринабеле». Потом тебя, против твоего желания ребята снова избрали президентом...

Днем я работал в газете, а вечерами в «Гринабеле». Так продолжалось около года. Ребята ждали, когда я перестану разрываться и вернусь к ним насовсем. А редактор ждал, когда у меня проснется совесть. Все-таки журналистика тоже требует полной отдачи.

Но просто так вернуться в «Гринабель» я не мог. На мою ставку горком уже взял инструктора по работе с подростками, совсем молодого паренька, только что закончившего школу.

Чтобы совсем вернуться в «Гринабель», мне нужно было найти самому себе ставку. Чтобы мне кто-то платил зарплату. Снова пошел к директору завода Орловскому. Хотя надежд было мало. Если «Гринабелем» находится под началом горкома комсомола, то чего ради ставку должен оплачивать тракторный завод? К тому же я знал отношение Орловского к верному помощнику партии. «Болтуны и карьеристы» — иначе он комсомольских работников не называл.

Орловский все понял с полуслова. От него я напрямую направился в отдел кадров. В руках был приказ о выделении «Гринабелю» не одной, а двух ставок — руководителя и завхоза. Я мог теперь ходить по организациям с протянутой рукой только по первому кругу. По второму кругу, когда все договорено и подписано, мог теперь идти начхоз. Кстати, начхозом всегда был кто-то из ребят, закончивших школу.

О финансировании и хозяйственной работе стоило бы сказать особо. Помнится, Макаренко писал, что руководитель детского учреждения должен сам заниматься хозяйством.

В колонии это, наверно, просто необходимо. А в подростковой организации только отвлекает от главной, воспитательной работы. Когда у нас начхозом и одновременно бухгалтером (мы завели свой счет в сберкассе) стал наш парень Юра Ходацкий, у меня словно гора с плеч свалилась.

Ощутимую финансовую помощь мы получили за восемь лет только один раз. Секретарь горкома партии Макеев приехал летом в наш лагерь, походил, посмотрел, поспрашивал и...велел собрать с двух самых денежных предприятий шесть тысяч рублей. По тем временам большие деньги, но и их хватило только на дорогие музыкальные инструменты для нашего эстрадного оркестра.

В советское время регулярно выделялись средства на летний отдых детей. Кое-что перепало и нам. Пусть не каждый год, но мы могли поехать в свой лагерь, закупить для него спортивный инвентарь, который потом оставался у нас.

Мы ни одного дня не жили в достатке. Все время в чем-то нуждались. Особенно не хватало условий для повседневной жизни. Как бы хорошо ни был оборудован подвал, он остается подвалом. Кругом бетон, трубы отопления едва греют, трубы канализации то и дело прорываются. Завод сделал нам туалет, но он ни одного дня нормально не работал. А ведь ребята находились в штаб-квартире по несколько часов...

Мы завидовали липецкому клубу «Неунываки», у которого было свое наземное помещение и городской парк. Неподалеку от нас стояла старенькая школа с большим двором, огороженная высоким забором, ее хотели закрыть и снести. Я пошел по инстанциям: «Отдайте ее нам». Обещали подумать. Думали года два. Куда торопиться? У тех, кто думал, на работе были нормальные туалеты.

У Макаренко есть интересная мысль. Он говорит, что детское учреждение должно жить в определенных лишениях. Это якобы даже способствует воспитанию. Подростки начинают сами заботиться о завтрашнем дне своего коллектива.

Согласен, подростки могут многое: заработать себе на униформу, на питание в летнем лагере, чтобы побыть там не 24 дня, как положено, а на неделю-другую дольше. Могут своими силами делать ремонт, зарабатывать на поездки в другие города. Подростки умеют работать, несмотря на то, что государство не позаботилось о том, чтобы дать им для заработков больше возможностей. Но нельзя с них требовать невозможного. Они не могут, к примеру, уйти из подвала и построить себе наземное помещение.

В советское время власть ежедневно заверяла общество в своей любви к детям. Действительно, для пионеров и комсомольцев кое-где строились дворцы. Но эта «любовь» не мешала власти держать сотни клубов по месту жительства в душных подвалах, выделяя им на повседневные нужды воспитания смехотворные деньги.

Так было в советское время, то же самое можно наблюдать и сегодня. Из чего я делаю неприятный вывод. Наша власть, независимо от общественного строя, только декларирует свою любовь к детям и свою заботу о подрастающем поколении, а на самом деле относится к будущему страны с поразительным равнодушием. Нет у нас народной традиции настоящей любви к детям и настоящей заботы о них. В генах нет!

НА ГРАНИ ФОЛА

Один ребячий комиссар писал, что у него одновременно было 1000 уличных подростков. Из них 30 окончили школу с золотыми и серебряными медалями. Вы показывали такие же чудеса?

— Не представляю, как можно справляться с тремя батальонами подростков, даже если они не уличные. И даже, если есть трое-пятеро взрослых помощников. Ну, а медалисты среди «трудных» — вообще фантастика. Мы были довольны, когда никого из наших не оставили на второй год.

Для теплоты внутренней жизни лучше, если коллектив-семья составляет 130 человек. В этом случае отдельная личность не теряется в коллективе. А если начинает выпадать, то это сразу заметно. Но такой численности бывает недостаточно для выполнения внешних функций.

Количеством 130 человек достигаются три результата. Во-первых, в организацию вовлекаются подростки, состоящие на учете в милиции. Во-вторых, держится под контролем криминогенная ситуация в районе, связанная с преступностью несовершеннолетних. И, в третьих, организация вбирает в себя уличные группы, мешая таким образом возникновению новых групп.

Расскажи об этом подробнее. Как организация вбирала уличные группы?

Был у нас в летнем лагере 13-летний Гирейхан Мержоев. Когда познакомились, он не мог назвать ни своего дня рождения, ни номера дома, в котором жил. Гирейхан был бегунок, бродяжка. Инспекторы замучились искать его по подвалам и теплотрассам. Отдали его нам со словами: «Господи, мы хоть немного от него отдохнем!»

Но и ребята замучились вовлекать Гирейхана в общие дела. Поест — и на озеро. В камышах у него была спрятана удочка. Мог сутками гипнотизировать поплавок.

Я ставил перед ребятами задачу — так относиться к «трудным», чтобы после лагеря те захотели остаться у нас. В ответ услышал:

— И во что «Гринабель» превратится? Эти «трудные» — как на подбор, не старше 13 лет, рост метр с кепкой. Над нами смеяться будут!

Я настаивал:

— Мы не можем жить без младших. Нужно думать о будущем. Через год-другой вы закончите школу, уйдете в армию или поступите в вузы. А меня с кем оставите? Должна быть смена поколений

Меня слышали немногие. И среди них был Вовка Савонов.

Гирейхан ходил за ним, как щенок на поводке. А когда вернулись в город, Савонов привел его в «Гринабель», научил играть на бильярде. Гирейхан не расставался с кием, как в лагере — с удочкой.

Мальчишка постоянно хотел есть: ребята сбрасывались и покупали ему пирожки. Гирейхан был плохо одет: ему принесли одежду и обувь, из которой выросли. Все это организовывал, естественно, Савонов. Гирейхан отъелся, принарядился и...исчез. Вовка пошел к нему домой. Вернулся злой:

— Мать у него, оказывается, больная, а ему плевать. Ни дров не наколет, ни воды не принесет.

Ребята из службы вовлечения (организовали мы такую) работали в контакте с инспектором Мильниковой. Брали у нее характеристики и адреса подучетников, приводили их в штаб-квартиру и старались вовлечь в коллектив.

«Трудные» вначале держались настороженно, но через час-другой лед отчуждения таял. Что в таких случаях главное? Занять игрой. В игре подросток быстро осваивается, становится самим собой и привыкает к тому месту, где ему хорошо. Этой цели служили бильярд, настольный теннис, тир для стрельбы из пневматической винтовки, телевизор, настольные игры.

Важно было, чтобы «трудные» хотя бы первое время приходили каждый день. Чтобы привыкли и, как наши ребята, уже не мыслили себе жизнь без «Гринабеля». Но назавтра появлялись не все. И тогда служба вовлечения снова шла за ними.

Уже говорилось, что приживались не все. Что мешало?

Причины были разные. Кто-то из наших не так посмотрел. Кто-то сказал: хватит вам играть на бильярде, уступите нам. Кто-то

сунул в руки швабру со словами: поиграли, а теперь поработайте, не все же нам за вами убирать.

«Трудные» легко обижаются и тяжело переносят дисциплину. Им трудно быть хорошими, соответствовать чьим-то ожиданиям.

Но главное, что мешало им вжиться в наш коллектив, — это уличная среда. Она не давала отдельному «трудному» оторваться и перейти в «Гринабель». Поэтому мы старались вовлекать эту среду — целые группы. Работать с уличным коллективом вообще гораздо проще, чем с отдельным подростком.

В службе вовлечения состояло не больше 20 ребят, но иногда на них работал весь «Гринабель». Дважды одетые в форму, мы заявлялись на танцплощадки, знакомиться с местной шпаной. Это были довольно напряженные операции.

А если бы вспыхнула драка? Они на своей территории. А вы, считай, вторглись. По законам улицы вас полагалось бить.

В том-то и дело! Какой-то риск был. Но в уличном мире у «Гринабеля» уже была определенная репутация. Все знали, что мы не хулиганы. Но если кто-то вздумает задрататься, тому мало не покажется. Улица испытывала к «Гринабелю» острый, я бы сказал, жгучий интерес. Многие хотели попасть к нам. И мы этим пользовались.

С другой стороны, мы этим не злоупотребляли. Подобные вечерние визиты мы нанесли только два раза.

Понятно, что эта была форма вовлечения, но каким был результат?

Эти два района — Алюминстрой и МДС — мы выбрали не случайно. Они враждовали. После серии стычек дело шло к массовой драке с непредсказуемыми последствиями. Как предотвратить? Возникла идея вовлечь вожakov этих группировок в «Гринабель». Помирить таким способом.

Был у нас парнишка с Алюминстроя, Саша Фролов. Он рассказывал местным ребятам о «Гринабеле». Подводил их к мысли организовать у себя в районе наш филиал. Ездить к нам два-три раза в неделю алюминстроевским было далеко.

Филиал так филиал. Теперь нужно было как-то познакомиться. Мы пригласили алюминстроевских — они отказались: нет, лучше вы к нам на танцплощадку. Ладно, придем. Пришли, познакомились и...подружились.

А потом точно так же подружились с ребятами из района МДС. И после этого алюминстроевским и эмдээсовским как-то не удобно стало враждовать друг с другом.

Окончательное примирение состоялось после одного происшествия, случившегося на нашей территории. Уже упоминавшаяся Зина Брант приезжала с МДС каждый день. Быстро научилась всему, что умели наши «старички». В стрельбе, вождении мотоцикла и строевой подготовке даже превзошла их. А в способности чего-то потребовать (например, хорошо вымыть полы) ей вообще не было равных. Причем, требовала необидно: парни подчинялись ей без звука.

И вот однажды, когда в штаб-квартире было полно ребят, включая алюминистроевских и эмдээсовских, неожиданно входит Зина, под глазом фингал. Оказалось, в двух кварталах от «Гринабеля» ее приняли за парня (она носила брюки и короткую стрижку), придрались. Зина ответила — ей и досталось.

Несколько десятков наших ребят вылетели из штаб-квартиры. Хулиганы были схвачены в считанные минуты. Они так растерялись, что потеряли дар речи.

Начали выяснять, кто побил Зину. Девушка показала на двоих.

— Бей! — сказали Зине. — Наведи симметрию!

Недолго думая, Зина врезала в глаз и тому и другому. Кулак у нее был крепкий.

Оправдания потерпевших, что обознались, приняты не были.

— Смотреть надо, кто перед тобой, прежде чем руки распускать, — сказала Зина.

Макаренко писал: «Я хочу только одного, чтобы о ценности метода судили по его результату». Каким был главный результат воздействия «Гринабеля» на уличную среду?

Главным было даже не то, что мы кого-то вовлекали и кого-то исправили, а само существование «Гринабеля». В каждом городе, где существуют уличные группы и группировки, возникает своя планка крутости. Какую-то группировку особенно боятся. Так вот, в Павлодаре планку крутости держал «Гринабель». Все группировки из других районов города это признавали, и никто даже не пытался стать круче.

— А как шла индивидуальная воспитательная работа? О ней пока сказано маловато.

— Что такое индивидуальный подход? Разговоры по душам? А если подросток не хочет раскрывать душу? А если у меня нет тонкой способности проникать в чью-то душу?

На мой взгляд, лучшее воспитание — вызвать у подростка стремление к самосовершенствованию, а потом всячески это

поддерживать. Если я вижу, что подросток работает над собой, тогда я могу индивидуально подойти к нему: что-то подскажу, посоветую, как старший младшему. Тогда у нас полный контакт, взаимопонимание и теплое чувство общности.

Так и осталось непонятно, как можно управляться с сотней подростков?

Был такой случай. Прихожу в штаб-квартиру. Вижу, в одной из комнат 15-летний инструктор Вася Святогор проводит родительское собрание. В основном, сидят, конечно, матери. Человек 10–12 их было. Но я знаю, что в отряде у Васи как раз столько ребят. Значит, явка нормальная.

Здоровуюсь с мамами и прохожу в свой кабинет. Дверь осталась полуоткрытой. Слышу, одна говорит другой:

— Неужели не побеседует с нами?

Выхожу и спрашиваю:

— У вас есть какие-то вопросы?

— Нет, — отвечают, — вопросов нет. Просто как-то непривычно.

И что ты ответил?

Сказал, что у нас все инструкторы знают кое-какие приемы Макаренко. Проводим специальные занятия. Я не преувеличивал, такие занятия действительно проводились. И что удивительно, никто ими не тяготился.

Ежегодно у нас был выпуск. Около 30 ребят оканчивали школу и начинали взрослую жизнь: уходили в армию или поступали в вузы. Столько же мы набирали новеньких, 12–13-летних. С ними занимались 15–16-летние, такие, как Вася Святогор. Учили их тому, чему научились сами, потому и назывались инструкторами.

В походах и летних лагерях инструкторы следили, чтобы все соблюдали правила личной гигиены, чтобы никто не простыл, без разрешения не ушел купаться, не перегрелся на солнце, чтобы никого не обидели и т.д.

За восемь лет у нас не было ни одного ЧП. Никто не разу даже на солнце не перегрелся. Не скрою, несколько раз были на грани ЧП. Но в том, что все-таки ничего не случилось, заслуга таких ребят, как Вася Святогор.

На грани ЧП? Как это было?

Однажды чуть не утонул Валера Небеснюк, большой, сильный парень. Переплывал протоку и не дотянул до противоположного берега несколько метров, выбился из сил. Все-таки полная вы-

кладка — рюкзак, каска, автомат Калашникова. Попробуйте проплыть в таком снаряжении хотя бы десять метров. Очень трудно. Это было не на учениях, во время съемок документального фильма о «Гринабеле». Хорошо, ребята вовремя заметили, что Валера захлебывается, подоспели вовремя.

Или другой случай. По традиции, когда летний лагерь ставили в горном местечке Баян-аул, каждый отряд совершал восхождение на пик «Гринабеля». Сажу в штабной палатке, и радист время от времени соединяет меня со Славой Измайловым — он ведет отряд. Сообщает: дошли до вершины, все в восторге, такой вид! Потом сообщает: начинают спуск. И вдруг помехи в эфире. Смотрим, на вершину горы наползает туча, сверкают молнии, начинается проливной дождь.

Через несколько минут Слава выходит на связь:

— У нас ЧП. Лена Ерко сломала ногу.

Спрашиваю:

— Как ты мог продолжать спуск в дождь?

— Она поскользнулась до дождя, — отвечает Слава.

Ливень кончился так же внезапно, как и начался. Что делать? Продолжать спуск очень рискованно. Не ногу, голову можно сломать. Но и сидеть на горе бессмысленно. Склон, покрытый лесом и мшистыми камнями, до утра не высохнет. Не ночевать же там!

Слава сообщает:

— Мы сделали из веток носилки. Не волнуйся, и Лену спустим и сами спустимся.

Спросите, почему я сам не полез на эту гору? Она была на противоположном берегу озера. До нее идти километров шесть. Потом подниматься. На это бы ушло несколько часов. Но дело даже не во времени. Если бросился сам руководить спасением, значит, не доверяешь, не веришь, что ребята сами справятся.

Они справились: не только спустили Лену с вершины, но и донесли ее на самодельных носилках до того места, где ждала «скорая помощь». Девочку отвезли в районную больницу, наложили гипс и ... привезли обратно в лагерь. От госпитализации она категорически отказалась.

Третий случай произошел с Витей Севницким. Он вез в лагерь на ГАЗ-51 свежий хлеб. Дорога шла по дамбе, размытой внезапным сильным дождем. Можно было подождать час-другой, когда грунт подсохнет. Но близилось время обеда, и Витя не захотел ждать...

Шанса проехать практически не было. И без того узкая дамба после дождя стала еще уже. Машина стала медленно сползать по склону и заваливаться набок. Но Витя не бросил руль, не выско-

чил из машины. Каким-то чудом поставил ее в такое положение, при котором она не могла перевернуться, и побежал в лагерь.

Вырывать машину пошли самые сильные. Нужно было вытолкать ее на глинистую дамбу. Вымазались, как черти, и тоже рисковали, конечно: могло кого-нибудь ненароком придавить. Но справились.

Вот, собственно, и все. Других ЧП не было.

Что ты считаешь своим главным достижением?

Нормальные взаимоотношения возрастов. У Шелгунова я читал: «При нашем воспитании старшие дети являются большей частью мучителями и деспотами по отношению к детям младшим». Заметьте, эти строки писались в конце XIX-го века, и Шелгунов имел в виду детей в семье, братьев и сестер. Что же говорить о взаимоотношениях детей разного возраста вне семьи, где отношение старших к младшим еще хуже?

В «Гринабеле» старшие смотрели на младших, как на свою смену. Добиться этого было нелегко. Я уже говорил: сначала старшие вообще не хотели, чтобы у нас была, как они говорили, малышня. Но я настоял, буквально навязал это: стерпится — слюбится. И стерпелось, и слюбилось!

Были в «Гринабеле» свои эталоны поведения, образцы воспитанности?

Существовало правило: входит в штаб-квартиру взрослый — все должны встать. Посетителей было немало, и всех эта форма вежливости просто потрясала. Тот, кто приходил с предубеждением, уходил нашим сторонником.

Однажды в очередной раз прорвало трубу отопления. Пришли сантехники, хмурые и недовольные, что их оторвали от домино. А ребята их приветствовали. Сантехники заменили хомут и решили удалиться. Прошу их осмотреть трубы в других комнатах. Соглашаются. Обошли всю штаб-квартиру, и в каждой комнате перед ними вставали по стойке «смирно». Уходя, главный сантехник сказал, почесав в затылке: «Ну, у тебя и ребята!» На другой день негодные трубы отопления были заменены на новые.

Второй пример. Чемпион «Гринабеля» по самбо Вадик Колотов за полчаса до выезда в летний лагерь идет с девчонками в магазин. Девчонки покупают конфеты и складывают в пакеты, которые Вадик держит в обеих руках. Подходят двое пьяных парней, запускают пятерни в пакеты, выгребают пригоршни конфет

и весело гогочут. «Ребята, ну зачем вы так?» — спрашивает Вадик, а у самого губы прыгают от злости.

Хулиганы очень сильно рисковали. Вадик мог бы выпустить из рук пакеты, и через несколько секунд наглецы лежали бы на полу. Но Вадик понимал, что появится милиция, начнется разбирательство, и выезд в лагерь будет отложен, потому, что без него никто не поедет. Вадику в плоть и кровь вошло правило: если можно не бросить тень на «Гринабель», то это надо сделать, даже ценой своего самолюбия.

У Шелгунова есть и такие слова: «Воспитание не в том, чтобы вылепить людей в готовые формы и дать им готовую инструкцию для поведения». Вот с этим я могу согласиться только отчасти. Готовых форм действительно не должно быть. Но соблюдение каких-то инструкций так же обязательно, как чистка зубов по утрам и вечерам. Должна быть привычка выполнять свой долг даже по мелочам. У нас принято говорить про чувство долга. Долг — не чувство, долг — соблюдение инструкции. В определенной ситуации ты должен вести себя только так и не иначе. И подростку должно нравиться, что он так себя ведет.

Придя в «Гринабель», девчонки тут же рассказали, что произошло в магазине. Сто с лишним ребят были построены, и Вадику Колотову тут же была вынесена перед строем благодарность.

Складывается впечатление, что индивидуальному подходу ты придавал не очень-то большое значение.

В этом смысле непревзойденным мастером был польский педагог Януш Корчак. А Макаренко, похоже, был не очень силен, особенно в самом начале работы с беспризорниками. Может быть, это и позволило ему придумать гениальную педагогику параллельного действия, влияния воспитателя на отдельную личность не напрямую, а через коллектив.

Что такое индивидуальный подход? Это чтение чужой души. Не всякому воспитателю это дано природой. Французский психолог Шарль Фурье описал 600 человеческих характеров. Попробуй, распознай. Не все родители знают своих детей, а тут чужие дети.

Кроме того, трудно влиять на каждого, если в коллективе больше 40 человек. Не случайно эта явно завышенная норма установлена в школе для классного руководителя.

Можно видеть внимание: **что** именно подросток слушает с особым интересом. И по этому вниманию сделать вывод, **что** его задевает, волнует. Можно видеть восхищение или неодобрение. Можно видеть, **как** подросток чувствует себя в коллективе, **как**

к нему относятся другие ребята. В трудном походе сразу виден нытик и эгоист.

Если воспитатель все это подмечает и при удобном случае необходимо подсказывает подростку, **как** ему лучше себя вести, корректирует отношение к нему со стороны коллектива, то это и есть индивидуальный подход. В условиях подростковой организации он, этот подход, возможен при общей численности в 130 человек.

Говорят, воспитатель должен помнить свое детство.

Вероятно, это имеет значение в том случае, если воспитатель пережил в детстве то, что переживают его воспитанники сегодня. А если у него были образцовые родители? Если в его жизни вообще не было, как говорится, плохой погоды?

Есть несколько соображений, которыми обязательно должен руководствоваться воспитатель, независимо от опыта своего детства.

Если подросток совершил серьезный проступок, можете быть уверены: он считает, что не мог поступить иначе, а значит наказание несправедливо и оскорбительно.

Если проступок подростка не является серьезным уголовным преступлением, не судите его строго, но и не показывайте, что судите его нестрого.

Постарайтесь понять, как живет подростку в отчем доме. Нет ли у него ощущения, что этот дом для него чужой? Не приходится ли ему долго выпрашивать у родителей что-либо? Как относится отец к матери подростка?

Чем больше найдено ответов на эти вопросы, тем легче найти подходы.

Тебе приходилось вмешиваться в отношения подростков и их родителей?

Всего два раза. Однажды ко мне обратилась девочка. Сказала, что к ней пристаёт отчим. Ситуация — сложнее не придумаешь. Вступить за девочку — значит выдать, что она обратилась за помощью. Со всеми непредсказуемыми для нее последствиями. И не вступить нельзя. Я встретился с этим типом и понял, что девочка ничего не преувеличила. Предупредил: еще одна жалоба, и культурного разговора уже не получится. Потому что разговаривать буду не я, а ребята, которых я (пришлось соврать) пока сдерживаю. Подействовало.

Другая девочка пожаловалась на пьяницу-мать. Не дает спокойно готовиться к урокам, приводит мужиков. Разговор с матерью ничего не дал, положение девочки в семье стало еще хуже. До сих пор неприятно вспоминать об этом.

ВОЕНКА

Сразу оговоримся: шуточный термин «военка» ввел Макаренко. Так он называл элементы военизации в коллективе. А вы так называли, для краткости, еще и начальную военную подготовку. Пора рассказать и об этом.

Каждый вступивший в «Гринабель» назывался кандидатом и проходил трехмесячный испытательный срок. За это время он должен был показать, что он не белоручка и не неженка. Если плохо проявлял себя в труде, его шансы принять присягу и стать действительным членом «Гринабеля» были равны нулю.

Кандидат должен был пройти строевую подготовку. Иначе как он мог идти в общей колонне, не позоря остальных? Как мог выйти из строя, чтобы принять присягу?

Поставить «трудного» в строй, научить его маршировать — все равно, что объездить молодую лошадь. Это сравнение может кого-то покоробить. Но уж что есть, то есть. Когда «трудный» чувствует красоту строя, синхронных взмахов рук, слитного звука печатного шага, когда ловит на себе восхищенные взгляды прохожих и сверстников, в нем что-то меняется. Он уже не тот, что был раньше.

Но «трудный» тем и «трудный», что не любит работать, не любит дисциплину, не может сделать над собой никакого усилия, чтобы стать лучше. И не только «трудные» такие, но и многие с виду нормальные подростки. Если вы заставляли новичков проходить такие испытания, значит, многие не выдерживали, уходили. Была ведь текучесть, ты сам говорил, была!

Мне бросали подобные обвинения. Я отвечал просто: текучесть текучести рознь. Мы требуем от каждого новичка полной само-

отдачи. Даем ему то, что не может дать ни одна секция, ни один кружок. Да, кто-то не выдерживает и уходит. Это одна текучесть. А в дворовых клубах, где от детей ничего не требуют и ничего не могут им дать, другая текучесть. Там вообще проходной двор. Можно ли сравнивать?

Согласен, «трудные» независимо от возраста ведут себя по Фрейду: уклоняются от неприятного и ищут приятного. Поэтому мы воздействовали на новичков не грубо и прямолинейно, а постепенно и терпеливо. Но если кто-то и такого к себе отношения не выдерживал, мы говорили — скатертью дорога. Ради некоторых снизить требования ко всем? Никогда! Мы вообще не комплексовали по поводу текучести. На место ушедших тут же приходили другие. Те, кому «Гринабель» был нужен еще больше.

Чем ребятам были интересны занятия в «Гринабеле»?

Перечислю основные досуговые занятия: бильярд, настольный теннис, настольные игры, телевизор, вокально-инструментальный ансамбль, вечера отдыха, именины, капустники, съемки своего документального фильма, поездки и т.д.

Мальчикам и девочкам был интересен не только «Гринабель». Они были по-человечески интересны друг другу. Все они были — как одна семья. Когда кто-то вел себя не так, я говорил: посиди недельку дома, подумай над своим поведением. Уже на другой день звонил телефон: «Я все понял, можно приходить?»

Основным и обязательным занятием какое-то время был туризм: походы, соревнования по преодолению препятствий, спортивное ориентирование и т.д. Ребята поднаторели в этом очень быстро, и на туристических слетах не имели равных до такой степени, что стали выступать либо вне конкурса, либо в качестве судей. Превосходство объяснялось просто: туристические команды школ занимались только перед турслетами, а наши — практически круглый год.

А после осени 1968 г. место туризма заняла военка.

Почему именно после осени 1968 года?

В 1967 году мы стали переписываться с чехословацкой организацией «Свазарм», с ее отделением под названием «Залесаки». Это был гибрид нашего ДОСААФ и западного скаутинга. Мы решили обменяться летом 1968 года делегациями. Послали приглашение, получили ответный вызов. Но в июле, за месяц до отъезда, я понял: не надо спешить паковать чемоданы. Всякий,

кто читал газеты и смотрел телевизор, мог понять, что над Чехословакией сгущаются тучи.

В августе в Прагу вошли наши советские танки. Почти тотчас в СССР началось закручивание гаек. Знакомые ребята из КГБ (бывшие инструктора горкома и обкома комсомола) товарищески советовали сменить название.

Я спросил:

— А если мы все же останемся «Гринабелем»?»

— Тогда вас не будет вообще, — ответили мне.

Больше того, посоветовали убрать все, что указывало на сходство «Гринабеля» со Скаутингом. Но я знал: даже после этих уступок нас не оставят в покое.

После чехословацких событий власть все меньше доверяла молодежи. Кто-то из кремлевских мудрецов решил, что верность социализму можно привить путем инъекций патриотизма. В стране началось движение под названием «Дорогами славы отцов». Пионеров и комсомольцев водили по местам боев, заставляли слушать выступления ветеранов и клясться в верности партии.

Однажды делегация «Гринабеля» попала на один из таких слетов. Проводился он недалеко от Прохоровки, в центре танкового сражения на Курской дуге. Кроме нас были представители других подростковых объединений. Вместе мы насыпали, таская землю в рюкзаках, шестиметровый курган, установили на нем звезду, опустились на колени и начали клясться.

Мы, приехавшие с другого конца Союза, клялись в такой обстановке впервые. А другие участники этого слета уже сбились со счета. Клялись и посмеивались, обменивались циничными репликами. Это было удручающее зрелище.

Чужой подвиг — как объект для глазения, как развлекательный момент. Так оценивал подобные мероприятия Макаренко. Нет, в таком движении мы участвовать не хотели. Мы и здесь следовали Макаренко, который писал: «Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество».

Нужно отдать должное организаторам слета. Они решили провести 14-километровый ночной марш-бросок. Делегацию «Гринабеля» поставили во главе колонны. Позади шел пустой автобус и машина «скорой помощи». Автобус стал заполняться примерно через 6 километров пути. К концу марш-броска он был уже переполнен. Врачи «скорой» то и дело подбирали выдохшихся. Мы очень боялись за одну нашу девушку, Веру Дурняк. Она могла не выдержать темпа. Но она выдержала. Делегация «Гринабеля» из

20 человек прошла (точнее сказать, пробежала) 14 км (точно не помню, кажется, за 3 часа) без потерь.

Однако, ты рисковал здоровьем ребят.

Сейчас я тоже так думаю, а тогда был молод и хотел, чтобы «Гринабель» шел только впереди. В чем-то далеко впереди. Например, в способности преодолевать всевозможные лишения, препятствия. Мы так и говорили нашим критикам: «У нас воспитание в испытаниях».

Каждый год мы выставляли караул у памятника Ленину. Погода в Казахстане капризная. Иногда 22 апреля стояла июньская жара, а иногда шел дождь со снегом. Можно получить солнечный удар, а можно сильно простыть. Но попробовал бы я сказать ребятам, что караул отменяется по погодным условиям. На меня бы так посмотрели, будто я Родину предал.

1-3 мая мы проводили операцию под названием «Майские звезды». После парадного шествия по центру города мы приходили в штаб-квартиру, переодевались и отправлялись в двухсуточный поход с военной игрой. Если в почетном карауле стояли ребята, похожие на гренадеров, то в поход шли все, включая 14-летних. В начале мая в Казахстане, как правило, наступает похолодание. Все могли простудиться, потому что шли по залитой Иртышом пойме, держа обувь в руках, по щиколотку в воде. Но и операцию «Майские звезды» мы ни разу не отменили.

Организм подростков требует выброса адреналина. Выброс может иметь индивидуальный и массовый характер. Индивидуальный — это когда, например, каждый пацан должен был провести раз в год бой на ринге. Независимо от того, занимался он боксом или не занимался. Массовый (и в то же время индивидуальный) — во время походов и военных игр.

У нас одна часть организации могла выйти из города в одном направлении, а другая — в противоположном. Иногда их разделяло расстояние до 20 километров. По условиям игры они должны были найти друг друга в указанной на карте точке. Кто первый обнаружил — тот выиграл. Но попробуйте найти условного противника на таком пространстве. А нужно было не просто найти, но и не дать себя обнаружить. Взрослые посредники валились с ног и зарекались участвовать в наших играх.

Однажды нам бросила вызов команда школы-победительницы общегородского соревнования по военным играм. Дело было зимой. Все подходы к позициям «противника» хорошо просматривались, не подобрешься. К тому же сугробы по пояс. Мы сшили

белые маскхалаты, провели отвлекающий маневр. Через 20 минут все было кончено. Нашим даже досадно стало — они настроились на длительную игру. Больше мы ни с кем не играли. Только друг с другом.

Почти действия сторон в военных играх заранее предопределялись взрослыми. А как было у вас?

В том-то и дело! У нас не говорилось, куда именно выдвинуться. Давалось только направление и устанавливалось примерное расстояние. Главным элементом игры была разведка, добыча «языка». Однажды я сам чуть не угодил в плен. Должен сказать, что, несмотря на всю условность ситуации, ощущение грозящего пленения не из приятных. Но ребята подросли вовремя, выручили.

Важное место в играх занимали также контрразведка, диверсионные действия, умение держать связь по радию, скрытые ночные переходы. Были, конечно, и рукопашные бои со срыванием отличительных знаков. Один раз мы провели совсем боевую игру: над головами ребят свистели настоящие пули. Восторг был неописуемый. Я же проклинал минуту, когда решился на эту авантюру. На другой год ребята потребовали повтора. Пришлось честно сказать, что боюсь.

Создается впечатление, что обычных кружков и секций у вас не было.

Были, но играли не самостоятельную, а строго подчиненную роль — обслуживали тот или иной вид деятельности. Если мы боролись с преступностью, то ребята из спецназа в обязательном порядке должны были заниматься боксом, самбо, рукопашным боем. Если выпускали свою страницу в местной газете, то те, кто писал заметки, осваивали азы журналистики. Девочки, которые следили за гигиеной и здоровьем ребят, проходили углубленную медицинскую подготовку, поступали в медучилища. Перед тем, как завести себе расчетный счет в сберкассе, мы отправили своего паренька Юрия Ходацкого на бухгалтерские курсы.

Расскажи теперь о ваших летних лагерях.

По Макаренко для нормального воспитания требуется дальняя перспектива, так называемая «завтрашняя радость». Этой завтрашней радостью и были летние лагеря. Все знали, что на другой день после окончания учебного года, лагерь будут устанавливать

наши девятиклассники. У них нет экзаменов, им и карты в руки. Девятиклассники выезжали отдельной командой (мы называли ее стройотрядом) и работали не меньше двух недель.

Ставился грибок для часового и шлагбаум, солдатские палатки и мачта с флагом, полевая кухня и столовая (столы под навесом), спортивные площадки, полоса препятствий, стрельбище, автодром, строевой плац, вольер для собак (некоторые ребята не хотели расставаться летом со своими четвероногими друзьями), на месте купания проверялось дно и устанавливались буи. Отхожие места проверяла санэпидстанция.

У нас не было штатных поваров — готовили сами.

Не было штатных врачей — мы доверяли нашим девчонкам, студенткам медучилища. Они ни разу не подвели: за восемь лет ни одной инфекции.

У нас не было штатных сторожей — один отряд охранял лагерь, а другой проверял бдительность часовых. Разрешалось разоружать зазевавшихся и уснувших на посту.

В последние пять лет у нас не было штатных инструкторов — все занятия проводили «старички-ветераны».

Не было штатных спасателей — за купающимися следили, сидя в шлюпках, старшие.

Лагеря были интересны для ребят тем, что там максимально расширялась сфера их самостоятельности и ответственности.

Вернемся к военке. Почему вы предпочли ее туризму?

Это была наша реакция на двухлетнюю службу, которая только вводилась в армии. Военные жаловались, что не успевают обучать новобранцев: вот если бы приходили более подготовленными! И я уже говорил о перекосе в военно-патриотическом воспитании. Много было слов и мало практической подготовки.

Я написал письмо министру обороны маршалу А.А. Гречко. Рассказал, чем занимаемся, какие достигнуты результаты, приложил фотографии и попросил оказать материальную помощь. Через месяц мы получили несколько железнодорожных контейнеров, а Витя Севницкий пригнал из стоявшей под Карагандой воинской части армейскую автомашину ГАЗ-51.

Что было в контейнерах?

Что просил, то и прислали. Полевые кухни, котелки, фляжки, солдатские палатки, вещмешки, обмундирование типа «мобуту» (летняя форма), каски, полевые телефоны, радиостанции, под-

зорные трубы, бинокли, санитарные сумки, карабины, малокалиберные винтовки, автоматы ППШ учебные и даже один боевой автомат АКМ, пулемет, ящики патронов.

Когда выгрузили контейнеры, стало ясно, что в штаб-квартире нужен, помимо дневного дежурства, ночной караул.

Серьезный подарочек.

Не совсем подарочек. За потрепанные лагерные палатки и спанную автомашину нам выставили счет. Пришлось оплатить.

Какая была реальная польза от военки?

Ребята шли в армию уверенными в себе. Их отличие от остальных новобранцев бросалось в глаза. Мало того, что они много чего умели. Они к тому же умели командовать. Их тут же ставили младшими командирами. Что особенно важно — они органически не переносили дедовщины. Другим не давали унижать «салаг» и себе не позволяли. И еще один плюс: для ребят, которые собирались поступать в военные училища (мы так их и называли — курсанты) ввели специальный курс подготовки, состоявший из 20 дисциплин.

От чего к чему шел член вашей организации? Как менялся его статус?

Новичок получал зачетную книжку. Был довольно сложный кандидатский минимум, который нужно было сдать в ходе инспекторской проверки. Потом — вручение формы и присяга. Участники наиболее трудных операций поощрялись специальными нашивками и отпечатанными типографским способом наградными листами. Спустя три года наиболее отличившимся присваивали звание ветеранов. Когда стали принимать не с 14, а с 12 лет, этот срок был увеличен до 5 лет.

Движение члена организации от кандидата к ветеранскому званию регламентировал устав. Кстати, сам устав мне не очень нравился. Там все было правильно изложено, но слишком сухо и казенно. Уставы таких организаций должны писать поэты и юмористы.

ПРОЩАЙ, «ГРИНАБЕЛЬ»!

С эволюцией «Гринабеля» все ясно. Сначала — уклон в туризм, потом ударились в военку. Осталось понять: сначала воздействовали на уличную среду, вовлекали «трудных», а что было потом?

Уже через два года контроль «Гринабеля» над уличной средой района достиг максимума. Это, естественно, не понравилось взрослым уголовникам. Посыпались угрозы по телефону, при встрече на улице, специально подкарауливали в подъездах. Чего только не обещали: поджечь, взорвать, вырезать.

Летом 1968 г. мы всей организацией выехали на турбазу в Баянаул. Неожиданно туда стала съезжаться павлодарская шпана. Человек 60, не меньше. Наша разведка — вездесущий молодняк — обнаружила спрятанный рядом с турбазой целый склад арматуры, обычно используемой в массовых драках. Мне стало не по себе. Что делать? Искать защиты у милиции? Ребята не поймут. Прервать сезон и вернуться в город? Не поедут.

Собрали совет. Ребята, самые уличные в прошлом, сказали мне:

— Нас все равно вдвое больше, и мы организованней. Ты только отвернись ненадолго, сделай вид, что чем-то занят, а мы за полчаса управимся. Не бойся: никого не убьем. И нас никого не убьют.

Заготовленную арматуру перепрятали. А на то, чтобы намять шпане бока и загнать ее в предгорье, хватило двадцати минут.

После этой драки мы готовились к любым неожиданностям. Проводили тревожные сборы. Но шпана словно забыла и номер нашего телефона и адрес. А ребята говорили, что безопаснее всего ходить теперь по вечерам в нашей форме.

Были в биографии «Гринабеля» другие критические ситуации?

Начались 70-е годы, идеологический маразм крепчал. Живую работу душил нарастающий формализм. Даже Мыльникова вынуждена была уйти со своей работы. С ее преемницей мы не нашли общего языка. Служба вовлечения осталась не у дел. Мы влили ее в спецназ и начали сотрудничать с уголовным розыском, участвовали в раскрытии довольно серьезных преступлений.

Обычно оперативники пользуются услугами своих информаторов и бдительных граждан. Это помогает либо предотвращать, либо по горячим следам раскрывать преступления. В нашем случае на спецназ (считай, на уголовный розыск) работали многие члены «Гринабеля». Ребята очень гордились, что им дают поручения.

Все шло прекрасно. Но постепенно с нашими пинкертонами, ребятами из спецназа, стало происходить что-то странное. Они переменялись. В них стала проглядывать жестокость. Тут уж мне самому пришлось провести дознание. Выяснилось, что они вместе с сыщиками вышибают из подозреваемых признания «слоником» и другими недозволёнными методами.

С уголовным розыском мы немедленно порвали. Но «сотрудничество» не прошло для ребят из спецназа бесследно. Они стали жестокими и циничными, и я ничего не мог с этим поделать. Я тогда не понимал, что нас затягивает тот же кризис, который постепенно охватывал всю страну.

Мы уже говорили, что многомиллионная масса подростков в СССР, не охваченная комсомолом, была предоставлена самой себе. Нетрудно было предположить, что это плохо кончится.

В уличную среду вливались освободившиеся уголовники. Стихийные уличные коллективы превращались в организованные шайки. Причем это происходило в регионах, удаленных друг от друга на тысячи километров и в разных вариантах. К примеру, Казань и другие города Поволжья начали терроризировать группировки, созданные по месту жительства, а в Алма-Ате криминальные сообщества формировались по месту учебы. Там в каждой школе была своя шайка. Милиция и органы власти не знали, что делать.

Не менее опасные процессы происходили в тех местах, где не было прямого воздействия уголовников. Шла тотальная порча уличной среды: мат как норма общения мальчиков и девочек, половая свобода в раннем подростковом возрасте, «дочки-матери» в 14 лет, вандализм в подъездах жилых домов.

Наконец, в ЦК ВЛКСМ осознали: надо что-то делать. А это «что-то» лежало на поверхности. Нужно было создавать подростковую организацию.

Меня вызвали в Москву, предложили участвовать в разработке модели. Наименование «Гринабель», естественно, не годилось. Требовалось громкое, патриотическое. Я предложил назвать «Молодой гвардией». В ЦК ВЛКСМ согласились.

Окончательное решение должно было принять Политбюро ЦК КПСС. Слово взял главный идеолог Михаил Сулов. Его краткое выступление звучало, как приговор: «У нас 70 лет были только комсомол и пионерия. Не надо придумывать что-то третье. Проживем без этой «Молодой гвардии». Брежнев согласился.

Многочисленная масса подростков не получила своей организации. Мы тоже остановились в развитии. Горкому комсомола «Гринабель» нужен был только на время слетов. Чтобы отчитаться за работу, которую он якобы проводит с подростками. 20 ребят из «Гринабеля» поехали на очередной слет, выступили, привезли дипломы и кубки и — до свидания.

Мы были уже не в состоянии принять всех желающих вступить в «Гринабель» и постоянно ограничивали прием. У нас было столько инструкторов, что мы не могли найти всем применение. Нам нужен был рост, а для этого требовалось наземное помещение с большой прилегающей территорией.

Я уже говорил, что неподалеку собирались закрыть старую школу с большим двором. Я собрал родителей, и мы вместе написали челобитную — письмо в горком партии.

Мы уже запланировали, что у нас будет: парашютная вышка, автодром и мотодром, тренировочная скала (для обучения скалолазанию), пруд (гребля, парусный спорт), стрельбище и тир, вольер для служебного собаководства, штурмовая полоса, туристический городок, плац, караульное помещение, клуб с дискотекой и своим театром. И — самое главное — производственный участок для обучения подростков всевозможным профессиям.

Итак, вы написали челобитную...

Из горкома партии ответили, что здание школы принадлежит горно и может быть выделено только при одном условии: если «Гринабель» перейдет в систему народного образования. Я понимал, чем это чревато, но — согласился. А на другой день заведующий горно сказал, что «Гринабель» будет...отделом Дома пионеров. Я понял — это конец.

Что было дальше с «Гринабелем»?

К штаб-квартире подошли автомашины. Рабочие начали грузить инвентарь, имущество. Большую его часть ребята заработали своим трудом. Парни стояли с застывшими лицами, девочки плакали. Наш склад был перевезен в школу, где комфортно расположился военно-спортивный отдел Дома пионеров. Возглавили его какие-то физруки, военруки, довольно странные типы. Вскоре одна часть имущества была потихоньку расхищена, а другая сгорела во время странного пожара.

Как ты смотришь на проблему подростка сегодня?

— Мы хотим реформировать страну. Не получится, если не будет реформирована система воспитания. Мы говорим о развитии местного самоуправления. На мой взгляд, настоящее самоуправление начнется там, где родители соберутся и решат создать у себя в районе или поселке детско-юношескую организацию.

От родителей действительно зависит многое. Но еще больше значит личность мэра (губернатора), к которому они придут со своим предложением.

На проблему подростка я смотрю просто, почти примитивно. Там, где найдется свой Литвиненко, найдутся и свои ребячьи комиссары.

Кем были ребячьи комиссары? Прежде всего, дилетанты в педагогике. Есть шутовское определение, кто такой дилетант. Это курьезный человек, который испытывает удовольствие, делая то, что не умеет. Вот это самое главное — испытывать удовольствие от этого дела, обладать особой энергией. Остальное приложится. Умение — это наживное. Не будем забывать, Макаренко был обыкновенным учителем и не имел никакого опыта работы с беспризорниками. То есть вначале тоже был дилетантом. А стал мастером, классиком.

Твое отношение к Скаутингу?

Многое считаю эталоном. А многое — непригодным. В основе Скаутинга — родители юного скаута, которые сами когда-то были скаутами.

Пионерская организация действовала в школе, ее существование зависело от государства. А скаутские патрули действуют по месту жительства ребят, и их жизнеспособность зависит в основном от финансирования со стороны родителей.

Пионеры собирались на свои сборы в школе. В США и других странах местом встреч скаутов служат арендуемые родителями помещения, жилые частные дома и даже сараи. Разве у наших отцов и матерей есть такие возможности?

На мой взгляд, Скаутинг довольно затратная система воспитания. Он больше пригоден для детей, чьи родители принадлежат к среднему классу. Если Скаутинг и приживется у нас, то только тогда, когда в нашей стране тоже сложится сильный средний класс, который будет жить в загородных жилых массивах.

Что мне нравится в скаутах. У них законы и инструкции на все случаи жизни. Они привыкли бережно относиться к природе, не считают смешным слово «честь» и лозунг «Делай доброе дело каждый день». Литературного героя Тимура они бы приняли к себе вместе с его командой.

Малоприменима и воспитательная основа Скаутинга — саморазвитие и самовоспитание. Нашему нынешнему уличному подростку требуется другое, более сложное воздействие.

Пионерия создавалась по кальке Скаутинга. Только скаутский лозунг «Будь готов!» (имелось в виду — к реальной жизни со всеми ее трудностями, неожиданностями и препятствиями) был переименован на «Будь готов!» (отдать жизнь за дело партии Ленина-Сталина).

Скауты спали в палатках под открытым небом, пионеры — в комфортабельных корпусах. Скаутов учили печь на костре хлеб, пионеры чаще разводили костры из красных лоскутков материи, раздуваемых с помощью вентилятора. Самое страшное в воспитании — эрзацы. Все должно быть настоящим.

Пионерия была слишком детской организацией, такой ее сделали. Но в песнях и маршах ей не было равных в мире.

Скаутинг действует с 1907 года, и с тех пор не претерпел сколько-нибудь радикальных изменений. Вырастают новые поколения детей, в чем-то совершенно не похожих на своих родителей, а метод живет, и никто не говорит, что он устарел. Лозунг «Скаутинг на все времена» живет и побеждает. Нам бы такую воспитательную систему, при которой основной движущей силой было бы не государство, а семья.

Детьми должно заниматься в первую очередь гражданское общество. Но перспектива его создания в обозримом будущем даже не просматривается. В стране экономический и духовный кризис, и преступность у нас организована лучше, чем воспитание детей. Одно поколение мы в ходе безумных реформ потеряли, забыв, что главная реформа все-таки нравственная. На очереди — потеря еще одного поколения.

Раньше говорили, что не может быть социалистического общества без общественного воспитания. Теперь ясно, что без общественного воспитания вообще не может быть никакого общества.

ТУПИК РАСКРЕПОЩЕНИЯ

Там, где действительно болеют за детей, до сих пор применяют пионерские методы работы. Как система воспитания понемногу расходуется по стране и Скаутинг. Но знаем мы о нем очень мало.

Полковник Роберт Баден Пауэлл придумал Скаутинг, когда ему было уже 50 лет. А начал распространять свой метод в 53 года. Очень поучительный пример. Оказывается, подростками могут с успехом заниматься и немолодые люди. Главное — не возраст, а заинтересованность, стремление принести пользу.

Этой работе все возрасты покорны, был бы дар, в основе которого лежат привычки и радости собственного непростого детства. Мальчик Роберт неважно учился в школе. На уроках математики, по словам биографов, «почти ничего не делал», а на уроках французского языка вообще спал. Спасаясь от плохих оценок, сбегал с занятий и прятался от учителей в зарослях возле школы. Там же ловил и жарил на костре диких кроликов. Такой образ жизни в те времена был очень экзотическим. Дети не ходили в походы, не занимались спортом, были далеки от природы.

К 50 годам Роберт Баден Пауэлл понял, как это можно исправить. Он вывез 20 детей на остров и поселил их в привычных для него, прошедшего жизнь в походных условиях, палатках. Заметьте, вначале у него было всего 20 ребят, ядро будущего движения, экспериментальная группа, на которой он опробовал свои первые методы.

Система Баден Пауэлла не такая яркая, как система Макаренко. Но опыт Макаренко так и остался нераспространенным, а движение Скаутинга охватило весь мир. Это само по себе поучительно. Дело, на мой взгляд, в том, что в основе Скаутинга всего две опоры: скаут-мастер и семья мальчика-скаута. Следование скаутским

законам, еще до вступления ребенка в скауты, воспитывается родителями, которые когда-то тоже были скаутами, и считают это время самым счастливым в своей жизни. Придуманый Баден Пауэллом девиз «Скаут однажды — скаут всегда» оказался очень живучим. Скаутинг не стареет.

Другое объяснение: скаутские патрули создаются по месту жительства. Наша пионерия вначале этому последовала, а потом отказалась. Для системы государственного воспитания удобнее было заниматься детьми в школах. Идеологическая зашоренность мешала понять простую истину: в школе преобладает слово, словесное воспитание, место жительства — более естественная сфера общения и объединения детей. Там легче найти детям дело и работу.

До тех пор, пока людьми владел идеологический фанатизм, слово имело большое воздействие. Но как только фанатизм пошел на убыль, а потом сменился показной поддержкой идеи, словесное воспитание стало лицемерным и разлагающим. Государственное воспитание, во многом построенное на мифах, постепенно превратилось в педагогическое преступление против целых поколений.

Макаренко разработал очень стройную методику воздействия коллектива на отдельную детскую личность. Ничего другого он придумать и не мог, поскольку понимал, в какой общественной системе работает. Это был, по сути, социальный заказ, и он его выполнил.

Но дело не только в системе, а еще и в психологии, сознании народа. Община с ее ценностями у нас всегда преобладала над ценностями отдельной личности. Поэтому Макаренко и его последователи утверждали, что интересы отдельной личности объективны только тогда, когда они совпадают с интересами коллектива, хотя на самом деле это не всегда так.

А Скаутинг сделал ставку на индивидуалистическое начало в ребенке, на его чувство независимости, всячески мобилизуя способность к саморазвитию и управлению собственной жизнью, к долгу ребенка перед самим собой и перед Богом. Духовность скаутов во многом держится на религиозном сознании, атеист не может быть скаутом в принципе. В нашей стране все эти особенности человеческой личности задвигались на второй план. Вперед выступал коллектив, чаще всего неразвитый (для его развития в каждом конкретном случае требовался незаурядный педагог), не способный правильно влиять на отдельную личность.

Придуманная Пауэлом терминология, на первый взгляд, кажется абсолютно непедagogичной. Какие-то «стаи», наименования диких животных. И только вникнув, понимаешь все тонкости

замысла. Полковник хорошо чувствовал природную психологию детей, потому и вел их от «стай» к коллективу. Мы же, пытаясь воспитывать в аморфном коллективе, отталкиваем детей и вынуждаем их сбиваться в самые настоящие уличные стаи или присоединяться к стаям. Только это не игровые стаи, как в Скаутинге, а очень конкретные.

Помнится, советская педагогика осуждала Скаутинг: требует якобы от детей беспрекословного повиновения старшим по званию и возрасту. А что в этом плохого? Как можно воспитывать, если тебе не подчиняются, тебя не почитают? Если не хотят воспитываться?

В советское время развитием детей занимались около 50 общественных организаций. (Для сравнения: а в настоящее время 300 региональных и 4500 муниципальных учреждений). А в США все подобные организации находятся под одной крышей — в системе Скаутинга. Чему там только не учат, начиная с начальной ступени (скаут-неженка) до высшей ступени (орлиный скаут). Одно только перечисление занятий заняло бы целую страницу. Учат даже водить самолеты и прыгать с парашютом. При такой отлаженной, постоянно модернизируемой системе отстать от времени невозможно.

Скаутинг формально не зависит от государственной власти, но всячески ею поддерживается. Президент США — почетный председатель организации бойскаутов, его супруга — почетный председатель организации герл-скаутов. Иными словами, зависит только от родителей детей, то есть от самого народа.

В Скаутинге делается ставка на беспрекословное подчинение бой-скаута своему скаут-мастеру. Казалось бы, это чистейшей воды вождизм и подавление юной личности. Именно так это и преподносилось в 20-х годах, когда привлекательность Скаутинга вытравлялась из сознания педагогов.

Действительно, здесь есть довольно серьезное противоречие и с исконными западными ценностями. Скаутский «вождизм» никак не сочетается с демократическими нормами общественной жизни. Почему же руководители Движения не замечали этого раньше и не замечают до сих пор?

Нормальное воспитание возможно только в том случае, если тебя слушают. Если ребенок разрешает педагогу его воспитывать. У нас это условие ставится в зависимость от способностей педагога вызвать к себе уважение. В Скаутинге — возведено в императив: подчиняйся беспрекословно, и все тут!

У нас даже способный педагог, прежде чем вызвать к себе уважение, должен, образно говоря, на ушах постоять. Помнится,

Макаренко пришлось даже ударить воспитанника. До какой степени отчаяния дошел даже он, талантливый педагог.

Какой же выход? А очень простой. В системе общественного воспитания подчинение воспитанника воспитателю должно быть возведено в ранг закона. Этого трудно добиться, но к этому нужно идти.

Поговорим о западной системе воспитания вообще. Что, на твой взгляд, не мешало бы нам перенять?

Там много чего интересного. В Англии, например, в отличие от России, нет какого-то особого уважения к образованным людям. Там умеют вести себя прилично все, независимо от своего общественного положения. Иметь диплом совсем не обязательно, но обязательно — не быть хамом.

Одна моя знакомая была приглашена на работу в США. В первый же день ее предупредили: не вздумай оставить сына дома одного! Мальчик учится в пятом классе — все равно нельзя. Пришлось нанять старшеклассника и платить ему 5 долларов в час. Там каждый ребенок под присмотром и под контролем. Этого требует закон.

Бесцельно болтающихся подростков там не видно. То ли боятся попасть на глаза полицейскому, то ли уезжают куда подальше на своих машинах. Можно поплатиться даже за курение. В 16 лет водить машину можно, а дымить сигаретой ближе 80 футов от любого здания нельзя.

В Вашингтоне для подростков установлен комендантский час — с 22 часов вечера до 6 утра.

На любой улице, стоит оглядеться, обязательно найдете глазами полицейского, который не пропускает мимо внимания ни одной, по нашим представлениям, мелочи. Однажды коп прицепился к студенту, заметив, что тот целуется с подозрительно молоденькой девушкой. Оказалось, ей нет 15 лет. Парня забрали в участок. В тот же вечер по местному телевидению о его поведении узнал весь городок, и его пребывание в университете оказалось под вопросом.

У нас редко в каком дворе есть спортивная площадка, а там баскетбольное кольцо на задворках каждого частного дома. В любом жилом квартале — стадион и теннисный корт. На 50-тысячный городок — шесть плавательных бассейнов!

Там настоящий культ спорта. Причем дети занимаются во всевозможных секциях не только в своем кругу, но и в обществе родителей. Повсюду семейные клубы, которые создают даже свои

летние лагеря. Чаще всего задействуются средства спонсоров. Была бы толковая идея, чем занять ребят, а спонсор находится почти автоматически. Готовность финансировать тот или иной проект объясняется просто — спонсор платит меньше налогов.

Всем известно, что в США самая высокая в мире производительность труда. Но американцы умеют не только работать. Они умеют также вовлекать в труд своих детей. Там настоящий культ труда. Трудятся, зарабатывая карманные деньги, все подростки, даже из очень обеспеченных семей. Бежать от работы считается неприличным и недостойным. Причем ценится (в смысле, хорошо оплачивается) любой, даже самый неквалифицированный труд.

И, наконец, культ закона. «Сдать» сверстника, если тот что-то совершил, — в порядке вещей. Для нас, привыкших осуждать любые формы стукачества, это дико. А для них дикость — наша склонность к круговой поруке. Для них превыше всего — чтобы всем было хорошо. Для нас же превыше всего — чтобы отдельный человек поступал так, как ему заблагорассудится, как ему выгодно и удобно. А всем хорошо, когда все соблюдают правила и законы. Поэтому нарушителей правил там, в Америке, немедленно «сдают», чтобы никому неповадно было.

Мать-американка купила для сына новогодний подарок и спрятала его в доме своей, живущей по соседству, матери. Сынок узнал, что ему приготовлен сюрприз, и не мог справиться с соблазном. Забрался к бабушке и украл свой подарок. Мать узнала об этом и, решив проучить сына, вызвала полицию. Даже американцы удивились ее поступку. А потом удивилась и сама мать, когда полиция завела на ее сына уголовное дело.

Однако самый курьезный случай был отмечен в Лос-Анджелесе, в детском саду. В сексуальных домогательствах был обвинен ... четырехлетний малыш, попытавшийся обнять четырехлетнюю девочку!

Мысленно ты наверняка сопоставляешь системы воспитания: нашу и западную.

Раньше у нас было целенаправленное государственное воспитание через книги, газеты, радио, телевидение, кино, другие виды искусства. Сегодня те, на ком лежит ответственность за подрастающее поколение, видимо, считают, что в государственном воспитании уже нет надобности. Дашь полную свободу и полное раскрепощение!

Видимо, подействовало внушение западных «учителей демократии»: мол, воспитание молодежи государством присуще толь-

ко тоталитарному обществу, а в демократическом государстве молодежь должна заниматься только гражданское общество.

Инструментом воздействия на отдельного человека прежде был коллектив: взрослый или детский. Воздействие чаще всего носило характер исправления каких-то заблуждений или ошибок, то есть осуществлялась больше коррекция, чем воспитание в полном смысле слова. Тоже, между прочим, немало: каждый знал какие-то рамки.

Сегодня в ходу ложное представление, что современным детям и подросткам коллективизм органически чужд. Этим оправданием, на мой взгляд, просто пытаются прикрыть нежелание работать с детьми.

Но нельзя не согласиться: до отдельной личности сегодня действительно никому нет дела. А наш индивидуум по природе своей коллективист. Когда он замыкается в своем внутреннем пространстве, в нем начинает зреть негатив.

«Вся наша система воспитания, — говорил Макаренко, — это реализация лозунга о внимании к человеку. О внимании не только к его интересам, его нуждам, **но и к его долгу**».

В этом ключ к пониманию того, от чего мы ушли и к чему пришли. Сегодня понятие морального долга перед страной для многих пустой звук. Что же говорить о долге человека перед самим собой: кем ему быть? каким ему быть?

Законы воспитания вытекают из законов общественной жизни и психологии нации. Раньше создавалась новая общность под названием «советский народ». Сегодня мы не создаем взамен никакой другой общности. Все отдано «на волю волн», во власть инерции и стихийности. А всякий неуправляемый, стихийный процесс — опасная вещь.

«Государство, — писал философ Иван Ильин, — есть организованное единение духовно солидарных людей, понимающих мыслью свою духовную солидарность, приемлющих ее патриотической любовью и поддерживающих ее самоотверженной волей». Ни одно слово в этой чеканной формуле не соответствует сегодня реалиям нашей жизни.

Отказавшись от социализма, мы до сих пор не определились, в каком обществе живем и какое собираемся построить? Как же в таких условиях можно воздействовать на подрастающее поколение? По каким нравственным законам?

«Воспитывая детей, нынешние родители воспитывают будущую историю нашей страны», — писал Макаренко. Но, похоже, что сегодня не только родителям, а даже государству нет дела до своей истории, ибо государство не только не хочет заниматься

воспитанием нового поколения, но даже не мешает это поколение уродовать.

Что формирует сегодня несовершеннолетнего преступника?

Опрос 42 процентов молодых людей, осужденных за корыстные преступления, показал, что их толкнула недостаточная материальная обеспеченность, 58 процентов заявили, что в момент совершения преступления испытывали моральное удовлетворение, 71 процент пошел на преступление под воздействием алкоголя или наркотиков, 82 процента заявили, что рост преступности будет наблюдаться и в будущем, если ничего не изменится в жизни страны.

Подростки видят, что жизнью часто управляет не совесть, а бессовестность, не закон, а так называемый беспредел. Какой же смысл, считают они, жить иначе?

Есть и другие факторы, способствующие погружению подростков в преступную жизнь. Например, пустившая свои ростки еще в советское время уголовная субкультура.

Язык общения сегодня нередко — мат и уголовный жаргон. Есть ли смысл приводить примеры? Всем известно, что «феней» у нас не брезгуют даже политики, и не в быту или в узком кругу, а общаясь с народом. Вовсю «ботает» и «самое великое из искусств» — кино.

Раньше преступники были изгоями общества, отверженными. Поэтому изобрели свой язык, чтобы отгородиться, обособиться. Сегодня зона и общество говорят на одном языке, а подрастающее поколение учится ему чуть ли не с детского сада. Если общество и зона говорят на одном языке, значит, они — одно органическое целое.

Раньше преступники общались на «малинах»: пили спиртное, употребляли наркотики, баловались с «мурками». Сегодня нормальные подростки, занимаются на тусовках тем же: пьют, употребляют наркотики, «получают любовь», индивидуально или «в очередь». Тусовки мало чем отличаются от существовавших раньше «малин».

Многие наши профтехучилища напоминают колонии для несовершеннолетних. Та же стратификация: учащиеся делятся на «стариков», «пацанов», «быков», «младшаков». Процветает рэкет, насилие и жестокая дедовщина.

По данным санкт-петербургских социологов, каждый третий завсегдатай тусовки живет без отца, каждый десятый — без мате-

ри. Каждый третий состоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Лишь 40 процентов утверждали, что никогда не совершали правонарушений.

Даже дети обеспеченных родителей живут сегодня в «моральной нищете». Для них теряют свою привлекательность такие вечные ценности, как образование, культура, крепкая семья. Стало модным и даже престижным состоять в криминальном сообществе.

В стране нет единого банка данных, которые позволяли бы судить о динамике криминализации российской молодежи, но некоторые цифры, которым можно верить, я приведу.

Ежегодно несовершеннолетними или при их участии совершается около 300 тысяч преступлений. Первая реакция на эту цифру — недоумение. Если так, то ныне существующих колоний должно катастрофически не хватать. Но ларчик открывается просто. Оказывается, в число 300 тысяч входят дети, не достигшие возраста уголовной ответственности. Статистику открывают дети 7–9 лет.

Загадка: откуда такие берутся? Отгадку озвучил министр внутренних дел Р.Нургалиев: «Даже по самым приблизительным подсчетам, в нашей стране более 700 тысяч детей-сирот, 2 миллионов подростков неграмотны, более 6 миллионов несовершеннолетних находятся в социально неблагоприятных условиях, 4 миллионов подростков употребляют наркотики, из них наркозависимы около 1 миллиона».

Эту статистику лучше осмысливать на фоне главной цифры. Из общего населения в 144 миллиона дети и молодежь составляют у нас 29 миллионов.

Если криминализация детей и молодежи будет продолжаться теми же темпами, какими могут быть последствия?

Ответ можно найти, посмотревшись к тому, что происходит на Западе. Там криминальная активность несовершеннолетних тоже нарастает. В европейских странах число совершенных подростками преступлений выросло за последние 15 лет с 40 процентов до 70 процентов. Не лучше положение и в США. Причем, это мало связано с материальным положением. В числе причин на первое место вышла престижность криминального поведения.

В моду входит огнестрельное оружие. До начала 80-х годов подростки в своих разборках чаще всего пускали в ход ножи. С тех пор число совершенных ими убийств с помощью пистолетов и ружей утроилось, а число смертей в уличных войнах между

соперничающими шайками выросло в 4 раза. Западные криминологи делают вывод: «каждое новое поколение подростков с криминальными наклонностями втрое опаснее предшествовавшего поколения».

С чего вдруг пошла мода на огнестрельное оружие? Оказывается, это напрямую связано с наступлением наркобизнеса. Торговцы крэком вербуют в дилеры подростков и снабжают их пистолетами. Но оружие чаще стреляет не в полицейских (за это можно получить смертный приговор), а в того, кто оскорбил его владельца или не так на него посмотрел.

Захватит ли наших подростков такая тенденция? Это во многом будет зависеть от эффективности борьбы с наркобизнесом. Судя по цифрам, названным министром МВД Р.Нургалиевым, перспектива тревожная.

В США пытаются сдерживать рост подростковой криминогенности, усиливая наказания за преступления и снижая возраст уголовной ответственности. У нас же на этот счет нет четкой политики, а потому нет и четких действий. В результате криминализация детей и молодежи принимает почти глобальный характер. Как отметил замминистра МВД Н.Овчинников, особенно быстро растет уличная преступность.

Есть два взгляда на телевидение и кинематограф. Одни считают, что они растлевают детей и молодежь. Другие говорят, что те, кто ведет преступный образ жизни, почти не смотрят телевизор. Что на это скажешь?

90 процентов французов и примерно такое же число итальянцев и немцев считают, что программы голубого экрана, перенасыщенные сценами порока и насилия, подростки смотрят от трех до четырех часов в день. Но кто чаще всего приучает к этому «наркотику»? Сами родители, причем, чуть ли не с пеленок, чтобы ребенок не мешал. Чтобы не надо было думать, чем бы его занять, о чем с ним говорить. Это опять-таки проблема не самого подростка, а нашего отношения к нему.

При этом взрослые делятся на две категории. Одни не понимают, что ребенок воспринимает разыгрываемые на экране сцены как реальность. Другие все понимают, но, тем не менее, не стараются переключить его на другое занятие.

Когда-то я специально уводил ребят за город в выходные дни, на которые приходится пик активности уличной жизни — подальше от соблазнов. Примерно так и сегодня надо отвлекать ребят от телевизора. В этом отношении подростковые организации были

бы очень кстати. После интересных, серьезных или рискованных дел самые «крутые» сцены на голубом экране казались бы ребятам зеленой скукой.

Дразнящий порок подстерегает сегодня ребенка практически повсюду. Даже в школьных буфетах продаются жевательные резинки, где на обертках изображены обнаженные человеческие тела. А откровенные сцены можно увидеть даже в высокохудожественных фильмах.

Раньше считалось, что кино должно возвышать человеческую душу. Фильмы создались в расчете на умного и культурного зрителя. А сегодня даже хорошие режиссеры стремятся угодить всем зрителям, максимально расширяя аудиторию, только бы получить высокий рейтинг, и значит и огромные гонорары.

Творческое преступление стало нормой. Призывы к художественной цензуре и предложения переносить показ сомнительных фильмов на позднее время встречаются в штучки. Деньги в сегодняшнем кинематографе — превыше всего. Выше морали и государственного интереса, заключающегося в том, чтобы молодежь росла нравственно здоровой.

Удивляет власть, считающая себя не обязанной вмешиваться в этот разрушительный процесс, поскольку это противоречило бы свободе творчества. Иными словами, власть не мешает кинобизнесу уродовать второе поколение подряд.

По результатам социологических опросов, после демонстрации сериала «Бригада» по всей стране начали возникать уличные группы, называвшие себя «бригадами», и уличные главарь под кличкой «Белый».

Эта игра охватила даже ребятшек в детских садах. Создатели фильма и исполнитель главной роли, конечно же, не соглашались, что «сработали за дьявола». И это понятно: признаться — все равно, что выступить с покаянием.

Пока немногие подростковые уличные шайки вооружаются огнестрельным оружием. Но как только надумают, к их услугам хороший фильм «Брат», где подробно показан процесс изготовления самодельного пистолета.

В Херсоне подростковая группировка украдала с целью выкупа 14-летнего мальчика. Технология похищения была скопирована из кинофильма.

Подчеркнем главное: насмотревшись подобных фильмов, подросток не идет на преступления один. Он обменивается впечатлениями со сверстниками и находит единомышленников.

Подобное тянется к подобному, в результате возникают тысячи новых криминальных уличных групп.

В годы Великой депрессии Голливуд ставил фильмы, которые внушали людям надежду на лучшее будущее. Наш кинематограф, пытаясь превзойти американского собрата, возбуждает в людях низменные инстинкты.

Обнадеживает только, что многие подростки уже устали от современного кино поделок, и все больше предпочитают смотреть шедевры советского времени.

«Лучший способ сделать детей хорошими — сделать их счастливыми», - настойчиво внушает телеведущая. И многие телезрители принимают этот призыв за чистую монету, не задумываясь, что должно быть наоборот. Чтобы дети были счастливыми, нужно воспитать их хорошими. К тому же стремление к счастью мешает счастью — это давно доказано психологами.

Не так давно в Ульяновске подростковые банды буквально терроризировали город. Люди боялись по вечерам выйти из дома. В массовых драках гибли подростки. Никто не знал, что делать. Жители писали министру внутренних дел и даже президенту. Периодически такие ситуации возникают у нас в отдельных городах. С чем, на твой взгляд, это связано? Как с этим бороться? А главное, как это предотвращать?

Разогнать и разобщить подростков, живущих в одном районе города, практически невозможно. Запретить собираться в облюбованных местах — найдут другие «точки». Помнится, в Казани, где в 80-х годов наблюдался такой же разгул уличных шаяк, улицы патрулировали курсанты милицейских и военных училищ. Шайки прятались, а власти думали, что добились своего, взяли ситуацию под контроль. Но как только патрули уходили с улиц, жестокие драки вспыхивали с новой силой.

Похожее происходило и в Ульяновске. Вот выдержка из одного репортажа: «На пустыре, сошлись кузинские с «Центр-Камазом». С обеих сторон в центре выступали «старшаки», по флангам — 15-16-летние пехотинцы, за ними — 13-летние солдаты, или просто «мясо». Безбашенные, они шли друг на друга с пистолетами, заточками, арматурой и спицами. В массовой драке участвовало больше 100 человек. Когда свидетели вызвали милицию и уцелевшие бойцы расползались по кустам, в пыли остались корчиться два десятка раненых. Двое молодых людей погибли, еще один скончался в больнице. Полтора месяца врачи собирали изувеченных подростков по частям».

Однажды на лекции в институте социальной педагогики показали на большом экране сердце ребенка, которому никакой опасности не грозило. Его всего лишь распекал педагог. Но сердце колотилось судорожными толчками.

Что же испытывают подростки, когда сходятся в такой драке? Когда на них идут с пистолетами, ножами, заточенными спицами, арматурой? Когда они сами сжимают в руках эти орудия убийства? 15–16-летние и тем более 13-летние! Можно представить, как бьются их сердца! Но они все равно идут, не бегут с поля боя. Идут фактически на смерть.

Не думаю, что даже самые закаленные из них испытывают в этих драках упоение или страшную ненависть к противнику. Идут, потому что их посылают. И потому что боятся прослыть трусами.

Таких — большинство, и это большинство не безнадежно, с ним можно работать, их можно изменить.

Не хочу идеализировать этих ребят, но каждый из них — Матросов. А их шайки, при всех безобразиях, которые они творят, это боевые братства. И сколько бы им не читали нотаций, будто они бандиты, они все равно будут считать себя героями. Когда они хоронят своих павших товарищей, они видят в гробах самих себя. Они тоже могли бы там лежать со скрещенными на груди руками.

Для подростков это страшно — сознавать, что они все время ходят по краешку жизни. Но — похоронили павших товарищей и снова — в бой. Разве это не героические характеры?

«Мы — герои» — таково их субъективное представление о себе. Но это также и объективное отражение того факта, что вся преступность — результат комплекса превосходства. Пусть в чем-то ложного, пусть отталкивающего, но превосходства. И если мы действительно хотим побороть подростковую преступность, нам нужно научиться давать этому комплексу позитивную направленность.

Уличный подросток эпизодически находится в состоянии эмоциональной возбужденности, на грани аффекта. Он ненавидит учителей (слишком строги), родителей (не дают полной свободы), а срывает зло на сверстниках из соперничающей шайки. Шайки не могут выступать против учителей, родителей или тем более против власти. Им проще отыграться, сорвать зло на своих врагах из соседней группировки.

Есть и другая психологическая норма: когда здоровые детско-подростковые коллективы слабы или их вообще нет, криминальные группировки вырастают с такой же закономерностью, с какой, если не сажать культурные растения, растет чертополох.

Руководитель Совета по правам человека при Президенте РФ Элла Панфилова так комментировала ульяновский феномен: «Это ответная реакция на ту агрессивную среду, которую создали мы, взрослые. Значит, мы несем за это ответственность».

Почему казанский и ульяновский феномены длились годами? Почему ни милиция, ни родители, ни педагоги не могли изменить ребят?

Могу высказать несколько предположений.

Каждая группировка, связанная через ее главарей с взрослым криминалитетом, представляет собой организованное преступное сообщество.

Группировка имеет свою «финансовую базу» — для каждого и для всех. Подростки, например, вынуждают владельцев машин, паркующихся возле своих домов, платить якобы за охрану. Требуют со школ плату за «крышевание»: за то, чтобы они же не создавали педагогам неприятности, например, не били окна.

Связь с «зоной». Группировка «греет» (поддерживает материально) получивших срок и принимает в свои ряды освободившихся после отбытия наказания.

Все преследования со стороны взрослых — ничто по сравнению с мстью группировки, не прощающей отступничества и предательства ни в каком виде.

Жить в городе и быть независимым от той или иной группировки невозможно.

Перечисленные причины подсказывают способы противодействия. Не должно быть ни связи с криминалитетом, ни финансовой базы, ни связи с зоной. И это по силам местной власти и местному обществу. Криминал по определению не может быть сильнее. Если все же сильнее, то местная власть — недостаточно сильная власть, а местное общество — никакое не общество.

Казанский и ульяновский феномены — это предельно опасные ситуации или бывает похуже?

Об ульяновском феномене следует говорить как о стадии, судя по всему конечной. А в качестве другого варианта можно рассмотреть Таразский феномен. Есть такой город в бывшей советской республике Казахстане. Раньше он назывался Джамбул, а теперь Тараз.

Там криминальные группировки действуют не столько по месту жительства, сколько по месту учебы: в школах, профтеху-

чилищах, даже в вузах. В каждом учебном заведении свой «смотрящий» (совсем как в колониях), которого назначает «рулевой», то есть «смотрящий» над районом.

Этот вариант в чем-то даже страшнее. В Ульяновске группировки действуют в уличной среде. В Таразе — в стенах государственных учебных заведений. Чтобы войти в школу, подросток должен за это заплатить. Все мальчишки-ученики платят в «общак» ежемесячные взносы. Кто не заплатит, того «чморят» — унижают, избивают. Одни дети боятся пожаловаться родителям и платят взносы из тех денег, которые получают дома на школьные завтраки. А если родители дают с собой только бутерброды, дети начинают воровать.

Подрастая, они пытаются освободиться от этого гнета. Некоторые решаются на протест только после окончания школы, после поступления в вуз. Но рэкет группировки продолжается и там. Только кара бывает страшнее. Убийства молодых людей в Таразе стали почти рядовым явлением, а убийцы чаще всего остаются безнаказанными.

В Таразе есть то, что не прослеживается в Ульяновске: связь группировок с работниками правоохранительных органов. Связь, на мой взгляд, совершенно естественная и даже закономерная. Подрастая, отдельные группировщики идут на работу в милицию. В случае необходимости они просто не могут не выручать «своих ребят».

Связь подростковых банд с милиционерами заслуживает того, чтобы сказать о ней отдельно.

Недавно промелькнуло сообщение: полицейский в США оштрафовал сам себя за пустяковое нарушение правил дорожного движения. Возможно, невероятно честный человек. Или побоялся, что его нарушение кто-то снял на мобильный телефон. А теперь задумаемся: возможен ли подобный случай у нас?

Милицию боятся и не любят даже самые законопослушные подростки. Что же говорить о правонарушителях? Милиционер в их правосознании — не борец с преступниками, а собиратель дани и истязатель задержанных.

Можно ли это отношение назвать субъективным? Поищем ответа в объективной статистике. В 2002 году выявлено более 17 тысяч милицейских преступлений. Однако к уголовной ответственности привлечено только 3288 милиционеров. Заслуженное наказание понес максимум каждый пятый. Вот как наша милиция выручает «своих ребят»!

В 2005 году милиционеры совершили уже 45 тысяч преступлений, почти в три раза больше. Точнее, на 46,8 процентов больше, чем в 2004 году. Таким образом, динамика роста милицейской преступности около 100 процентов в год!

По количеству взяточников в милицейской среде лидирует служба общественного порядка. Именно туда и стремятся попасть бывшие группировщики. Отчасти по малообразованности и никчемности (не знают, где еще найти себе применение), иногда — по заданию «своих ребят». Зарплата рядового милиционера невелика. Но «свои ребята» не дадут пропасть, доплатят.

Нельзя недооценивать и роль сотрудников уголовного розыска в сокрытии преступлений подростковых банд. Старший опер, капитан с выслугой 10 лет получает тоже очень не большие деньги. Ему тоже трудно отказаться от просьбы «ребят», даже если они и не «свои». В газете промелькнуло сообщение: в Новосибирске вымогательством и другими преступлениями занималась треть сотрудников уголовного розыска!

Подростковая преступность и ее рост во многом зависит от морального состояния нашей правоохранительной системы.

Группировщиков, по разным надуманным причинам освобожденных от ответственности за совершенные преступления, улица встречает, как героев. Но с еще большей помпой встречает освободившихся из колоний.

В начале 90-х наша исправительная система часто об-суждалась. Сколько критических копий сломано! А потом эта тема заглохла. За последние 15 лет общество изменилось до неузнаваемости, а колонии?

Раньше считалось, что репрессивные функции уголовно-исполнительной системы не удастся преобразовать в исправительные функции до тех пор, пока колонии находятся в системе МВД. Что изменилось после перевода в Минюст? По большому счету, ничего.

Осталась в прежнем виде система поддержания внутреннего порядка в колониях. В центре внимания — лишь внешняя сторона поведения воспитанников. А что в глубинах сознания, в душе, меняются ли они к лучшему или к худшему — это никому не интересно.

Если и прижилось у нас перевоспитание по Макаренко через коллектив и с помощью актива, то именно в колониях. Но прижилось потому, что приняло вульгарные формы. Воспитатели, чтобы меньше напрягаться, «делегируют» власть хитрому, двуличному, жестокому активу.

Макаренко утверждал, что до отдельной личности ему нет дела. Он, мол, работает с коллективом и активом, которые и должны разбираться с каждой отдельной личностью, вправлять ей мозги. В этом утверждении была известная условность и вполне допустимое педагогическое лукавство. Макаренко зорко следил, чтобы в этой системе воздействия не было ни грана унижения и насилия. В колониях за первую часть метода ухватились, а вторую цинично отмели.

За последние 15 лет мы даже не приблизились к ювенальной юстиции, которая требует тонкого рассмотрения вины подростка и такого наказания, которое бы не было в глазах подростка чрезмерно жестоким.

Психологи давно установили разумные пределы наказания для несовершеннолетних. За нетяжкие преступления — не более года, за тяжкие — не более трех лет. Но эти сроки разумны только при условии, что вся работа тюремной системы нацелена на исправление, на подведение к раскаянию.

Положительная функция наших колоний состоит лишь в том, что они изолируют подростка, не дают ему возможности совершать преступления, вырабатывают страх перед неволей. Но кто в результате выходит из колоний?

Уличные группировки иногда называют «ядерными реакторами». Мол, ничего с ними не сделаешь, пока все «топливо» само по себе не выгорит. Образ интересный, но по смыслу не очень правильный. «Топливо» постоянно подбрасывают колонии: «продукция» поставлена на поток.

Одним из криминогенных явлений в подростковой среде стали скинхеды. Их преступления чаще всего носят не корыстный, а человеконенавистнический характер. Совершенно особая специфика. Эффективных приемов работы со скинхедами практически нет. Что думаешь по этому поводу?

Согласен, это особый разговор. Движение скинсов — это аллергическая реакция на скопление лиц других национальностей, когда они порой забываются и ведут себя в чужом доме по своему уставу. Своим полулегальным существованием скинсы похожи на небольшие тайные общества. Контролировать их еще труднее, чем уличные шайки, а зла они причиняют ничуть не меньше.

Преступления уличных шаяк не имеют политической подоплеки. Скинсы же формируют представление о России, как стране, где доморощенных фашистов почти столько, сколько во всех остальном мире.

Иногда скинхеды никак себя не проявляют месяцами. Но это не значит, что их ряды поредели, или они одумались. Статистика показывает, что их численность с каждым годом увеличивается. Резко меняется и география распространения. Раньше «движения» возникали только в крупных городах. Сегодня, по данным исследователей, общество скинов можно обнаружить в любом малом городе, где есть профтехучилище.

Это очень тревожный симптом. Почему скинхеды облюбовали малые города и профтехучилища? В малых городах живут люди, больше других пострадавшие от перехода общества в другую формацию, недовольные своей жизнью и передавшие свое недовольство детям.

Есть просто умственно отсталые и психически неполноценные дети, которые не хотят или не могут учиться в школе. А работать еще рано. Где есть профтехучилище, их место там. Но и там им не интересно. И там они не тянут.

Если внимательно присмотреться, за каждой группой скинов стоит взрослый. Он для них «вождь и учитель». Они нужны ему для удовлетворения его амбиций, а он им — для заполнения пустой, неприкаянной жизни. Он говорит им приятные слова. («Вы настоящие патриоты, лучшие в нашем городе»). И не очень умные ребята верят, и начинают надувать щеки. Чем подросток проще и примитивней, тем легче ему внушить, что он — избранный.

Где комплекс превосходства, там ищи и комплекс неполноценности.

Нигде у нас нет такой развитой системы досуга, как в малых городах. Кружков и секций в обычных и спортивных школах, в домах культуры — хоть отбавляй. Но определенной категории подростков ничто не интересно. Другое дело — вступить в ряды скинхедов. Там не соскучишься.

Мы должны знать, с кем имеем дело в лице скинов. Вот их излюбленные «афоризмы»: «Убить — это весело», «Ночь смеется, когда я убиваю», «Я приговорил человечество», «Убей мента, возьми пушку», «Выкалывай глаза детям мусоров», «Добро должно быть повержено».

По данным Московского бюро по правам человека, в 2005 г. таких ребят (от 13 до 19 лет и старше) у нас в стране было около 50 тысяч. Для сравнения: в остальном мире — 70 тысяч. В Москве их около 6 тысяч, в Санкт-Петербурге — свыше 3 тысяч и еще 500 человек в организации «Русский кулак», в Нижнем Новгороде — свыше 2,5 тысяч.

Я выделил профтехучилища. Но скинов много в педагогических и даже юридических вузах. Но этих примитивными не

назовешь. Эти скины заставляют задумываться, что существует особое психическое отклонение — патологическая неприязнь к людям другой национальности.

Почему скинами никто не занимается? А если кто-то занимается, почему их число растет? Люди считают, что за скинами стоит, как минимум, милиция. Как максимум, другое силовое ведомство.

Не знаю, как милиция, а судебные присяжные скинам точно сочувствуют. Почти все их преступления квалифицируются, как совершенные исключительно из хулиганских побуждений. Мотив межнациональной неприязни отбрасывается априори. Мол, этого не было, потому что этого не может быть.

Ничто так не способствует росту рядов скинхедов, как такие судебные решения. Злостные хулиганы и убийцы отделяются незначительными сроками или освобождаются из-под стражи прямо в зале суда. Сторонники и сочувствующие встречают их с ликованием.

Сверстники бритоголовых посматривают на них, как на ряженых, но с опаской, а на малолюдной улице — даже со страхом. В то же время опросы Фонда «Общественное мнение» показывают, что 35 процентов молодых людей в возрасте 18–35 лет, совсем как скины, испытывают неприязнь к людям другой национальности. А 51 процент одобрили бы решение о выселении за пределы своего города представителей тех или иных национальных групп.

Как видим, теоретически у скинов есть «база роста». При определенных изменениях в сознании молодежи, их численность может резко возрасти.

Исследователи скинхедов указывают на любопытную закономерность. Их объединения редко регистрируются как официальные молодежные организации. Они не добывают средства своим трудом, в то же время деньги на аренду помещений, поездки, экипировку и специальную литературу у них есть. В больших городах есть даже магазины, где каждый неопит «движения» может купить себе все, что пожелает, даже «Майн кампф».

Способна ли подростковая организация позитивной направленности вбирать в себя объединения скинхедов? Поддаются ли, на твой взгляд, такие ребята перевоспитанию в принципе?

Давайте сначала ответим на другой вопрос. На какой почве возникло «движение» скинхедов? Наши первые «фашики» (так они тогда себя называли) появились еще в 80-х годах. Их почему-то не пугал даже всемогущий КГБ.

Примерно ту же картину мы наблюдаем сегодня. Даже некоторые причины для недовольства остались прежними. Власть, по мнению скинхедов, недостаточно любит свой народ и дает слишком много воли приезжим с Кавказа и из Средней Азии, а также мигрантам. «Как вы можете поклоняться Гитлеру? — спрашивают скинов. — Ведь он хотел поработить ваших дедов и прадедов. — В ответ слышится: «Дело не в войне, а в том, что свои должны быть выше чужих».

Все больше «бритоголовых» появляется сегодня в семьях, где занимаются малым и средним бизнесом, особенно в сфере торговли и обслуживания. Как раз там, где их оттесняют приезжие. Неприязнь к «чужим» идет, конечно, от родителей. Дети не могут не чувствовать себя наследниками, и оборотистые конкуренты со стороны им не нужны.

Почему такого явления нет ни в одной республике бывшего СССР? Даже там, где люди живут еще беднее? Потому что туда не едут со своим уставом столько незваных гостей, сколько их едет в Россию. Скинхеды поднимают голову там, где приезжих становится слишком много, когда нарушается определенный баланс между коренными жителями и пришлыми.

«Мы хотим позаботиться о своей стране», — заявляют скинхеды. Этот идеологический козырь может побить только само государство, сократив пропасть между самими богатыми и самыми бедными.

Приняв обряд посвящения, выпив при этом стакан водки, неофит должен доказать, что он «способен позаботиться о своей стране», что теперь у него есть настоящее дело — «святая война». И он идет на кладбище крушить могилы иноверцев или даже соотечественников, или берет в руки нож, чтобы «замочить чурку». Если «чурка» не встретится, может пострадать первый попавший под горячую руку славянин с темными волосами. Неофит зомбирован: ему внушено, что он должен либо погибнуть, либо закончить жизнь за решеткой. После стакана водки он, по сути, невменяем.

Таких ребят нужно, прежде всего, спасать от тех, кто их зомбирует. Применять статью УК, предусматривающую уголовную ответственность за преступную деятельность. Но наша правоохранительная система и здесь ведет себя по меньшей мере странно. То ли не хочет, то ли не может установить и призвать к ответу кукловодов «движения».

В конце 80-х много шума наделал фильм «Легко ли быть молодым». А известный ансамбль «Машина времени», помнит-

ся, внушал молодежной аудитории: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, Пусть лучше он прогнется под нас».

А каково молодым сегодня?

В начале 90-х по телевидению крутили рекламный ролик: задорный представитель поколения пепси торжественно обещал вступающим в капитализм мальчишам: «Я стану миллионером». У детей целенаправленно вызывали жажду больших денег и очень в этом преуспели: по опросам, 78 процентов молодых страстно хотели разбогатеть.

Но что-то не заладилась новая российская мечта. Относительно высокий уровень жизни наблюдается сегодня только у 5–8 процентов представителей молодого поколения. Среднемесячный доход более половины юношей и девушек (особенно тех, кто работает в сфере науки, образования, здравоохранения, культуры и искусства) ниже прожиточного минимума. Две трети живут в семьях, находящихся за чертой бедности, а еще 10 процентов — вообще на грани нищеты.

Иллюзии остались позади. Молодежь теперь знает, что везде нужно «давать на лапу», что законы написаны в пользу богатых, что справедливости в судах не добьешься, а чиновники воруют и продают все, что есть вокруг. Чиновники — это власть, а власть для народа — как родители для детей. И вот представьте, вы каждый день убеждаетесь, что ваши родители лицемерны, циничны и вороваты. Как вы будете себя чувствовать?

А теперь представьте: вам пятнадцать лет. Утром вы смотрите фильм про гражданскую войну, где красные — герои, белые — изверги. А вечером другой фильм, где все наоборот: красные — изверги, белые — пламенные патриоты. А на другой день та же неразбериха про Великую Отечественную войну. То лучше не было ребят, кроме как в штрафбате, то власовцы не такие уж предатели.

В юности положено иметь идеалы. Возраст такой: восторженный, требующий героев, примеров для подражания. По определению Платона, возраст «духовного опьянения», экзальтации. Но попробуй определиться с идеалами, когда сами взрослые шарахаются из стороны в сторону. Не проще ли вообще их не иметь? Так по жизни и получается: 80 процентов молодых людей не имеют сегодня четких политических симпатий. И, похоже, духовному опьянению уже не подвержены.

Молодые 90-х относились к старшему поколению с осуждением: сами зашли в дебри и нас завели. И это было ужасно: старики не должны так разочаровывать молодых, не имеют на это право. История этого не прощает.

Положение людей старшего поколения трагично: считается, что их жизнь прошла впустую. Лично я так не считаю. Правильно сказал один известный артист: «Мы жили в плохой стране, но выросли хорошими людьми».

Сегодня общество напоминает отца, который не знает, что делать с сыновьями. Доброго слова не понимают, а пороть уже поздно. Молодой курит рядом с урной и бросает окурки на тротуар. Бросать в урну для него — стыдно. У него как бы нет своего дома, своего двора. У него есть только его квартира, там он, наверное, окурки не бросает на пол. Я это понимаю, но все же делаю замечание. Считаю, что имею на это право, я ему в отцы гожусь. А он за это готов меня убить. Считает, что я его прогибаю.

Патриотизм — это не только любовь к родине, но и к «отеческим гробам». Уважение не только к ушедшим предкам, но и к живущим отцам. Если молодежь не уважает старших, о каком патриотизме можно вести речь?

Государство и общество воспитывают всегда. Даже если не занимаются воспитанием. Государство «воспитывает» своим отношением, скажем, к тем же учителям. Опустили ниже плинтуса, и показали тем самым, что и другим дозволено опускаться. 15 лет назад ученики стали бить учителей. Сегодня режут и убивают. Родители сегодня требуют от учителей: не воспитывайте нашего ребенка, не делайте ему замечаний, терпите, молчите, не выполняйте своей роли, унижайтесь, прогибайтесь!

Но утверждать, что государство вообще ничего не делает для молодежи, тоже нельзя.

Повторю эти цифры: с молодежью сегодня работает более 300 учреждений (в официальных документах не указывается, какие именно) регионального значения и более 4500 муниципальных учреждений (опять-таки не понятно, какие). В общей сложности занято около 100 тысяч специалистов. В среднем более 1000 в каждом регионе. Специальность «Организация работы с молодежью» преподается в 60 вузах.

В стране зарегистрировано, по одним данным 2000 клубов (по другим — 1300) и 1000 различных объединений. Из них действуют не более трети, охватывая всего 2–3 процента детей и молодых людей в возрасте 14–29 лет. Это не удивительно, если принять во внимание уровень финансирования. В Новосибирской области, например, на молодежную политику в 2005 году выделялось 1 процент от бюджета, а в Республике Дагестан еще меньше — 0,5 процента.

Разумеется, такие «затраты» могут говорить, как о невнимании руководителей регионов к нуждам детей и молодежи, так и об ограниченных финансовых возможностях. К примеру, идет процесс восстановления клубной работы по месту жительства. При этом действовавшие раньше нормативы отчислений от квартплаты фактически не применяются. На что же существовать клубам?

Мне попалось в Интернете письмо Министерства образования, где анализируется состояние работы с детьми по месту жительства в Волгограде. Отмечается, что за последние десять лет (с 1995 до 2005 года) произошло «сужение подросткового пространства» в городах и поселках: ребятам негде играть в подвижные игры. В этом же письме говорится, что за последние пять лет наркомания среди детей до 14 лет выросла в 20 раз, токсикомания — в 15.

Волгоград у Министерства образования, судя по всему, на хорошем счету. Но и там в 2004–05 учебному году приняты без замечаний санэпиднадзора только 39 процентов клубов.

Наша система внешкольного развития всегда ориентировалась на детей, которые сами придут и запишутся и кого приведут за руку родители. Сколько же таких ребят в Волгограде? В 2004 году посещаемость клубов составила только 4,6 процента от общего количества детей, в 2005 году — 5,5 процента.

Уже 10 лет существует федеральная целевая программа «Молодежь России». Где результаты? Почему они не публикуются? Хранятся под грифом «секретно»?

В 2006 году разработана «Стратегия государственной молодежной политики». По замыслу чиновников, она представляла собой механизм управления жизнью миллионов молодых людей региональными и федеральными операторами, над которыми должен стоять общественно-государственный совет, в который войдут депутаты Федерального Собрания, видные общественные деятели, представители общественных и молодежных организаций и социально-ответственного бизнеса.

«Стратегия...» рассматривала (цитирую) «государственную молодежную политику в качестве инвестиционного проекта по развитию человеческого капитала в России». Затраты на одного участника должны были составить от 2000 до 4000 рублей в год. Или больше, чем тратилось за предыдущие 15 лет, почти в тысячу раз! Всего на реализацию «Стратегии...» запрашивались средства, равные 20 процентам федерального бюджета, больше, чем на оборону страны, в 10 раз!

Прошло два года, сегодня об этой «Стратегии...» ничего не слышно. Вероятно, Минфин отказался выделять такие средства. И правильно. «Стратегия...» больше напоминала амбициозный

бизнес-проект с целью «освоения» гигантских денег, чем решимость справиться с одной из самых болезненных проблем современности.

Тебя послушать, так сегодня в работе с молодежью нет ничего светлого. А молодежные «парламенты» и «правительства»?

— Это уже было. Помните лозунг «Партия, дай порулить»? Но кто рулит, тот еще не водитель. Человек во власти должен быть опытным и мудрым, а не молодым и задорным. Не будем забывать, что именно комсомольские функционеры первыми ринулись присваивать (пardon, приватизировать) социалистическую собственность.

Ясно, что смену надо растить. Но не должно быть питомников для избранных. Питомником должна стать вся молодежная среда. Пусть самые способные выдвигаются в управленцы путем естественного отбора.

Ценность того или иного метода работы с молодежью определяется довольно просто. Достаточно понять, насколько он циничен. Приведу легкий узнаваемый пример. По заказу организации шьются флаги и транспаранты, майки и бейсболки. В назначенное время симпатичные юноши и девушки наряжаются и начинают скандировать патриотические лозунги. Против чего-то протестуют или за что-то агитируют. А потом, как утверждают злые языки, получают за выступление мобильники.

Пусть бы себе выступали, даже за плату, была бы от этого хоть какая-то польза. Почему не ставят пикеты возле вузов, которые в открытую заманивают к себе абитуриентов, обещая отсрочку от армии? Почему не пикетируют телеканалы, которые годами транслируют растлевающие программы и фильмы? Нет, таким образом свой патриотизм красивая организация почему-то не проявляет.

Подобные организации уже окрестили социальными машинами, призванными по чьей-то команде сметать с пути другие социальные машины, или служить орудием устрашения. В этом качестве они кому-то нужны. Но России нужнее не сотни ряженых манифестантов, а миллионы гордых молодых людей с гражданским чувством ответственности за себя и за страну.

Ты веришь, что меняющийся на глазах менталитет народа, особенно детей и молодежи, можно как-то корректировать?

В прошлом веке психология нашего народа менялась как минимум трижды. А сегодня, под сильнейшим воздействием mass media, манипуляция сознанием достигает эффекта волшебной палочки.

Любопытный пример: в США спохватились, что в сексуальном раскрепощении зашли слишком далеко и начали пропагандировать девственность и святость брачных уз. Подключили Голливуд. Что в результате? Как ни удивительно, получается! В моду входит девственность невесты.

У нас довольно часто повторяют слова А.Солженицина о сбережении народа. При этом подразумевается физическое сохранение. А как быть с нравственным самосохранением? Важно ведь не только количество, но и качество народа. По-моему, только нравственное преобразование нации может дать по-настоящему сильный импульс росту рождаемости и снижению смертности.

На такое преобразование народа должна быть нацелена и наша молодежная политика. Время подгоняет. По прогнозам Федеральной службы государственной статистики, к 2010 году молодых людей в возрасте 15–30 лет будет 24 миллиона (сейчас 29), а к 2015 году — 18 миллионов.

Справедливость этих предсказаний подтверждают наши кладбища. Пройдите вдоль свежих могил — почти сплошь молодые парни, погибшие в авариях, разборках, убитые наркотиками и алкоголем.

Девушек к 2015 году, как утверждают демографы, будет на 12 миллионов. больше, чем парней. Если ученые не ошиблись, правильно рассчитали динамику сокращения мужского населения, то положение детей станет еще драматичнее. С отцом или отчимом будет жить только каждый третий. Роль общественного воспитания, значение которого уже сегодня ставится выше воспитания семейного, вырастет во много раз.

Но есть еще одна угроза, о которой мы почему-то стесняемся говорить. Сколько убавится народу, столько же прибавится мигрантов. Чем коренного населения будет становиться меньше, тем шире станет их поток. И в определенный момент мигранты могут почувствовать, что они сплоченнее и нравственно выше нас.

Знаю одного ученого, уроженца Северного Кавказа. Он давно живет в Москве, но детей воспитывает не так, как мы. Дочери у него хиджабы не носят, но в кино ходят только в сопровождении старшего брата. «То, что можно русским, нам нельзя», — внушает он детям.

А наши дети стесняются быть вежливыми. Боятся выглядеть культурными. Для них родители — «отстой». Переварим ли мы мигрантов с таким подрастающим поколением?

Раньше власть называла советский народ великим, но занималась «воспитанием трудящихся», заставляла придерживаться морального кодекса. Посмеивались, но придерживались, потому что понимали: определенные рамки поведения переходить нельзя. Иначе великий народ может стать не таким уж и великим.

Чтобы нация не деградировала, в обществе должен действовать народный воспитательный механизм, заключающийся в уважении к возрасту, во влиянии старших на младших. При желании это можно вернуть. Менталитет народа поддается коррекции. Была бы на то политическая воля власти.

Сегодня многие родители исповедуют и гедонический принцип — дети должны чувствовать себя раскованно, ни в чем себя не ограничивать.

Даже младшие школьники развязно ведут себя в присутствии взрослого. Раньше можно было взять наглеца за руку и привести к родителям, которые еще добавили бы ремня. Сегодня можно нарваться и на скандал: какое право имел взять нашего ребенка за руку?!

Мы сами создали этот порочный круг. Не разрешая воспитывать своего ребенка другим, лишили себя права воспитывать при случае чужого ребенка. В результате дети чувствуют себя выше критики взрослых и ведут себя в их присутствии, как им заблагорассудится. Взрослые уже не чувствуют себя носителями правил поведения. Им уже безразлично, как они выглядят в глазах детей.

Дети хотят, чтобы ими кто-то занимался. В определенной степени испытывают нехватку требований. А кому их предъявлять, если сами родители исповедуют раскрепощение? И другие взрослые уже как бы не взрослые: боятся сделать замечание. Так дети, развиваясь без требований, сами в свою очередь до конца не вырастают во взрослых.

Мы часто говорим о национальной идее. Мол, жалко, что ее нет. Вот, сформулируем, и все сразу наладится.

Не поможет, наверно, национальная идея, если нет идеалов, являющихся, как известно, условием выживания.

Идеалом должна быть ответственность и способность к самоограничению в условиях свободы.

Идеалы во все времена создавали искусство и литература. Но люди, создающие сегодня искусство, предпочитают создавать идолов, а не идеалы.

Нам говорят: «Как можно вводить художественную цензуру на телевидении и в кинематографе? Это же ограничение демократических свобод. Покушение на свободу слова!»

Так, вступаясь за идола, отбрасываем идеал — ответственность! А жрецы идола, потирая руки, продолжают «рубить бабки».

Неужели закончим эту главу на такой мрачной ноте?

Мы живем в разорванном обществе. Дети и взрослые, богатые и бедные, власть и народ — между ними ничего общего. Это ненормально.

Бывший Генеральный прокурор Устинов сделал однажды удивительное признание: «Какую сферу жизни ни возьми, везде у нас организованные преступные формирования». Иными словами, организованность преступности превосходит организованность общества. Этого не должно быть.

Сегодня все нормальные люди чувствуют себя в обороне. Отбиваются от зла во всех его проявлениях поодиночке. И никак не могут объединиться. Нет организационных форм сплочения.

Одну из таких форм я предлагаю. Объединиться ради своих детей. И подать им тем самым пример. Чтобы они, став взрослыми, объединялись ради их детей. Назовем эту форму сплочения условно — свежий ветер.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Ты привел примеры, как две официальные инстанции, признав ценность твоей системы и выразив готовность ее применять, тем не менее, не сделали ни одного практического шага. Давай не будем считать, что в этом проявилась чья-то инертность, нежелание работать по-новому. Людям, решившим создать подростковую организацию, нужна методика. Им важно знать, что за чем должно следовать.

Многое зависит от того, где вы хотите создать такую организацию. В большом городе или малом. А может быть, в поселке? Нужно также четко сознавать, какой требуется результат. В Ульяновске, например, одна ситуация. Там необходимо комплексное оздоровление уличной среды. А можно взять малый город, где испорченность этой среды находится не на таком опасном уровне. Хотя и в малых городах, процесс уже пошел. Учащаются случаи, когда подростки отбирают у прохожих сумки и мобильные телефоны, избивают учителей, занимаются рэкетом. А ведь малых городов в России, считающихся последним оплотом патриархальной ответственности, около 2800 и проживает в них 38 миллионов человек.

Хорошо, возьмем для примера малый город, где мэр решил создать подростковую организацию. С чего ему начать?

С личности руководителя. Подчеркну, это должна быть личность! Можно поискать среди недавно отслуживших в армии или спортсменов. Армейский опыт и спортивные данные необходимы. Но не менее важны организаторские и педагогические способности, сильная воля и боевой настрой. Выдвигать на эту работу человека по каким-то другим соображениям — значит провалить дело. Выбор должен быть безошибочным. Нельзя создавать ор-

ганизацию с двух попыток. При первом же провале ее идея будет полностью дискредитирована.

Первое, о чем может подумать мэр: не поручить ли это дело тем, кто уже работает с детьми и молодежью? Мысль естественная. Но нужно учитывать, что опытные педагоги находятся в плену привычных форм и методов работы. А тут слишком много непривычного и противоположного их представлениям о том, как должно быть организовано воспитание. Существует опасность педагогической эклектики, смешивания предлагаемых (новых) и привычных (старых) методов работы. Едва ли этот гибрид понравится ребятам, особенно уличным.

Предположим, нашли подходящего человека. Какой следующий шаг?

Нужно предусмотреть в местном бюджете расходы на содержание организации. Включить в смету пошив формы, стоимость материалов для ремонта штаб-квартиры, покупку микроавтобуса, строительство загородного лагеря, приобретение спортивного и культурно-массового инвентаря, мебели и т.д. Необходимо включить в штатное расписание ставку заведующего хозяйством и не пожалеть средств на зарплату руководителя организации: работа у него будет на износ.

Основные расходы — стартовые. Как только организация встанет на ноги, ребята должны во многом обеспечивать ее нужды коллективным трудом.

Организация должна получить приличное помещение со спортивным залом. Не обязательно в готовом виде. Даже хорошо, если потребуетя ремонт или небольшая реконструкция. Я уже говорил о значении труда в формировании коллектива. Штаб-квартиру, свой второй дом, ребята должны оборудовать и привести в порядок сами.

Что такое приличное помещение? В малых городах до сих пор немало особняков с большими дворами. Это как раз то, что требуется. Организации нужна прилегающая к зданию территория. Только не надо ее огораживать высоким забором.

Нужно сразу выбрать место для загородного летнего лагеря, желательно не дальше 5–6 километров от города, чтобы ребятам было нетрудно добираться туда и обратно пешком. Меня вообще удивляет, почему наши малые города не имеют своих стационарных летних лагерей. Если нет лагеря, то нет и серьезного, эффективного летнего воспитания детей. Летом улица особенно сильно затягивает ребят.

Короче говоря, на начальном этапе должны быть решены, прежде всего, организационные и финансовые вопросы. И какой продолжительности должен быть подготовительный период?

Прежде чем родиться, подростковая организация должна быть идеологически и организационно выношена. Это неперемное условие. Для этого требуется не меньше полугодом. Этот период лучше обозначить с осени до весны. Организация должна открыться примерно в марте. За три месяца можно сделать ремонт штаб-квартиры. Все необходимые материалы должны быть готовы. Май — самая пора заниматься лагерем.

За эти полгода нужно перечитать Макаренко, овладеть его методом. Это фундаментальное требование. Без досконального знания Макаренко работа руководителя организации превратится в нагромождение ошибок.

Нужно придумать также название организации, девиз, написать устав, разработать структуру, нарисовать эмблему и эскиз формы. Эту работу не может выполнить один человек. Организация должна стать детищем не одного человека, каким бы талантливым он ни был, а социальным сотворчеством группы поддержки из числа школьников-старшеклассников (будущих лидеров) и группы единомышленников из числа взрослых (будущих инструкторов, тренеров, руководителей кружков и секций). Желательно, чтобы это были люди, из местной интеллигенции.

Ты уже обмолвился, что устав должны писать поэты и юмористы. Как это понимать?

Устав, как свод норм, прав, обязанностей и требований, утверждается самими ребятами на общем собрании. Чем афористичней и веселей устав изложен, тем лучше. В организации должна царить атмосфера делового мажора. Мажор — одно из любимых слов Макаренко. Бодрому, веселому настроению в коллективе он придавал особое значение, и это очень правильно. Мажор — показатель морального здоровья коллектива.

Какие принципы должны быть изложены в уставе?

В принципе, могу кое-что предложить. Есть пять главных заповедей, которых должны придерживаться все члены организации, как подростки, так и взрослые.

1. Организация живет по принципам братства порядочных людей.

2. Каждый член организации находится под ее защитой.

3. Смысл своей деятельности организация видит в служении местному обществу. Основные формы служения — охрана правопорядка, природы и общественно-полезный труд.

4. Организация служит стране, готовя своих членов к службе в армии и поступлению в высшие военные училища.

5. Сила организации — в ее демократическом устройстве, строгой дисциплине и любви ребят к своему «второму дому».

Пойдет ли мэр малого города, считающий в бюджете каждый рубль на достаточно большие траты, если не будет видеть для города ощутимой пользы?

Если кто-то и начнет создавать такие организации, то это мэры, действительно болеющие за свой город. Которые поймут, **что** может дать такая организация, каковы ее возможности. Повторяю, организация должна стать детищем местной интеллигенции и местной власти. Тогда ее успех гарантирован.

Администрации городов видят сегодня основной смысл своей работы в благоустройстве и улучшении быта людей. Но много ли толку от этих забот, если поведение подростков и молодых людей все больше становится бескультурным? Со временем города станут лучше и краше, но кто в них будет жить?

Простой пример: все чаще здания в городах отделяются снаружи сайдингом. Красиво, но эта красота все чаще подвергается вандализму. Сайдинг срывают, на нем что-то рисуют, пишут разные слова. Лично для меня это символ. Эстетика городов растет, а культура населения снижается. Если ничего не делать, все усилия местной власти будут идти насмарку.

Или посмотрите, как ведут себя сегодня подростки. Сидят, оседлав спинки скамеек и забравшись с ногами на сидения. Бросают, где попало окурки, бутылки, банки из-под напитков. Ругаются в присутствии взрослых, грубят, когда им делают замечания. Девочки рано теряют представления о девичьей чистоте. Среди удовольствий все больше места занимают алкоголь и наркотики. Ночью, а иногда и среди бела дня, сверстники могут отобрать деньги и мобильный телефон.

Спросите у школьных педагогов, какого они мнения о многих родителях сегодняшних детей. Они от них в ужасе. То, как ребенок учится и ведет себя в школе, их не интересует, это больше волнует бабушек. А ведь сегодняшние дети через 5–10 лет сами станут родителями. Какими — не так уж трудно представить.

Широко мыслящий мэр не может об этом не задумываться. Но, возможно, ему потребуются дополнительные аргументы, подтверждающие, что организация действительно сможет изменить наших детей, подростков и молодежь.

Речь идет о создании **подростковой** организации, а не детской или молодежной, потому что подростки — самая активная часть молодежи, это давно доказано учеными. Речь идет об **организации**, а не о движении, клубе или объединении, потому что правильно созданная организация — это совокупная энергия, совокупная воля и совокупная сила, способная контролировать, требовать и следить за тем, как требования выполняются.

Правоохранительные органы не способны остановить распространение подросткового алкоголизма, наркомании и развязного поведения в общественных местах. Но положение изменится, если к решению этих проблем подключится подростковая организация, как самостоятельно, так и в сотрудничестве с милицией, прокуратурой и наркоконтролем.

Санитарный порядок в малых городах в плачевном состоянии. Коммунальщики с этой проблемой не справляются. Но справятся, если им поможет подростковая организация. Отчасти на энтузиастских началах, отчасти — за плату.

Сегодня подростки соответствуют той роли, которая им отведена — роли шалопаев. Но если передать на их ответственность некоторые стороны нашей жизни и таким образом изменить их социальную роль, они начнут соответствовать этой роли.

Здесь мы переходим к трудовой деятельности организации на благо города. Какой ты ее видишь?

Вовлечение подростков в обслуживающий труд, диктуется сегодня демографической ситуацией. Есть много видов простых работ, которые пенсионерам не по силам. Отдавать их, как это уже делается, мигрантам? А может, все-таки внушить подросткам, что предаваться праздности сегодня непатриотично?

В администрациях некоторых малых городов уже существуют центры занятости подростков. Нужно только изменить их работу. Специально назначенный чиновник должен находить ребятам работу и обеспечивать доплату из местного бюджета за те виды работ, которые оплачиваются какими-то работодателями недостаточно высоко.

Подростки могут работать почтальонами, дворниками, озеленителями, малярами, охранниками, консьержами, курье-

рами, медбратами, а самые сильные — даже грузчиками. Могут ремонтировать подъезды и скамейки, утеплять окна, сажать деревья, убирать мусор в лесу и на берегах водоемов, собирать металлолом, макулатуру и стеклотару, красить весной деревья и бордюры, производить ямочный ремонт дорог. Могут выполнять несложное сервисное обслуживание (например, мойку) автомашин в автомастерской, которую можно разместить рядом со штаб-квартирой. По соседству с летним лагерем можно поставить теплицы, выращивать там овощи и ягоды и продавать на местном рынке.

Можно организовать обучение подростков разным профессиям, привлекая к этому делу пенсионеров. Один старик, перво-классный мастер кладки печей и каминов, жаловался мне, что его профессия исчезает. Он обратился в администрацию малого города, предложил свои услуги в качестве наставника, но ему сказали, что дети у нас танцуют, пляшут, играют, а обучение их кладке печей и каминов программой воспитания не предусмотрено.

Работающих членов организации должно быть видно издалека. Нужна специальная униформа наподобие той, которая существует у работников «Макдональдса». И совершенно обязательно, чтобы труд хорошо оплачивался.

Знаю в Москве молодежное объединение, взявшееся наводить порядок во дворах. Ребята все делали лучше настоящих дворников, но забыли заключить трудовой договор. Думали: зачем, ведь они имеют дело с органом власти — префектурой? Но префектура обманула, не оплатила работу. Случай, на мой взгляд, вопиющий.

Напрашивается вывод: подростковая организация в том виде, в каком ты ее представляешь, это не просто воспитание детей и подростков в определенном духе. Это нечто большее.

Это закладывание основ гражданского общества там, где оно и должно создаваться — на уровне общего места жительства. У нас многие живущие в одном подъезде семьи не только не знают друг друга, но даже не здороваются. Разве это нормально? По Закону о ЖКХ должны возникать товарищества собственников жилья с правом заниматься всеми проблемами общего места жительства. Но часто невозможно даже провести собрание жильцов — люди не приходят. Невозможно вывести людей на субботник по уборке окружающей дом территории. Мы, взрослые люди, выросшие при социализме и привыкшие к субботникам, не отзываемся ни на какие призывы. Какой пример подаем детям?

Теперь — о создании групп поддержки. Как это лучше сделать?

Группу поддержки из числа старшеклассников можно собрать в общеобразовательных и спортивных школах и других детско-юношеских учреждениях. Педагоги сами назовут наиболее подходящих ребят. Рассказываете им о своем замысле, увлекаете, отбираете самых способных, физически развитых, авторитетных в своей среде. Затем знакомите их с группой поддержки из числа взрослых. Теперь это должна быть одна команда.

Формировать вторую группу намного проще. В малом городе все знают друг друга, кто чего стоит. Критерии при отборе: неравнодушные к состоянию воспитания в городе, способность реально помочь становлению организации, возможность участвовать в ее работе.

В организации должен быть очень сильный духовный и эстетический элемент. Все должно быть красиво: форма, помещение, интерьер. Необходима атмосфера приподнятости, мажора и красоты человеческих отношений. В составе группы должен быть дизайнер, художник, фотограф, журналист, поэт, преподаватели музыки и танцев.

Нужно учить подростков бальным танцам и проводить балы и конкурсы. Нужно открывать им прелесть хороших песен. На стенах штаб-квартиры должны висеть большие художественные фотографии членов организации. Комната, где проводятся встречи с интересными людьми, беседы, празднования дней рождения, должна выглядеть, как современное молодежное кафе.

Итак, собрались светлые головы и стали разрабатывать модель организации: название, флаг, девиз, эмблему, структуру, покрой формы. Дело интересное, требующее творческой самостоятельности. Но, может быть, что-нибудь подскажем? Есть же, наверное, и здесь какие-то фундаментальные принципы, которые надо соблюдать.

Начнем с главного: почему «организация»? Почему не «клуб»? Или почему не «объединение»? Потому что криминальные уличные группы — это шайки. А криминальные уличные группировки — банды. Шайки и банды — это преступные организации. Как же вы будете им противостоять, конкурировать с ними, вбирать их в себя, если сами не будете организацией в позитивном смысле?

Чтобы очистить город не только от шаек и банд, а всего лишь от хулиганов, хамов и современных вандалов, нужна органи-

зованная сила. И чем больше зла этой силе противостоит, тем организованней она должна быть.

Теперь о наименовании. Я не в восторге от названия «Гринабель», согласился с ним только потому, что настаивали ребята. Второе имя «Гринабеля» — «Молодая гвардия» — было лучше.

Мне нравилось название тульского подросткового объединения — «Искатель». Неплохое название — «Спарта». Позволяет воспитывать в ребятах дух аскетизма и служения своему братству. Хотя кто-то наверняка скажет, что это не наша история, и вообще, Спарта была государством угнетателей. Тогда называйте «Витязями», «Родиной», «Отчизной», «Русью».

Здесь немаловажная тонкость. Каково название организации, так будут называть и ребят. Плохо, если вы сами дадите повод для иронии или насмешек.

Самый идеальный вариант, если бы подростковые организации одного региона назывались одинаково.

Девизом могут быть слова «Долг, Честь, Польза», указывающие на три главных качества, которые воспитывает в ребятах организация. Это может быть призыв наподобие пионерского «Будь готов!» или того, какой был в «Гринабеле» — Через невозможное — вперед!

Можно покопаться в исторических книгах. Главное, чтобы девиз был кратким, выразительным и содержал в себе энергетику.

Интересный девиз у девочек-скаутов: «Осторожность — прежде всего!»

От эмблемы должно веять романтикой. Минимум деталей никакой вычурности. Насчет флага можно посоветовать то же самое.

О форме следует сказать подробнее. Одинаково одеть ребят, и как можно скорее — этим достигается сильнейший воспитательный эффект. Надев форму, ребята физически ощущают свою общность и красоту своего коллектива.

Но форму должны получить только те, кто ее достоин. Поблажки и авансы недопустимы. Хотя бы частично стоимость пошива формы ребята должны заработать сами. Это принципиально важно. Это хороший стимул для того, чтобы кто-то впервые в жизни начал работать.

В организации должно быть минимум три вида формы: повседневная, летняя и парадная. Желательно, конечно, одевать с головы до ног. Головной убор (пилотка, берет или широкополая шляпа) куртка, брюки (юбка). Если не удастся заработать достаточно средств, можно обойтись только курткой и головным убором. Брюки и юбки могут быть произвольного цвета и фасона, хотя это не так красиво.

Лучшие цвета формы — хаки или песочный. С парадной формой хорошо сочетаются белые перчатки. В покое обязательны погончики, на которых удобно размещать знаки различия. Хотя звездочки, указывающие на звание и должность, смотрятся и на рукаве.

В организации должны быть свои документы (удостоверения, зачетные книжки, аттестационные листы, путевки в лагерь), значки, эмблемы наиболее интересных операций, почетные грамоты и пр. Улица, при всей ее анархии, любит дисциплину и небольшую бюрократию, как необходимое условие четкости в делах.

Принимать в организацию лучше с 9–10 лет. В этом возрасте дети уже придают значение правилам поведения. До 13–14 лет они должны быть в специальных подготовительных группах.

Приведение к присяге — ритуал, способствующий сплочению коллектива — должен быть торжественным и волнующим, но без излишнего пафоса. Сдержанность во всем, особенно в тексте присяги. Один экземпляр хранится в штаб-квартире, другой выдается на руки.

Как лучше называть руководителя: командиром? комиссаром? президентом? Что ты можешь сказать о структуре организации?

Все зависит от устройства организации и от того, какое значение вы придаете механизму выборности. Можно избирать общим голосованием не только президента, но и командира и комиссара. Так что те или иные наименования — дело вкуса.

Если во главе организации президент, то руководящий орган — президентский совет. Если во главе стоит командир — совет командиров. А если комиссар — совет комиссаров. Терминология требует своей логики.

Высшим органом, безусловно, должно быть общее собрание (общий сбор или генеральный сбор). Это даже обсуждению не подлежит. Если устройство какое-то другое, воздействие на отдельную личность через обязательные для всех решения общего (генерального) сбора просто невозможно.

Руководитель организации должен иметь нескольких заместителей. Первый — выдвигается из группы поддержки, второй — из уличных лидеров, третьим заместителем может быть наиболее авторитетная и волевая девушка. Она представляет и защищает интересы состоящих в организации девочек.

Руководящий орган (президентский совет, совет командиров или совет комиссаров) собирается на свои совещания не реже двух раз в месяц.

Общий (генеральный сбор) собирается не реже одного раза в три месяца по какому-либо значимому поводу: обсуждение чрезвычайного происшествия, чьего-либо из ряда вон выходящего поведения, для принятия нового закона организации, для приведения к присяге кандидатов и т.п.

Главное требование: сбор не должен быть скучным, особенно в торжественные моменты. Ни в коем случае!

В определенной степени организация должна ощущать себя в городе подростковой республикой со своим парламентом, президентом, правительством, своей четвертой властью — прессой. Должна быть своя программа на местном телевидении и своя страница в местной газете.

Подобная организация — это, образно говоря, питомник для местного гражданского общества. Здесь выращиваются неравнодушные, активные, деятельные граждане, которые спустя годы выдвинут в мэры своего кандидата, чья работа на благо города началась примерно с 9–10 лет, и сами займут ключевые должности.

Сколько подростков можно набрать в организацию, чтобы не потерять при этом управляемости?

Исхожу из своего опыта — не более 130. При условии, что из них — около 30 девочек, а из оставшихся 100 мальчиков минимум половина — нормальные, не трудные ребята. 50 уличных подростков в организации — это максимум, с которым можно справиться.

Я уже говорил: это изматывающая работа. До позднего вечера (основная работа организации начинается через три-четыре часа после возвращения ребят из школы, нужно давать время для приготовления уроков), без выходных, без праздничных дней, без отпуска. По-другому работать нельзя.

Можно, конечно, выбрать день и отдохнуть, но за время вашего отсутствия либо что-то случится, либо что-то не будет сделано. В воспитательном механизме обязательно произойдет какой-то сбой. Особенно неотвратимо это происходит в первый год жизни организации.

Организация либо создается из уличных групп, либо эти группы в нее вовлекаются. Так или иначе, нужно знать, из кого обычно состоит стихийный уличный коллектив. В каждой группе, вероятно, есть роли, которые определенным образом распределены между подростками?

Все примерно так же, как в группе взрослых людей. Есть лидер и есть претенденты на роль лидера. Есть ребята, стремящиеся компенсировать свои недостатки, завоевать уважение в группе, и потому готовые на любые выходки и даже преступления. Есть «генераторы идей», которые подают идеи выходов и преступлений. И есть те, кто вынужден состоять в этой группе, кто молча осуждает лидера и его ближайшее окружение. Примерно то же самое молчаливое большинство, которое возникает в сообществах взрослых людей.

Роли в составе уличной группы распределяются примерно так:
Братан — старший в группе.

Подручные братана (может быть целая команда подручных).

Теневой братан — тайный или явный соперник действующего.

«Генератор идей» (придумщик разных выходов и правонарушений).

Кривляка-зубоскал (вроде шута).

«Рогомет» (готовый ради повышения своего статуса совершить любую выходку).

Братишки — младшие по рангу.

«Упаковка» (сынوك состоятельных родителей).

Мальчик для битья (новое явление — раньше унижать и бить своих ребят было не принято).

Часть группы А. — пассивное молчаливое большинство (подростки, готовые безвольно поддерживать существующий порядок вещей).

Часть группы Б. — активное молчаливое меньшинство (подростки, которые с радостью изменили бы свой образ жизни).

Подгруппа А по численности всегда больше подгруппы Б. Но зато из подгруппы Б., как только она оказывается в организации, чаще всего выдвигаются новые лидеры.

Власть на улице, как и власть в обществе взрослых, принадлежит меньшинству.

В уличном коллективе часто состоят девочки: как правило, добровольно. Если коллектив превращается в уличную шайку, то девочки, даже очень положительные, могут вовлекаться в нее и удерживаться под разными угрозами. Одни могут быть подружками самых влиятельных членов шайки, а другие — так называемыми «общими». В городах Поволжья есть даже ритуал посвящения мальчиков в мужчины, когда 14–15-летний (иногда младше) подросток вступает в первый в своей жизни сексуальный контакт с одной из «общих» девочек.

Отметим, коли уж об этом зашла речь: доступность постоянной сексуальной жизни является (в глазах подростков) одной из самых привлекательных черт уличных шаек.

Коснемся еще раз темы вовлечения уличных групп в организацию. Это неизбежный этап в ее деятельности?

Вовсе не обязательно создавать организацию на базе уличной группировки, как это сделал я. Это экстремальный вариант, который может получиться только у того, кто сам прошел школу уличной жизни. Лучше начинать с создания альтернативного коллектива. Ваша группа поддержки обрастает ребятами, которые могут входить в уличные группы, а могут и не входить. Непосредственно к вовлечению предкриминальных или криминальных групп можно приступить только тогда, когда этот альтернативный коллектив достаточно окрепнет.

Если в альтернативном коллективе много уличных ребят, то в условиях малого города специальные действия по вовлечению могут и не понадобиться: подобное само потянется к подобному. Если же в альтернативном коллективе полно пай-мальчиков, то их сначала поколотят, а потом шпана придет прямо в вашу штаб-квартиру и устроит там погром.

Но если в вашем первоначальном коллективе много уличных ребят, не стоит надеяться, что вся остальная городская шпана придет к вам строем. Будут насмешки, угрозы, провокации. Кого-то из ваших будут бить. Тут главное — не запоздать с отпором и в то же время не перестараться. Нужно дать такой отпор, чтобы потом можно было и помириться и позвать шпану к себе. Многое зависит от умения руководителя организации разговаривать с улицей и от того, какими ребятами он себя окружил. Если улица их уважает, частичный успех уже обеспечен.

Организация должна вбирать уличных групп постепенно. Она не способна переварить сразу всю уличную среду.

Если не найдете подхода к тем, кто откололся от уличных групп и записался к вам, они вернуться на улицу. Если найдете, этого не простит оставшаяся на улице шпана, лидеры групп и группировок: вы же лишили их части «подданных».

Каким бы ни был тяжелым этот период, помните: тех ребят, которые хотели бы порвать с улицей, всегда большинство. Их можно распознать даже среди тех, кто противостоит вам особенно яростно. Если подросток — лидер группы, еще не значит, что он самый испорченный и с ним невозможно ни о чем договориться. Невозможно договориться только с теми, кто связан с взрослыми преступниками, с зоной.

Получается так, что горячие эпизоды на начальном этапе фактически неизбежны?

Все зависит от состояния уличной среды, насколько она криминализована. Вот почему важно начать работу с изучения этой среды. Внимательно осмотрите места, где собираются подростки, не валяются ли там шприцы. Нет ли у кого-то из ребят тюремных татуировок. Понаблюдайте издали, кто как себя ведет. Из этих наблюдений может возникнуть общее представление, с кем вы будете иметь дело.

Немало полезной информации можно получить от инспекторов по делам несовершеннолетних. Смущает только, что их сейчас не видно. То ли слишком загружены работой и потому сидят в своих кабинетах, то ли стесняются ходить в милицейской форме. И вовсе не факт, что они будут делиться с вами своими служебными сведениями. Так что лучше рассчитывать на себя.

У вас была система взаимного оповещения и экстренного сбора во время чрезвычайных ситуаций?

А как же?! Оповещение шло по цепочке. Проводились проверочные сборы. Те, кто жил в нашем микрорайоне, собирались в штаб-квартире за считанные минуты. А тем, кто жил в других микрорайонах, требовалось 20–30 минут.

Выше мы говорили о трудовом участии подростковой организации в жизни города. Но должен быть еще и труд самообеспечения. В рассказе о «Гринабеле» эта тема прозвучала отчетливо. И все же уточним детали.

Прежде всего, подростки должны заработать себе на форму и экипировку (рюкзак, спальный мешок, походные принадлежности и т.п.) Их святая обязанность — поддерживать чистоту в штаб-квартире и ежегодно ремонтировать помещение. Те, кто хочет находиться в летнем лагере больше 24 дней, должны зарабатывать на питание.

Дальше мы будем разбирать, каким образом формируются преступные сообщества подростков. Но не будет лишним сказать сейчас: важную роль в криминализации уличной среды играет так называемая уличная субэкономика, дающая подросткам возможность «зарабатывать» не только карманные деньги, но даже поддерживать свои малообеспеченные семьи. Из этого следует, что подростковая организация тем более должна обладать своей субэкономикой.

Чтобы научить уважать чужой труд, нужно научить уважать свой собственный. Главное, чтобы не мешали родители. Некоторым может не понравиться, что их дети моют пол в штаб-

квартире. Это, мол, дело уборщицы. Согласен, можно ввести в штат уборщицу или даже две, но тогда это будет уже совсем не та организация, о которой мы ведем речь.

Повторюсь, воспитывающий потенциал подростковой организации заключается в том, чтобы ребята делали все, что могут делать. А плюс к этому даже то, что, по существующим представлениям, никак не могут. Тогда они себя уважают и тогда их уважают. Подростки жаждут этого уважения и самоуважения. Так не лишайте их этого!

«Высший пилотаж» трудового воспитания — круглогодичное производство, где бы подростки были не только рабочими, но и служащими. Даже дублером взрослого директором может стать старшеклассник. Скажете, прожекторство? Тогда вспомните, какое производство было у Макаренко. Детали для фотоаппаратов «Смена» делали с точностью до десятой доли микрон. А кто? Бывшие беспризорники, не имевшие даже рабфаковского образования. Неужели у современных подростков руки хуже приделаны?

Здесь готов усомниться: может, даже и хуже. И желания трудиться сейчас, наверно, меньше. Но этот не их недостаток, а наша вина: родителей, учителей, чиновников, занимающихся молодежной политикой. Мы пребываем в несуразном заблуждении, что у детей должно быть беззаботное, лишненное всяких тягот детство. Нам даже не приходит в голову, что такое детство и есть порча детей. А настоящее воспитание как раз должно протекать в трудах, заботах, испытаниях, развитии способностей и их применении сегодня, а не тогда, когда подростки станут взрослыми.

Опыт труда сегодня начинают приобретать в 18-19 лет. Лет на десять позже, чем положено. Вредный лозунг «Детям — счастливое детство» живет в наших генах.

Есть три вещи, которые нужно вырабатывать путем требований: забота о родителях, долг по отношению к стране и способность трудиться. Требования и выполнение требований — вот и вся технология.

Школе эта функция посильна только отчасти. У школы другая задача.

Трудовая деятельность — одна из главных функций подростковой организации.

Детей в Японии называют «самыми занятыми людьми в стране». Несмотря на известное преувеличение, это действительно так. Японские дети воспитываются в труде самообслуживания с детского сада. Я предлагаю начать с 9 лет.

Члены подростковой организации должны быть самыми занятыми людьми в городе.

Перейдем к начальной военной подготовке. Она должна чем-то отличаться от той, которая ведется в военно-патриотических клубах?

Начну издалека. Кто в дворянской России лучше всех танцевал на балах мазурку и вальсы? Кавалергарды, которые потрясали барышень строевым шагом на параде. В советское время курсантов военных училищ тоже одно время обучали бальным танцам. А как только перестали обучать, сразу стало расти офицерская бескультурье и одно из ее порождений — дедовщина. Ежегодно мы наблюдаем хулиганские выходы в дни десантников и пограничников. И никого это особенно не возмущает. Будто так и надо.

Военная интеллигенция вырождается. И это — беда. Надо помогать армии выходить из этого положения. Надо поставлять призывников, которые не только могут отжаться десять раз, но и прилично себя вести. Если кто-то замечен в дедовщине, моральную ответственность должна нести администрация города и руководитель подростковой организации.

Когда я смотрю на выступления кремлевского полка и вижу восторг зрителей, то вспоминаю, с каким восхищением смотрели жители Павлодара на ребята из «Гринабеля», когда они шли парадной колонной. А теперь скажите мне, почему же эта красота только в Кремле, а не в каждом городе? Что этому мешает? Мэру нужен приказ губернатора? Губернатор ждет, когда ему подскажет президент?

В западных странах изюминка любого праздника — парад девушек, жонглирующих жезлами. У нас для проведения дня города марширующих девушек приглашают за плату, привозят издалека, как какую-нибудь эстрадную группу. Понимают, это украшает праздник. Но приглашать каждый год накладно. Не лучше ли самим организовать это красивое зрелище?

Врачи, осматривающие подростков и юношей, все чаще отмечают физиологические отклонения: непомерно широкие ягодицы, отвислые животы, отсутствие растительности там, где ей положено быть. Вероятно, это — следствие увеличенного выброса женских гормонов. Не будем выяснять, отчего это происходит. Лучше спросим себя: нельзя ли остановить этот угрожающий процесс? Мальчики должны больше заниматься мужскими упражнениями, чаще преодолевать физические напряжения. А главное — в них должен быть мужской дух.

Ты упоминал, что в «Гринабеле» было около двадцати армейских дисциплин. Сейчас самое время их перечислить. И расскажи подробнее, как проходила военная подготовка.

Двадцать военных дисциплин было для ребят, которые собирались поступать в военные училища. Помимо общеобязательных занятий (изучение армейских уставов, строевая подготовка, стрельба, изучение устройства автомата Калашникова, караульная служба, преодоление штурмовой полосы, обращение с противогазом, метание гранаты, семафорная азбука, работа на радиии, основы картографии, марш-броски и т.д.) они изучали устройство гранат, пулеметов, проходили азы химзащиты, учились оказывать первую медицинскую помощь при спасении утопающих, переломах, ожогах, обмороках, и т.д.

Каждый вступивший в организацию получал зачетную книжку, где отмечались результаты зачетов и инспекторских проверок. Через три месяца, сдав кандидатский минимум, новичок приводился к присяге. В кандидатский минимум, помимо военных дисциплин, входило участие в общих делах и операциях, особое внимание обращалось, как новичок проявлял себя в труде.

После принятия присяги открывалась перспектива стать со временем инструктором по отдельной дисциплине или виду спорта. Напомню, мы обходились своими кадрами тренеров и инструкторов, выросшими из новичков.

Иногда доходило до курьеза. Например, строевую подготовку вновь записавшихся в «Гринабель», парней ростом под 1 метр 80 сантиметров, проводил один из лучших наших строевиков четырнадцатилетний Петя Герингер. Сборку-разборку автомата Калашникова могла преподавать парням девятиклассница Зина Брант. Не скрою, иногда это делалось для того, чтобы произвести впечатление, чтобы раззадорить новичков. Чтобы смотрели и думали: а мы чем хуже?

Военные занятия не должны быть слишком серьезными. В этом случае они становятся нудными и отталкивают ребят, которые не хотят выглядеть смешными. Им нравится, когда они смотрятся по-боевому и вызывают удивление и восторг.

Мы начинали строевую подготовку с обычного упражнения — построения в одну шеренгу. Инструктор делал знак рукой, и ребята, только что стоявшие кучей, строились почти мгновенно. Так же, в считанные секунды они строились в парадные квадратные «коробки» по 36 человек в каждой. Это производило сильное впечатление.

Если приходилось соревноваться в стрельбе из пневматических или малокалиберных винтовок, то на огневой рубеж опять-таки выводили ребят помладше или девочек. А настоящие чемпионы «Гринабеля» по стрельбе стояли рядышком и только помогали советами. Они брали в руки винтовки только в том случае, если видели, что соревнуются с серьезными стрелками.

Можно вспомнить также, как была организована караульная служба в летнем лагере. Ставились четверо-пятеро часовых с учебными автоматами. Один стоял возле штабной палатки, другие прохаживались по периметру палаточного городка. Но чтобы никто не прохладился, время от времени назначался караул проверяющих, который получал задание снять при возможности первый караул. Попробуй заведи — завтра над тобой будет посмеиваться весь лагерь.

Особенно популярны у ребят были военные игры. Сам бой, чаще всего рукопашный, проходил всего несколько минут и не был главным элементом военной игры. Главными были физические преодоления: марш-бросок, преодоление вброд и вплавь водных препятствий, требовавшие терпения и скрытного передвижения разведка и контрразведка. Во время военных игр с ног валились не только подростки, но даже взрослые. Зато сколько было потом воспоминаний. Как гордились участники таких игр специальными нашивками. И не было у них уже никакого страха перед службой в армии. Напротив, они были уверены, что и там не ударят в грязь лицом.

Закончим тему военной подготовки описанием летнего лагеря. Каким он должен быть?

Таким, чтобы ребятам не хотелось возвращаться домой. Чтобы стремились быть там все лето. Обычно ведь подростки весь учебный год мечтают: скорее бы наступило лето. А мы не просто мечтали, мы готовились к лагерю. Выбиралось место, ремонтировались армейские палатки, готовилась техника: грузовая автомашина, мотоциклы. Ребята зарабатывали деньги на продовольствие, составлялось меню на каждый день. Подбирались надежные кадры медиков, поваров, туристических инструкторов, знающих интересные маршруты, чаще всего из числа наших «ветеранов», которым удавалось взять на работе отпуск, отпроситься у жен.

Под руководством одного взрослого, а иногда совершенно самостоятельно, ребята ставили палатки, мачту для флага, будку и «грибок» для часового, шлагбаум, столы под навесом (это была столовая), оборудовали пляж, тщательно проверяя дно, плац, стрельбище, штурмовую полосу, спортивные площадки, футбольное поле.

Я приезжал время от времени больше для того, чтобы просто проявить интерес и внимание. Было приятно смотреть в глаза ребят — в них читалось, что они переживают настоящий кайф. Им доверено больше дело, и они с ним справляются.

Мы жили в обычных палатках. В этом было много спартанства даже в условиях сухого казахстанского климата с его теплыми ночами. Удобнее жить в дощатых домиках или хотя бы в палатках с дощатым полом. Но денег у нас не было ни на то, ни на другое. Однако малый город вполне может наскрести. Просто должен.

Лагерь — очень серьезное дело. За одно лето можно изменить самых, казалось бы, неисправимых ребят до неузнаваемости, потому что они в ваших руках все 24 часа в сутки. А тех, кого не надо исправлять, можно многому научить. Лагерь — это место, где доверие к подросткам может охватывать практически все стороны жизни. Одним подросткам вверяется здоровье и жизнь других сверстников. Выполняя взрослую работу, они сами взрослеют не по дням, а по часам.

Что в жизни лагеря повторялось из года в год и, тем не менее, не надоедало ребятам?

Торжественный обед на открытии и торжественный ужин на закрытии лагеря. В меню было то, от чего ребята бывают в восторге. Например, шашлык, торты. Запоминалось купание и рыбалка, потому что в этих удовольствиях практически не было ограничения. Повторялась боевая тревога с марш-броском и военной игрой. Многодневные туристические походы. Робинзонада (выживание на острове). Обязательные для каждого члена организации, даже для младших ребят боксерские поединки. Дни рождения с правом для именинника выстрелить из ракетницы — произвести салют в свою честь. Выезды из лагеря небольшими группами по заповедным местам. Борьба с браконьерами и лесными пожарами. Спортивные соревнования с пионерскими лагерями. Праздник Нептуна. Песни под гитару.

Ребята любили петь у костра. Но у нас не было своего клуба авторской песни. Это то, что должно быть обязательно, подростков нужно спасать от чрезмерного увлечения «попсой», что-то предлагать взамен. Авторские песни всегда душевны, патриотичны и они как бы вне времени.

К сожалению, наши ребята учились беречь природу, но не познавали ее в деталях и тонкостях. Нужно, чтобы знали букварь окружающей среды: как называются деревья, травы, цветы.

Среди педагогов распространено мнение, что жизнь лагеря должна быть до краев наполнена всевозможными соревнованиями, конкурсами, смотрами, праздниками. Тогда, якобы, не остается времени на разные проказы. Думаю, во всем нужна мера. Можно совершенно заездить ребят и этой состязательностью.

Каждый день должно быть два-три часа, отведенные для обычного отдыха: купания, рыбалки, сбора ягод и грибов, неформальных игр и общения.

Какие у вас были меры поощрения и взыскания?

Здесь моя фантазия давала сбой. Это сфера, где придумать что-то новое довольно сложно. И, наверное, не надо. Было то же, что и везде: благодарность перед строем, доска почета, звание отличника. За провинности — от устного замечания до отчисления.

По методике Макаренко наказывать может только руководитель учреждения. Но у нас это право принадлежало также президентскому совету. В мое отсутствие совет мог самостоятельно вынести решение. Но мое взыскание наказанный мог обжаловать, а вердикт руководящего органа был окончательным. Тем самым подчеркивалось, что власть президентского совета выше власти президента. Думаю, это было правильно. Никто не мог бросить мне упрека, что я обладаю неограниченной властью и «качаю права».

Число взысканий ограничивалось тремя. Сыпать наказаниями нельзя. На это, кстати, и Макаренко указывал. Но и нарушители дисциплины не должны терять счет своим взысканиям.

По уставу четвертым по счету взысканием было отчисление. Хотя никто не подвешивался на этом волоске. Любой подросток мог заявить, что хочет снять с себя наказание. В таких случаях предоставлялась возможность отличиться.

Умение поощрять я считаю более важным, чем умение наказывать. Тут тонкостей ничуть не меньше. В особенности, на начальном этапе развития организации. Попробуйте вынести уличному пацану благодарность перед строем. Реакцией его дружков может быть дружный гогот. И отличившемуся неловко, и вы нелепом положении. Поэтому иногда лучше отметить чье-то поведение или поступок один на один. Ведь пацану важна прежде всего ваша оценка.

Не понимаю педагогов, без разбора требовательных ко всем ученикам. С сильных спрос должен быть более строгим. А слабым надо чаще хвалить. Они в этом нуждаются гораздо больше. Даже после самой скупой похвалы им хочется засесть за учебники, чтобы соответствовать ожиданиям. То же самое и в воспитании.

Последние данные от ученых: подростки сегодня созревают к 11 годам. Тяга к сексу у некоторых в этом возрасте почти неодолимая. Этот фактор будем учитывать?

Еще как. Только давайте смотреть правде в глаза. Не у «некоторых» эта тяга, а у достаточно многих. Могу даже привести кое-какие цифры, которые называют школьные педагоги. Активный интерес к сексу возникает к пятому классу, когда девочки только начинают посещать дискотеки. К седьмому классу «сладкое занятие» охватывает уже треть девочек. А в дальнейшем число школьниц, вступающих в половые связи, увеличивается ежегодно на 10–20 процентов. Нетрудно подсчитать, что к десятому классу мало кому удается сохранить целомудрие.

Сексу, как правило, предшествует курение, употребление пива и спиртных напитков, а также стремление казаться взрослым. Некоторые девочки, для которых половая жизнь пока что из области фантазий, носят противозачаточные средства и всячески это демонстрируют. Целомудрие, которое еще недавно осуждалось только в уличной подростковой среде, сегодня «не котируется» даже среди положительных девочек.

В этом, на мой взгляд, есть что-то неестественное. Природу явно прищипывает детская праздность и лезущий с экрана порок. Тяга к сексу — это, скорее всего, выброс избыточной энергии. А избыток откуда? От праздности. Дети ничего не делают, не утомляются. В отношениях между мальчиками и девочками не возникает товарищества на основе какой-либо духовной общности.

Сексуальные связи в этом возрасте либо поощряются самими девочками, либо достигаются угрозами или прямым насилием со стороны уличной группы. Если организация вобрала в себя сколько-нибудь агрессивные уличные сообщества, количество сексуальных связей между подростками в городе резко упадет. Сохранится только (не будем ханжами, признаем его) один провоцирующий фактор — соблазняющие мальчиков «любвеобильные» девочки.

В конце прошлого века таких было немного. В «Гринабель» они шли редко. Но если какая-то «лолитка» вдруг начинала будоражить парней, я очень быстро от нее избавлялся. И в этом ребята меня поддерживали, им самим не очень-то нравятся распущенные девочки. Воздействовать как-то иначе, нравочениями, я не умел. И не верил, что в таких случаях слова могут подействовать. Но сейчас таких девочек гораздо больше. От всех не избавишься.

Думаю, что разговоры по душам не помогут. Физические нагрузки? Только отчасти. Здесь поможет только коллективная установка организации на морально здоровый образ жизни. Когда любые проявления легкого поведения встречают всеобщее осуждение. Другого по настоящему сильного тормоза, на мой взгляд, нет.

Какую роль в жизни организации могут играть родители ребят?

Родителям (и тем, кто не справляется с проблемами, и тем, кто процветает) сегодня не до детей. У одних мало денег, другим хочется иметь еще больше. В то же время все хотят быть спокойными за своих детей. Так что в этом смысле подростковая организация нужна и тем и другим.

Но и родители должны чувствовать свой долг перед организацией, стремиться быть ей полезными. Если кто-то не хочет этого понять, действуйте через детей. Объясните ребятам, как важна посильная помощь их родителей. И ребята, будьте уверены, проведут дома разъяснительную работу.

Во время приема в организацию нужно спросить новичка, где работают его родители. Одни могут дать возможность заработать, другие на время выделить для организации транспорт, третьи что-то изготовить на том производстве, где работают. Вариантов может быть много. Здесь важно, чтобы сами родители знали, в чем нуждается организация.

Приведу примеры. Нам нужны были для кафе-бара столики, стулья и вертящиеся табуреты. Нам их сделали на заводе с помощью отца одного из подростков — начальника цеха. Нужны были стойки ринга — изготовили таким же образом. Родители, работавшие на стройке, подсказывали, где и когда будут сдаваться объекты. Я договаривался, и ребята убирали строительный мусор. За это неплохо платили. Родители подсказывали, где лежит неубранный металлолом, и давали автокран и самосвал. Отец одного из подростков был большим начальником в ДОСААФ (сейчас эта организация называется РОСТО), у нас с его помощью всегда хватало учебного оружия, патронов, дымовых шашек и взрывпакетов для военных игр.

Но нельзя забывать, что с родителями могут возникать и проблемы. Ребята могут вернуться из похода или с военной игры, валясь с ног. Это может вызвать недовольство: как можно так изнурять детей? Подростки возвращаются с ремонта штаб-квартиры, пахнущие краской. Снова претензия: почему дети делают работу взрослых?

Чем больше вы доверяете подросткам, чем больше нагружаете их работой, которую принято считать «взрослой», тем это лучше для настоящего воспитания. Но это вы так считаете. А родители могут иметь совсем другое мнение. Это нужно иметь в виду и параллельно с воспитанием подростков воспитывать и их родителей. А кого-то придется и перевоспитывать.

Мы уже слегка касались этой темы. Школьные педагоги жалуются, что некоторые родители запрещают им воспитывать детей. Мол, дело учителей только учить.

А чего вы хотите? Родители сегодняшних подростков выросли во время разложения социализма, распада страны и полнейшего разброда в умах. В какой-то степени они тоже — «дети эпохи перемен», потерянное поколение.

Но не будем также забывать, что, несмотря на призывы «поднять звание учителя на недосягаемую высоту», падение престижа педагогической профессии произошло еще в советское время. Вспомним, кто шел в педагогические и вузы. Больше половины были те, кто никуда больше не мог поступить. Если сегодня родители кому-то из учителей запрещают воспитывать, то в каких-то случаях, возможно, их недоверие на чем-то основано.

Разумеется, не все наши педагоги — плохие воспитатели. Если же к кому-то из них подростки относятся без уважения, то это в большинстве случаев идет от семьи.

А теперь приведу официальные цифры. Каждый ребенок получает в день только 15 минут родительского внимания. Это средний подсчет, сюда входят дети, которым вообще не уделяется никакого внимания. Появился даже термин — социальное сиротство. Официально таких «сирот» в стране около 600 тысяч. Я с недоверием отношусь к подобным цифрам. Потому, что не понятна сама методика подсчетов. Но таких «сирот», возможно, даже больше.

Агрессивная общественная среда проникла сегодня в каждую семью. От озлобленных жизнью родителей дети бегут из дома, совершают самоубийства. Вот почему важно, чтобы они видели в организации вторую семью, где их всегда поймут и защитят.

Но организация не может заменить родителей, какими бы они ни были, и стать приютом. Если ребенок ушел из дома и нашел убежище в штаб-квартире, нужно как можно быстрее вернуть его в семью. Естественно, при условии, что он в любое время снова может рассчитывать на поддержку своей организации.

Ты настаиваешь, что члены организации должны участвовать в охране правопорядка. Какой в этом смысл, когда есть милиция? И вообще, это дело взрослых, а не детей. Нельзя рисковать их здоровьем и жизнями.

Подростки, состоящие в организации, **могут** контролировать поведение сверстников — это вполне им по силам. Они **должны**

это делать — в этом проявляется общественная польза. И это **нужно** им самим — подросток никогда не будет вести себя так, как ведут себя те, с кем он борется.

В Норвегии, например, с вандализмом борются бывшие вандалы. Каждую ночь добровольцы охраняют бассейн во Фрогнер-парке в Осло и ездят в трамваях, чтобы предотвратить порезы сидений. «Быть на стороне закона для них, — говорится в социологическом отчете, — оказывается таким же захватывающим делом, как и быть против закона».

Другой вопрос — виды и методы контроля, а также — меры воздействия.

Мы живем в эпоху нарастающей потери стыда. Уже не секретно, выйдя из машины, оправиться прямо на обочине трассы. Мимо едут женщины — плевать им на женщин. Таких сегодня за рулем — каждый второй. Все больше людей, не считающих зазорным выставить полиэтиленовый мешок с мусором возле подъезда или выбросить из машины на обочину шоссе. Или, отдохнув на берегу водоема, оставить после себя кучу мусора, пакетов, бутылок. Кто борется с этим явлением? Если милиция, то не заметно. Если экологическая милиция, тоже не видно. Во что превращается страна? В кого превращаются люди?

Что может сделать подростковая организация в отдельно взятом городе? Если будет действовать одна, если ее действия не будет поддерживать закон — почти ничего. Но если — в сотрудничестве с милицией и экологической милицией, на основе специально принятых местных законов, тогда результаты могут быть поразительными. Подростки, когда получают полномочия, очень настырный народ.

С каждым годом все больше детей и подростков становятся наркоманами. Служба наркоконтроля, как и милиция, со своими все возрастающими задачами не справляется. Чаще всего по причине отсутствия или недостатка информации. Между тем кто-то из подростков знает наркоторговцев в лицо. Знает и молчит. В подростковой среде не существует настроя бороться с этим явлением. Потому что этой настройкой никто не занимается. Но этим может заняться подростковая организация.

Наше движение к правовому государству тормозится ментальными особенностями: склонность к круговой поруке, позиция «моя хата с краю». Пока мы от этого не избавимся, удачи нам не видать.

В правовом государстве общество делится на три категории граждан: кто нарушает закон, кто закон охраняет, и **кто способствует охране закона**. Вот эта третья категория, представляющая

в правовых государствах толстый слой общества, у нас всего лишь тонкая прослойка.

Граждан, считающих своим долгом сообщить о готовящемся или совершенном преступлении (правонарушении), нужно выращивать. Подростковая организация — самое подходящее для этого место.

Этой задаче сегодня отвечает психология подростков. Они в большей степени, чем раньше, повернуты к западным эталонам поведения. В них все явственней проступает так называемая педократия (власть детей). Им нравится воздействовать друг на друга и даже на взрослых.

Согласен, что активное участие в защите культуры поведения и охране правопорядка может представлять риск для здоровья и жизни членов организации. Но давайте выбирать. Либо мы растим подростков в делах, требующих риска и мужества, настоящих граждан, либо — вялых, равнодушных, хитроватых, подловатых обывателей.

Не слишком ли утилитарный подход? Получается, что молодежь нам нужна постольку, поскольку с ее помощью можно решать не решаемые проблемы.

Нам нужно в корне изменить подходы к работе с детьми и молодежью. Чем заняты школы и внешкольные учреждения? Образованием и развитием. Мне скажут: разве этого мало? Если мы хотим только образовывать и развивать — немало. А если хотим получить настоящих граждан и просто хороших, порядочных людей, этого недостаточно. Требуется совершенно другая система воспитания. Именно воспитания, а не только образования и развития.

У нас возник опасный разрыв между поколениями. Миры взрослых и детей существуют сами по себе, в лучшем случае только параллельно. Что противоестественно для русской модели воспитания. Нужно строить мост. Этим мостом должно стать общее значимое дело морального улучшения жизни, укрепления и развития добра и сокращения зла, которым реальная жизнь переполнена. Это зло уже исковеркало одно поколение и принялось за другое.

Все большее число подростков и молодых людей смотрят советские, а не современные фильмы. Значит, изначально здоровая человеческая природа уже не выдерживает растления.

В молодом населении страны образовался избыток не расходуемой общественной энергии. В советское время эту энергию

сковывала идеология. Сейчас она свободна, ей нужно только найти применение.

Вспоминается эпизод на улицах Москвы. По какой-то причине образовалась гигантская пробка. Машинами были забиты даже тротуары. Проходит час за часом, а гаишников нет. Водители сатанеют от злости. И вдруг в небольшом пространстве между машинами возникают двое мальчишек лет двенадцати и начинают показывать водителям, кому куда сдвинуться, чтобы образовалось пространство для проезда. Удивительное дело — взрослые подчиняются! Спустя полчаса пробки как не бывало!

Я подошел к ребятам, спросил, в каком классе они учатся. Это были пятиклассники!

Ты сказал, что не чувствовал себя воспитателем. Что это, на твой сегодняшний взгляд? Так и должен себя чувствовать руководитель организации? Какая здесь таится педагогическая хитрость?

Я понимал, что смогу влиять на ребят только в том случае, если стану для них своим. Если нас не будет разделять круговая порука.

Круговая порука среди подростков будет всегда. Если ее совсем нет, это тоже плохо. Но ее не должно быть слишком много. Она не должна быть стеной, разделяющей вас и ребят.

Как установить с ребятами доверительные отношения? Прежде всего, не ставить барьера в виде обращения на «вы». Сразу перейти на «ты». Быть с ребятами с утра до вечера, во все выходные и праздничные дни. И подростки будут вам за это невероятно благодарны. В этом случае им будет очень неловко как-то вас подставить. А если кто-то вдруг задумает что-то нехорошее, другие придут к вам и скажут: так и так. Предупредят. И вы сможете вовремя принять меры.

Вы должны уметь разговаривать с подростками, в особенности с уличными. Не слишком интеллигентно, но и не слишком грубовато. Смешно сыпать жаргоном, ребята сразу поймут, что вы под них подстраиваетесь. Но так же смешно, если ваша речь будет стерильна.

Нельзя быть слишком серьезным. Улица ценит юмор и любит посмеяться. Но чем испорченней компания, тем меньше в ней человеческого смеха и больше — смеха, похожего на ржание. Это ржание сохранится какое-то время и во время вашего общения с такими ребятами. Уличные превратятся в нормальных ребят, когда вместо «гы-гы-гы» появится нормальный человеческий смех.

Я сторонник педагогики дела, но ничуть не отрицаю педагогику слова. Наоборот, считаю, что способность убеждать имеет решающее значение, особенно на начальном этапе.

Что значит внимание к каждому отдельному подростку? Вот он впервые переступил порог штаб-квартиры. И вы говорите ему, **что** ему даст организация и **что** требуется с его стороны. Вы очерчиваете в его сознании свои ожидания: каким вы хотите видеть его спустя какое-то время. Например, через три месяца, после прохождения кандидатского минимума. Он должен научиться тому-то и тому-то. И преодолеть в себе то-то и то-то.

А после приведения к присяге вы снова беседуете и намечаете новую перспективу. Ваши ожидания — его стремление соответствовать. Это — каркас взаимоотношений. Остальное — детали. Если же отношения строятся как-то иначе, без этого каркаса, то вы кладете кирпичи без цемента. Они при малейшем толчке развалятся.

Что бы ты сказал ребятам сегодня?

Смотря, по какому поводу. Если бы выводил в первый поход, то сказал бы, что американские скауты, когда путешествуют по Большой дороге в Аппалачах длиной в 2 тысячи миль, проходят в день 12 миль, то есть наши 15 километров. Но мы для начала пройдем только 10 километров, а потом, после ночевки, вернемся обратно в город.

И ребята будут думать: ага, они пройдут за два дня всего 20 километров, а скауты — 30. Будут после похода отдыхать, а скауты пойдут дальше. У скаутов есть Большая дорога длиной в 2 тысячи миль, а почему нет у них? Нужно, чтобы возник разговор, результатом которого было бы коллективное стремление ходить в походы.

В походе уличная дурь мигом улетучивается. Нутро каждого подростка проявляется, как на рентгене. Становится видно не только окружающим, но и ему самому. Поход — преодоление себя, своих слабостей, начало самовоспитания.

А если бы надо было поднять ребят на уборку города или соседнего лесного массива от мусора, то я сказал бы, что те, кто сорит, вовсе не самые плохие люди. Даже мужественные романтики альпинисты устраивают на вершинах гор свалки пустых консервных банок. С полными банками карабкаются вверх, а пустые спустить вниз не хотят. А другие хорошие люди, которые не ходят в горы, бросают мусор мимо урны, потому что считают, что кто-то обязан его прибрать.

У тех, кто сорит, дефект в мозгу. Не доходит до людей, что скоро невозможно будет убрать даже половину того, чем они загадили страну. Сегодня люди жарят шашлыки прямо там, где сто раз жарили до них, то есть прямо на помойках. И — не противно. Люди считают ниже своего достоинства прибрать за собой. Но не считают унижительным лакомиться шашлыками среди чужого мусора и чужих объедков.

Сегодня человек искренне считает себя патриотом России, но может при этом бросать, где попало окурки, банки из-под напитков. Как можно быть патриотом страны, если ты не патриот своего дома, своего двора, то есть того места, где родился и рос?

Что такое патриотизм в более широком, чем принято считать, смысле? Это способность отказаться от личного ради общего. Так вот: подростки в этом смысле самый податливый материал.

Мне скажут: как можно направлять энергию подростков на дело, которому они своими внутренними качествами не соответствуют? Ответ будет такой: в этом и особенность уличной педагогики, как я ее понимаю, — давать дело на вырост возможностей. Давать серьезную и трудную социальную роль и доращивать подростков до полного соответствия этой роли.

С этих слов я бы, пожалуй, и начал разговор с ребятами. Я бы обрисовал бы им, какими они будут через год. Так бы обрисовал, чтобы они сами себе понравились.

Какие задачи ты считаешь большими?

Те, которые требуют от ребят больших моральных усилий. Как индивидуальных, так и коллективных. В организации должен существовать сухой закон. Это обязательная норма жизни, которая даже обсуждению не подлежит. Ребята до 15 лет не должны курить. Это тоже должно быть законом. А еще лучше вести к тому, чтобы вообще не курили.

Но как этого добиться от нынешних подростков? Они ж ни в чем не хотят себе отказывать, ни в каких удовольствиях. Эта задача может быть решена (на определенном этапе развития организации, когда подростки уже срослись с ней) прямым запретом. Никто не имеет права употреблять спиртное и курить, и все тут!

Это реально. Эти запреты существуют в некоторых преступных уличных сообществах, созданных спортсменами. Там подростки даже гордятся, что у них сухой закон и что у них никто не курит. Зато они самые здоровые, самые сильные, все перед ними трепещут. Вот ради такого к себе отношения ребята готовы к самым трудным самоограничениям.

То, что действует в уличной среде, должно действовать и в организации. Только с определенными поправками и определенной сменой мотивов. Перед «Гринабелем» не трепетали, но по-хорошему его боялись. Очень организованный коллектив в мире улицы всегда вызывает такое отношение. Об этом и надо говорить, доказывая необходимость сухого закона: он нужен для приведения коллектива в высшую степень организованности и четкости. Не думаю, что кто-то будет против такого аргумента.

Предположим, убедили ребят, приняли они сухой закон. А дальше что? Как это закон должен работать?

Чтобы избежать обвинений в деспотизме, руководитель добивается принятия нужного закона общим сбором, а потом единолично требует его исполнения. Взаимной требовательности-то еще нет, она еще не развилась. Это и есть макаренковское воспитание через коллектив. Система, которая будет срабатывать, пока для отдельной личности решение коллектива хоть что-то значит.

Чаще всего налагается запрет на то, к чему ребята уже привыкли. Некоторые встречают нововведение в штыки, подговаривая других не подчиняться или вообще уйти. Нужно быть готовым к такому повороту событий и не драматизировать ситуацию. Большинство ушедших все равно вернуться.

Каждый новый закон коллектива — это новая психологическая установка. Одни сразу отказываются ее выполнять, а другие (таких может быть немало) вроде бы хотят, но не всегда получается. И немудрено. Всякий ли взрослый разом бросает курить? А тут — подростки с неразвитой волей, знакомые с известным правилом взрослых: если нельзя, но очень хочется, то — можно. У нынешних детей вообще плохо развито внутреннее торможение. Они плохо знают, что такое «нельзя». Им ближе «мне надо».

Требования нужно повышать постепенно, по мере того, как растет для ребят значимость организации. К тем, кому меньше 14 лет, нужен свой подход. В этом возрасте возможна тяга ко всему запретному. Хороший эффект дает «метод взрыва», когда всем (и ребятам и руководителю) становится ясно, что «дальше так жить нельзя».

Я сам мало занимался 12–14-летними, поручая это дело старшим ребятам. Это был их фронт работы, границы которого я специально не переступал. И они неплохо с этой работой справлялись. Но потом я видел, что именно из этих 12–14-летних получают самые четкие члены организации, для которых даже самые строгие правила не в тягость.

Еще более интересный результат можно получить, начав организацию с 9–10-летних. С этого возраста, когда дети начинают придавать значение правилам поведения. К этому возрасту они уже достаточно крепкие, чтобы выдерживать тяготы походной жизни. Не будем забывать, что в Спарте воинов начинали готовить с семи лет, в Скаутинге с шести, а древние славяне сажали детей в седло и давали в руки лук с трех лет.

Психологи отмечают: до девяти лет легче выработать подчинение взрослому и его почитание. А также способность трудиться для блага других людей. По-хорошему, нам тоже надо бы начинать лет с шести.

Какими общими соображениями должен руководствоваться воспитатель, работая с отдельными воспитанниками в зависимости от их возраста?

В 5–7 лет легче развить послушание и трудолюбие. С 7 до 10 лет — почитание, поскольку в ребенке начинает расцветать духовное начало. Он не просто слушается, а преклоняется перед тем, кто завоевал его воображение. Именно в эти годы надо начинать разговоры о смысле жизни, ответственности человека перед близкими и самим собой за свое будущее. Потом будет поздно.

До 12 лет ребенок живет своими впечатлениями от взрослых, стремится, чтобы в отношениях с родителями и близкими было все хорошо. После 12 лет на первое место выходят впечатления от сверстников, стремление к гармонии в отношениях с ними. Если дома что-то не так, начинаются первые бунты, борьба за самостоятельность вплоть до уходов из дома. Если подросток хоть раз ушел от родителей, это беда. И чем дольше он где-то скрывается, тем больше эта беда. Потому, что каждый день и каждый час жизни вне дома — это страдания и унижения. В том, как ведет себя подросток, он может быть виноват больше родителей. Но в том, что он ушел из дома и не возвращается, виноваты только родители.

В 12–14 лет подростки активно проявляют свои способности в клубах и секциях. А те, кто по каким-то причинам туда не попал, начинают объединяться в уличные сообщества со своей иерархией, понятиями о чести и рискованными устремлениями. Этот возраст должен быть в фокусе повышенного внимания.

Но если 12–14-летних приобщить к полезным делам, они выкладываются с полной отдачей энтузиазма и сил. Хотя едва ли следует категорически требовать от них прилежной учебы. Школа в этот период безнадежно уходит на второй план.

Наблюдаются и другие закономерности, сформулированные священником Анатолием Гармаевым. Если ребенок в первом классе потерял интерес к учению, то он не будет нормально учиться в 8 классе. Если интерес утрачен во 2 классе, то сбой в учебе обязательно произойдет в 9 классе. Если плохо учится в 3 классе, то ничего хорошего нельзя ждать в 10. Если же в 7–10 лет ребенок учится с удовольствием, то после временного охлаждения к учебе с 11 до 13 лет, он затем с удвоенной энергией включается в учебный процесс.

Особое внимание А.Гармаев советует уделять 7-10-летним. В этом возрасте дети, как никогда хотят учиться, а тот, кто их обучает, самый авторитетный для них человек.

Заключительным разделом книги станут высказывания о воспитании. Особое место займут цитаты из А.С. Макаренки. Неужели ты всерьез думаешь, что кто-то ими воспользуется?

В воспитании, как и в других видах науки и деятельности, есть свои истины и законы. Или вы их соблюдаете, это нормально, а если не соблюдаете, то это педагогическое беззаконие.

Иными словами, искусство воспитания — штука строгая.

Что такое система Макаренки? Это система работы с детским (юношеским) коллективом.

Мне скажут: а где ты сейчас видел коллектив? Сейчас каждый сам по себе, никто никого не слышит, никто никого не признает. Школьной дружбы практически нет. Почтительного отношения к учителю тоже нет.

Действительно, что-то в этом роде наблюдается все чаще. Но это как раз говорит о том, что детей и подростков надо воспитывать в коллективе, спасать их от них же самих, от их эгоцентризма. А кто лучше Макаренки может что-то посоветовать?

Я даже больше скажу. Нам не только детей и молодежь, нам страну надо спасать. Если потеряем еще одно поколение, народ окончательно, навсегда перестанет быть большой семьей. А населению судьба Отечества будет уже безразлична.

Сегодня за воспитание пытаются выдать шумные шоу, красочные пиар-акции перед телекамерами, которые проводятся от случая к случаю. Пусть это все будет. Но пусть никто не забывает, что настоящее воспитание — повседневная, малозаметная, системная работа.

Созданные сегодня сверху молодежные движения готовят новую элиту. Дело нужное. Но давайте готовить не в праздниках,

а в буднях, не в разговорах, а в практической работе. И готовить не из лучших, а из всех. Тогда и за страну будут переживать не избранные, а все.

Но для этого нужно создавать всероссийскую детско-юношескую организацию.

А почему нет? Сегодня призрак комсомола пугает почему-то тех, кто эту организацию по возрасту не застал. Не надо так бояться. В комсомоле было только три ненужные вещи — демократический централизм, привязка к партии и формализм. Все остальное можно спокойно перенять. Не так уж много существует моделей организаций. Придумать что-то принципиально новое практически невозможно. Разве что модные сегодня форматы работы с молодежью. Но это нельзя назвать воспитанием. Это что-то другое.

Сказав «а», нужно говорить и «б». В таком случае всероссийской организации потребуется идеология.

Снова ответчу: а почему нет? Идеология воспитания должна вытекать из национальной идеи. Скажете: ее пока нет. Она есть, она давно уже сформулирована. Просто еще не объявлена. Наша идея — выполнить, наконец, много раз не выполненную историческую задачу — догнать в демократическом и экономическом отношении, в качестве жизни страны Запада. Ничего главнее для нас нет. Значит, это и есть общенациональная идея.

Раньше мы строили социализм всем народом, и совершили рывок. Значит, и сегодня мы должны строить социальное рыночное государство всем народом. Чтобы это увлекало всех, а не только элиту. Элиту тоже нужно воспитывать: и ту, которая заправляет продажей ресурсов, и ту, которая называется сегодня медиакратией. Она и должна, на мой взгляд, взять на себя финансирование всероссийской детско-юношеской организации.

До сих пор считалось, что детские и молодежные объединения должны возникать сами, в порядке самоорганизации. Закон разрешает — размножайтесь на здоровье. Но не тут-то было. У нас даже взрослые общественные организации, институты гражданского общества, возникают крайне трудно. Чаще всего только в знак протеста. Созданием организаций должны заниматься люди, свободные от какой-либо другой работы. По закону, нужен свой счет в банке, свое помещение и т.д. То есть нужно финансирование.

Тут такая же катавасия, как с местным самоуправлением. Предоставили море прав, а денег нет. Будто сразу не ясно было,

что создание любого продукта требует средств. А общественная организация — тоже продукт.

Тут такая логическая цепочка. Чтобы расшевелить производительные силы народа, нужна развитая демократия. Чтобы развить демократию, нужно создать институты гражданского общества. Но демократии надо учить, и прежде всего детей. И жить в условиях гражданского общества тоже нужно учить. И тоже — с детства. В рамках детско-юношеской организации. В ее первичных коллективах по месту жительства, учебы, работы.

Это должна быть колоссальная государственная программа. Привлечение колоссальных средств, как из кошельков олигархов, так и из государственного бюджета. Поддержка со стороны специально созданных газет и журналов и специального телеканала. Организация должна стать детищем всей страны, ее гордостью, ее надеждой.

Приложение

Мысли о воспитании

Воспитание для нас больное место до того, что и говорить надоело.

Воспитание не в том, чтобы вылепить людей в готовые формы и дать им готовую инструкцию для поведения: воспитание — в том, чтобы развить в людях средства для безошибочного вывода. Наши дети должны быть лучше нас и мы должны воспитывать их лучшими людьми.

Мы видим, мы слышим, мы читаем только то, что нас интересует и только к этому чутка наша душа.

Процесс воспитания детей в доброй воле заключается в том, чтобы в случае неисполняющегося желания возбудить в ребенке мысль, намерение и действие в пользу не своего я, а чужого.

Счастье имеет для нас только материальный смысл.

Долг не чувство, но принцип.

Было время, когда Россия давала суровое спартанское воспитание в закрытых заведениях. Воспитание было, действительно, сурово, потому что стремились закалить душу и тело. В крайних своих проявлениях оно бывало даже беспощадно, но оно имело на характер более благотворное влияние, чем та реакция семейного воспитания, которая создает теперь мелочных себялюбцев, с самой первой молодости глубоко погрязших в индивидуализме.

Дети должны учиться думать и действовать по-своему, и сами должны создавать свои обстоятельства.

Воспитание не в том, чтобы развить силы вообще, а в том, чтобы развить их в приложении, указать человеку его место в природе, его отношения к людям, обстоятельствам, в которых он находится, ко времени, в котором он живет.

Нельзя представить себе ничего более жалкого, ограниченного, стесняющего и затупляющего, как женское воспитание.

Практическая жизнь является главным агентом при формировании характера.

Английское воспитание и его деловое направление можно считать образцовым. Англичане справедливо ставят так высоко воспитание деловых привычек.

В самом раннем детстве должны быть уже заложены геройские чувства, настраивающие душу на подвиги любви и благородства.

Игра ребенка — его жизнь... Игра есть действительность ребенка.

Цель воспитания — приготовить человека для общественной жизни.

Что делаем мы воспитанием? Да и воспитываем ли мы? Мы делаем одно из двух: или навязываем своим детям самих себя, или, махнув рукой, оставляем их расти на улице.

Четырехлетний американец уже говорит о выборах президента: а какие разговоры в семье слышит русское четырехлетнее дитя? Воспитания у нас нет и оно невозможно, педагогики нет и она еще более невозможна.

Воля есть сила совершенно безразличная, оттого-то и признают волю добрую и волю злую. Поэтому не воля составляет содержание характера, а характер — содержание воли.

Н. Шелгунов — революционер-демократ и педагог-публицист второй половины XIX-го века

Детская организация должна быть пропитана игрой.

Избиение товарища считалось самым страшным преступлением, за которое изгоняли из коммуны.

Не могу себе представить, чтобы в моем детском коллективе во время пожара я бросился кого-нибудь спасать. Я должен сидеть в центре и спокойно разговаривать по телефону. Все сделают ребята — и спасут, и потушат, и придут доложить, что все кончено.

Если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации.

Чрезвычайно много путей и средств для того, чтобы толпу обратить в общее собрание.

Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50% в ваших руках.

В коммуналке... в последние годы не было воспитателей, вся воспитательная работа велась старшими коммунарами.

Предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до беспощадного конца... Нужно так организовать технику беспощадности, чтобы личность не оказалась в тяжелом, катастрофическом положении.

Наказание должно разрешить и уничтожить отдельный конфликт и не создавать новых конфликтов.

У меня было несколько человек гниющего актива... Гниение начинается с пользования привилегиями, с уклонений, с барского тона.

Труд «вообще» не является воспитательным средством. Воспитательным средством может быть такой труд, который организован определенным образом, с определенной целью, труд как часть всего воспитательного процесса.

Я не глядел на то, что эти мальчики или девочки имеют...много недостатков, старался скорее набрать такую группу активистов, которые поддерживали мои требования своими требованиями, высказываемыми на собраниях.

Сначала была тенденция выдвигать во главу такого первичного коллектива наиболее способного, наиболее «блатного», наиболее волевого мальчика или девочку, способного держать всех в руках: командовать, настаивать, нажимать.

Без открытого, убежденного, горячего и решительного требования нельзя начинать воспитание коллектива, и тот, кто думает начать с колеблющихся, подмазывающихся уговариваний, тот делает ошибку.

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество.

Там, где я не уверен, можно ли требовать чего-либо, правильно или неправильно, я делал вид, что я ничего не вижу. Я ожидал случая, когда и для меня

становилось очевидным, ...что я прав. В таком случае я и предъявлял до конца диктаторские требования. Ребята понимали, что я прав, и легко мне уступали.

Если коллектив вас уважает и понимает вас, то общее собрание всегда будет на вашей стороне.

Если бы меня спросили, с чего бы я начал...я бы сказал: я начал бы с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы, что у них будет через два года.

Я требую, чтобы детская жизнь была организована, как опыт, воспитывающий определенную группу привычек.

Дисциплина — это лицо коллектива...его красота.

Не может быть воспитания, если нет требования. Требование не может быть половинчатым. Оно должно быть предельным, доведенным до возможного предела.

Надо организовать коллектив так, чтобы воспитывались действительные, не воображаемые, а настоящие, реальные качества личности.

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество, — все равно в чем, — в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости.

Нельзя закалить человека, если не ставить перед ним трудных задач, на которых иногда можно и сорваться.

Коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет. Из этого основного нашего взгляда...проистекают... все наши методы.

Коллектив, наиболее напоминающий семью, будет самым выгодным в воспитательном отношении. Там создается забота о младших, уважение к старшим, самые нежные нюансы товарищеских отношений.

Воспитатель всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

В последние годы я достиг такого педагогического счастья, что мог любого коммунара в любом коллективе назначать старшим и мог быть уверен, что он будет блестяще руководить.

Наказывать вообще нужно не худших, а лучших, а худших нужно прощать, но чтобы все знали, что такой-то самый лучший, и я ему пустяка не простил.

Чрезвычайно важным является процесс образования актива. Если этот процесс предоставить самотеку, а с активом не работать, никогда не образуется настоящий рабочий актив.

Коммунары имели некоторые преимущественные права перед воспитанниками.

Это звание (члена актива) нужно давать осмотрительно, с таким расчетом, чтобы потом не приходилось исключать из актива.

Пониженные требования к активу и незаслуженные привилегии, как и всякое неоправданное потребление, приводят к загниванию актива.

Наказание есть форма воздействия коллектива.

Наказание должно воспитывать. Наказанный должен точно знать, за что он наказывается, и понимать смысл наказания.

В работе органов самоуправления решающим обстоятельством является ее регулярность. Каждый орган самоуправления, если он почему-то долго не собирается, теряет свой авторитет.

Чрезвычайно важным является процесс образования актива. Если этот процесс предоставить самотеку, а с активом не работать, никогда не образуется настоящий актив.

Это звание (члена актива) нужно давать осмотрительно, с таким расчетом, чтобы потом не приходилось исключать из актива.

Пониженные требования к активу и незаслуженные привилегии, как и всякое неоправданное потребление, приводят к загниванию актива.

Необходимо остерегаться, чтобы наказания не лились потоками одно за другим. В таком случае они не приносят никакой пользы, только нервируют коллектив, а вследствие своего большого количества даже не могут быть приведены в исполнение.

За правило нужно взять следующее: ни один проступок воспитанников не должен быть незамеченным.

Должна вестись постоянная регистрация всех нарушений дисциплины.

Нужно избегать налагать взыскание на целый отряд или на группу виновных. Такое взыскание объединяет нарушителей, уже ранее объединенных в самом нарушении. Лучше применять такой порядок: наказать одного — самого виновного, остальных оставить без возмездия, ограничиться только предупреждением.

Вообще всегда нужно стараться наказывать как можно реже, только в том случае, когда без наказания нельзя обойтись, когда оно явно целесообразно и когда оно поддерживается общественным мнением.

Необходимо, чтобы вся работа педагогического руководителя проходила открыто. Необходимо добиваться, чтобы его кабинет сделался центром притяжения всего коллектива и любимой комнатой актива.

Роль командира отряда новеньких должна считаться особенно почетной.

Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы.

Мы должны воспитывать коллективные линии устремлений, а не только личные.

Бывают ребята, у которых уже выработаны привычки к ближайшим перспективам: показать свою силу над слабейшими товарищами, демонстративно грубо относиться к девушкам, рассказать скверный анекдот, вино...

Когда коллектив сживается в дружную семью, уже один образ коллективной работы захватывает как приятная перспектива.

Подготовка лагеря, его оборудование... должны заранее занимать коллектив.

В коллективе должно быть крепким законом, что никто не только не имеет права, но и не имеет возможности безнаказанно издеваться, куражиться или насильничать над самым слабым членом коллектива.

Не должно быть никакой военной муштровки для надобностей быта. В свободном движении человек развивает грацию, изящество, а от нашей молодежи всех возрастов надо требовать именно такого стиля и манеры держаться.

Сущность педагогической позиции воспитателя должна быть скрыта от воспитанников, и не выступать на первый план.

Неудачи в школе бывают началом систематической лжи ребят в самых разнообразных формах.

Воспитатель, не имеющий авторитета, не может быть воспитателем.

В моей практике, когда стояла задача воспитывать человеческое достоинство и гордость, то я этого достигал и через наказание.

Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция.

Я считаю, что дети должны быть так красиво, так красочно одеты, чтобы они вызывали удивление.

Я считаю, что дисциплина является не средством воспитания, а результатом воспитания и как средство воспитания должна отличаться от режима. Режим — это есть определенная система средств и методов, которые помогают воспитывать. Результатом же воспитания является именно дисциплина.

Нельзя рассчитывать, что дисциплина придет сама благодаря внешним мерам, приемам или отдельным разговорчикам. Нет, перед коллективом задачи дисциплины, цель дисциплины нужно поставить прямо, ясно и определенно.

Дисциплина — это свобода.

Нарушитель дисциплины ...нарушает интересы других членов коллектива, лишает их той свободы, на которую они имеют право.

Я не глядел на то, что эти мальчики или девочки имеют также много недостатков, старался скорее набрать такую группу активистов, которые поддерживали мои требования своими требованиями, высказываемыми на общих собраниях. Это вторая стадия развития требования, когда около меня образовалось такое ядро.

И, наконец, третья стадия развития этого требования, когда требует коллектив. Это — тот результат, который вознаграждает вас за нервный труд первого периода.

Путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива, этот путь я считаю основным путем в развитии детского коллектива.

Там, где личность сознательно выступает против коллектива, отрицая его требование и его власть, там требования должны быть предъявлены решитель-

ные до конца, до тех пор, пока личность не признает, что нужно подчиниться коллективу.

Там, где нужно наказывать, там педагог не имеет права не наказывать. Наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо, то есть я утверждаю, что педагог может наказывать или не наказывать, но если его совесть, его техническая квалификация, его убеждения говорят, что он должен наказать, он не имеет права отказаться от наказания.

Если вы хотите взять коллектив детей недисциплинированных, вам нужно будет начинать с ваших индивидуальных единоличных требований.

Вторая стадия развития требований, когда на вашу сторону перешли первый, второй, третий, четвертый активисты, когда около вас организуется группа мальчиков или девочек, которые сознательно хотят поддержать дисциплину.

Первичным коллективом нужно называть такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в постоянном деловом, дружеском, бытовом объединении.

Что такое параллельное педагогическое действие? Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела. Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания.

Все коммунары в моих глазах делились на такие группы: 1. действующий актив, 2. резерв актива.

Никто так не ... портил моей работы, как плохой воспитатель. Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей, но и с ними нужно было вести большую работу, чтобы научить их воспитывать. Я убежден, что научить воспитывать так же легко, может быть, как научить ... читать.

Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением.

Пусть любовь придет незаметно, без ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред...

Работа педагога должна заключаться в наибольшем приближении к первичному коллективу.

Труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания.

Наибольшая трудность — создать отношения подчинения, а не равностояния. Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться, ...то есть поручить ему и потребовать от него определенных функций и ответственности.

Я не представляю себе коллектива, в котором ребенку хотелось бы жить, которым бы он гордился, ...некрасивым с внешней стороны.

Игра должна заключаться... в том, что мальчик... что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя.

Педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему...

Коллектив — это социально живой организм, который потому и организм, что он имеет органы, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, а если этого нет, то нет и коллектива, а есть просто толпа или сборище.

Я себя не считал и не считаю сколько-нибудь талантливым педагогом.

Нужно говорить только о мастерстве. Я на опыте пришел к убеждению, что решает вопрос мастерство, основанное на умении, на квалификации.

Для меня...такие «пустяки» стали решающими: как стоять, как сидеть, как подняться со стула, как повысить голос, улыбнуться, как посмотреть... Все это нужно, и без этого не может быть хорошего воспитателя.

Нужно воспитывать педагогов, а не только образовывать.

Как ребенок играет, так он будет и работать.

А вы думаете, что мы с вами не играем? Играем! Играем в важность в своем кабинете, играем в книжность, когда обставимся книжками и думаем — у нас есть библиотека. А в гостиную разве мы не играем? Играем. А почему, как только дети — так сплошная серьезность, сплошная мораль, учеба и учеба?

Когда что-то в коллективе расстроилось, я бил наказанием просто без остановки, пока не наступало изменение.

Общее собрание нужно не столько для того, чтобы наложить правильное наказание, сколько для того, чтобы каждый член общего собрания считал себя ответственным за решение.

Нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, вашу культуру, вашу личность.

Наказывать вообще нужно не худших, а лучших, а худших нужно прощать, но чтобы все знали, что такой-то самый лучший, и я ему пустяка не простил.

Нужно, чтобы коллектив знал, что в наказании тоже проявляется уважение.

Выправление характера гораздо лучше производить методом, если хотите, взрыва. Я имею в виду мгновенное воздействие, переворачивающее все желания человека, все его стремления.

Первичный коллектив, то есть коллектив, который уже не должен делиться дальше на более мелкие коллективы, не может быть меньше 7 и больше 15 человек.

Сначала была тенденция выдвигать во главу такого первичного коллектива наиболее способного, наиболее «блатного», наиболее волевого мальчика или девочку, атамана, способного держать всех в руках: командовать, настаивать, нажимать.

Дисциплина не есть метод и не может быть методом. Как только дисциплину начинают рассматривать как метод, она обязательно обращается в проклятие, она может быть только последним итогом всей работы.

Человек, оставаясь наедине, должен знать, как поступить.

Мои коммунары говорили: мы будем судить о твоей дисциплине не по тому, как ты поступил на виду у других, и не по тому, как ты исполнил приказание или выполнил работу, а по тому, как ты поступил, не зная, что другим известно, как ты поступил.

Я скорее обыкновенный, средний педагог. Это очень похоже на правду. Но я добился педагогического мастерства.

Если бы все люди были искренни, то многие сказали бы, что у них в детстве был хоть один случай воровства.

Я требую, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определенную группу привычек...

Надо воспитывать коллектив так, чтобы воспитывались действительно, не воображаемые, а настоящие, реальные качества личности.

Создать характер можно только очень длительным участием человека в жизни правильно организованного, дисциплинированного, выдержанного коллектива.

Требований — вот чего мы не умеем предъявлять.

Прямые разговоры без всяких прикрас с молодежью 17 и 18 лет — это не только можно, а нужно, нужно учить любви.

Мы обязаны воспитать будущих отцов, будущих матерей.

В хорошем коллективе самолюбие очень легко воспитать.

Надо воспитывать так, чтобы человек знал, какой коллектив за его спиной, каким коллективом он должен гордиться.

Я вообще не верю в медленное перерождение. Воспитание, рост человека протекают медленно, а так называемая перековка всегда совершается взрывно.

Маркс прямо говорил, что все дети с девяти лет должны принимать участие в производстве.

Обыкновенный случай парного морализирования. Учитель обнаружил вора, укравшего у товарища три рубля. Учитель никому не сказал о своем открытии, а поговорил с укравшим наедине. Никто из учащихся класса так и не узнал, кто же украл, в том числе и девочка, у которой были украдены деньги.

Мальчишеский коллектив, поставленный в здоровые педагогические условия, может развиваться до совершенно непредвиденных высот.

Самое лучшее воздействие — это воздействие коллектива.

Наказание — настолько тонкое дело, что оно не может быть поручено каждому педагогу.

Каждый новенький, как только он вошел в коллектив, ходит и мечтает, когда его, наконец, накажут. Он считает, что с этой минуты, как я наказал его в первый раз, он свой: я не смотрю на него, как на чужеродного. Раз я его наказал, и он ответил «есть!», то мы с ним друзья на всю жизнь.

Коммунаром назывался каждый воспитанник через 4 месяца после его поступления в коммуну.

Коллектив возможен только при условии, если он объединяет людей на задачах деятельности, явно полезной для общества.

Наш путь единственный — упражнение в поведении, и наш коллектив — гимнастический зал для такой гимнастики.

Сознание должно прийти в результате опыта, в результате многочисленных социальных упражнений, только тогда оно ценно.

Детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив.

Требования коллектива являются воспитывающими, главным образом по отношению к тем, кто участвует в требовании.

Оставить вора в коллективе — это значит обязательно развить воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить бесконечные конфликты, связанные с подозрениями на невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запираить свои вещи и подозрительно поглядывать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе.

Я хочу только одного, чтобы о ценности метода судили по его результату.

Коллектив выковывается на явлениях, имеющих общественное значение.

Что это за воспитание, которое берет такую дорогую плату с ребят: мы вас воспитываем, но помните, такие сякие, какие вы были скверные и какими становитесь под нашими руками.

Среди коммунаров самые тяжелые именно семейные дети. Они тяжелее еще и потому, что меньше дорожат коммуной.

С интеллектом вообще педагогика до сих пор не знает средства справиться. Если человек глуп, то это надолго. Слабый интеллект, соединенный со слабостью воли, — комплекс настолько ненадежный, что в известной среде рецидив почти неизбежен.

Беспризорные 1921–1924 годов уже давно исчезли... Наш теперешний беспризорный — это вовсе не продукт классового распада... Теперешний беспризорный — это прежде всего ребенок, потерявший семью.

Ребят привлекает, прежде всего, интересная и богатая перспективами и содержанием жизнь коллектива. Ребята инстинктивно видят в жизни такого коллектива что-то настоящее.

А. Макаренко

Если ребенок не будет чувствовать, что ваш дом принадлежит и ему тоже, он сделает своим домом улицу.

Н. Ротшильд

Если вы хотите научить своих детей воровать, заставьте их подольше выпрашивать все, что вы им даете.

Генри Шоу

Воспитатель сам должен быть тем, чем он хочет сделать воспитанника.

А. Даль

Лучшее, что отец может сделать для своих детей, — это любить их мать.

Теодор Хесберг

Большинство из нас становятся родителями, еще не перестав быть детьми.

Миньон Маклофин

Самовоспитание — труднейшая разновидность самообслуживания.

Эвгениус Коркош

Воспитание есть усвоение хороших привычек.

Платон

Воспитывать — значит вырабатывать невосприимчивость к телевидению.

Маршалл Маклюэн

Ни один ребенок не может опозорить родителей так, как родитель — ребенка.

Ян Курчаб

Не заставляй детей ронять слезы слишком часто, иначе им будет нечего уронить над твоей могилой.

Пифагор

В Древней Греции молодым людям до 35 лет пить запрещалось категорически.

Ребенок — самое действенное оружие женского террора.

Веслав Сенкевич

Реформировать мир — это значит реформировать воспитание.

Януш Корчак

Настоящая жизнь — не те дни, что прошли, а те, что запомнились.

Павленко

Праздный мозг — мастерская дьявола.

Англ. посл.

Нравственность народов зависит от уважения к женщине.

Гумбольдт

Не полюбивши долга, нельзя его исполнить.

Гончаров

Подлецы — самые строгие судьи.

Горький

Родители должны уважать детей, а дети... уже непременно будут любить их, раз почувствуют это уважение к себе.

Розанов

Процветание государства, благополучие народа зависят неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания.

Новиков

Педагогика — попытка дать больше, чем знаешь сам.

Г. Малкин

Педагог — человек, который знает, как воспитывать чужих детей, лучше, чем своих.

Жюльен де Фалькенаре

Пусть первым уроком ребенка будет повиновение — тогда вторым может стать то, что ты считаешь необходимым.

Франклин

Родители меньше всего прощают своим детям те пороки, которые они сами им привили.

Шиллер

Плох тот воспитатель детей, который не помнит своего детства.

Эбнер-Эшенбах

Если не знаешь, каковы твои дети, посмотри на их друзей.

Сюнь-цзы

В каждой стране искусство формировать людей так тесно связано с формой правления, что какое-либо значительное изменение в общественном воспитании вряд ли возможно без изменений в самом государственном строе.

Гельвеций

Есть люди, которые рождаются с влечением ко злу.

Лихтенберг

От правильного воспитания детей зависит благосостояние всего народа.

Локк

У всякого человека два воспитания: одно, которое ему дают другие, и другое, которое дает себе сам.

Гибсон

Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты.

Пирогов

Говорят, что лучшее правило политики — не слишком управлять. Это правило столь же верно и в воспитании.

Жан Поль

Случается, что наказание влечет за собой преступление.

Лец

Говорить с ребенком, увлечь его — это гораздо труднее, чем выиграть выборы.

Сидония Колетт

Детская беда безгранична. Отчаяние взрослого, пожалуй, несравнимо с отчаянием ребенка.

Айрис Мердок

Наши дети старше нас, потому что им дольше, дальше жить. Старше нас из будущего. Поэтому иногда нам и чужды.

Марина Цветаева

Я люблю всех своих детей, но некоторые из них мне не нравятся.

Лилиан Картер

Дети питаются молоком и похвалами.

Мэри Лэм

События детства не проходят, а повторяются, как времена года.

Элинор Фарджен

Воспитанность — это восприимчивость к чувствам других. Если у вас это есть, вы воспитанный человек, независимо от того, той ли вилкой вы пользуетесь.

Эмили Пост

Об искусстве правления: первое правило — делать так, чтобы люди думали, будто они сами хотят этого.

Издавая закон, ставь себя на место того, кто должен ему подчиняться.

Выговоры чинить детям наедине, а хвалить, кого того достойны, при свидетелях.

К учению не принуждать и за учение не бранить. Буде учатся хорошо своей охотою, тогда похвалить.

Екатерина Великая

Дети нуждаются в любви, особенно если они ее не заслуживают.

Гаролд Халберт

Каждый сынишка относится к разряду тех мальчиков, с которыми мать запрещает ему играть.

«Железное правило педагогики»

Когда мы, наконец, можем позволить себе иметь детей, у нас уже внуки.

Янина Ипхорская

Когда, наконец, понимаешь, что твой отец обычно был прав, у тебя самого уже подрастает сын, убежденный, что его отец обычно бывает не прав.

Лоренс Питер

Трудное детство никогда не кончается.

Ежи Урбан

Если тюрьма не учит заключенного жить в обществе, она учит его жить в тюрьме.

Алан Бартолемью

Когда родители пьют, дети чокаются.

Лозунг французской Антиалкогольной лиги

Все наши ошибки, грехи, злые мысли, злые отношения, с самого притом детства... имеют себе соответствие в пожилом возрасте и особенно в старости. Что жизнь, таким образом, есть *организм*, а не «отдельные поступки».

Василий Розанов